

ЗОВАНИЯ

ISSN 0453-8048
ISSN 0320-8281

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

374 ' 93

И С Т О Р И Я

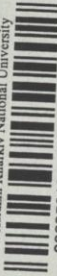
ВЫПУСК 27

«ОСНОВА»

10.000=

“ОСНОВА”

V.N. Karazin Kharkiv National University

00295310

2

0320-8281. Вестн. Харьк. ун-та. 1993. № 374. История. Вып. 27.

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 374

ИСТОРИЯ

Основан в 1964 г.

Выпуск 27

Харьков

Издательство «Основа»

при Харьковском государственном университете

1993

В вестнике рассматриваются актуальные вопросы истории и археологии украинских земель, а также проблемы новейшей истории зарубежных стран. В него включены материалы к биобиблиографическому словарю преподавателей исторического факультета (окончание).

Для преподавателей, научных работников и студентов.

Редакционная коллегия: канд. ист. наук доц. Ю. В. Буйнов (отв. ред.), канд. ист. наук преп. С. В. Дьячков (отв. секр.), д-р ист. наук проф. В. И. Кадеев, канд. ист. наук доц. С. М. Куделко, д-р ист. наук проф. А. Е. Кучер, д-р ист. наук проф. Б. К. Мигаль, д-р ист. наук проф. В. К. Михеев, канд. ист. наук доц. Е. П. Пугач, д-р ист. наук проф. И. К. Рыбалка

Адрес редакционной коллегии: 310077 Харьков, пл. Свободы, 4, университет, исторический факультет, тел. 45-74-78

000000—139
226—93

Заказное

K-14038

© Харьковский государственный университет, 1993

Центральная наукова
бібліотека ХДУ
ІНВ. № 326025

✓

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШИХ ОРУДИЯХ ДЛЯ ВСПАШКИ ПОЧВЫ
НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

В истории начального периода использования пахотных орудий еще много неясного. Уже в хозяйстве трипольских энеолитических племен земледелие играло важную роль. Поэтому весьма актуальным является вопрос о том, какими орудиями в это время (IV—III тысячелетия до н. э.) местное население обрабатывало почву. Довольно часто встречающиеся находки роговых и каменных мотыг позволяют многим исследователям говорить о существовании мотыжного земледелия у племен трипольской культуры. Достоверных находок орудий, которые могли бы использоваться для вспашки с применением тягловой силы скота среди трипольских артефактов, видимо, нет. Лишь одна находка (рис. 1) на поселении Новые Русешты 1 вызывает различные толкования. Речь идет о найденном В. И. Маркевичем орудии из рога лося, которое он и С. Н. Бибиков называют ралом [1, с. 52]. Е. К. Черныш в главе, написанной для обобщающей коллективной работы «Археология СССР. Энеолит СССР», с одной стороны, указывает, что основными орудиями для обработки почвы у трипольцев были мотыги, а с другой — роговое орудие из поселения Новые Русешты все же называет ралом [9, с. 233—234, рис. 18]. Неоднократно возвращаясь к этому вопросу Г. Ф. Коробкова [4, с. 38], и в своей монографии она определенно говорит о примитивном рале из поселения Новые Русешты, которое использовалось «скорее всего для рыхления вспапанной мотыгами почвы и проведения борозд» [5, с. 156]. Таким образом, Г. Ф. Коробкова, признавая ведущую роль мотыжной обработки земли у населения трипольской культуры, все же допускает и применение рала, хотя с весьма ограниченной целью — для проведения борозд. При этом возникает вопрос: можно ли вообще орудие, найденное в с. Новые Русешты, называть ралом, признавая тем самым наличие не только мотыжного, но и пашенного земледелия у трипольских племен. Древнее рало — это рассчитанное на использование тягловой силы скота орудие для вспашки с симметричной в сечении рабочей частью, которое способно только разрывать и разрыхлять почву. При этом оно действует одинаково при движении в обоих направлениях [16, с. 4—6]. Чтобы избавиться от остающихся между бороздами гребней, производили перекрестную вспашку, следы которой найдены под курганами [14, с. 189—239; 15, с. 157—162].

Обломок рога, найденный на поселении Новые Русешты, явно непригоден для работы в качестве рала. На нем нет никаких признаков прикрепления тяги или рукоятки. Даже если допустить, что эти детали находились в обломанной части, ближе к основанию рога, то и это ничего не меняет. Если предположить, что роговое орудие применяли в том положении, в котором оно изображено в работе Е. К. Черныша (рис. 1, а), то использование его в

качестве рала невозможно. Растопыренные в стороны тонкие концы рога сильно затрудняют движение орудия вперед, так как захватывают слишком широкую полосу земли, причем боковые отростки работают не острием, а боковыми сторонами, т. е. не разрыхляют, а сдвигают землю. Моделирование показывает, что между зубьями забиваются растительные остатки и налипают комья земли. Все это не позволяет разрыхлять таким орудием почву или проводить борозды. К тому же тонкие концы его обломаются, если к орудию будут приложены усилия, создаваемые тянущими его быками. Если бы данный кусок рога действительно хотели использовать для проведения борозды, то следовало оставить один средний заостренный отросток, а боковые, как и тормозящий движение задний маленький отросток, обрезать. Если этого не было сделано, то надо полагать, что кусок рога использовали с иной целью.

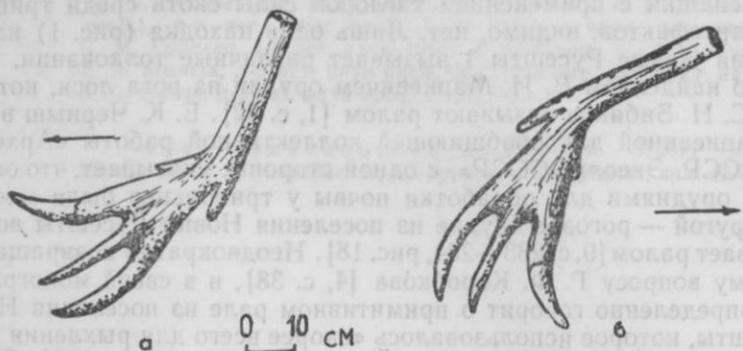

Рис. 1. Роговое орудие из поселения Новые Русешты: 1 — положение орудия для предполагаемого использования его в качестве рала; 2 — положение орудия при использовании его в качестве граблей

Если повернуть предмет в обратном направлении (рис. 1, б), то его вполне можно было использовать для работы вручную как грабли, производя различные работы, соответствующие назначению этого орудия. Но и при этом следовало бы привязать его к какой-либо палке для удлинения рукояточной части. Однако в любом случае это костяное орудие нельзя называть ралом.

Другое орудие, характеристика которого требует уточнения, найдено в кургане Высокая Могила у с. Балки [2, с. 146—152]. На дне могилы слева от погребенного вдоль стенки лежал деревянный предмет (рис. 2), рядом с ним — каменный терочник, обломок каменного топора и набор кремневых орудий. Деревянный предмет имеет вид слегка изогнутой палки круглого сечения, заостренной на одном конце. Немного ниже средней части палки имеется кольцевое утолщение, а под ним — круглое отверстие. Следует подчеркнуть одно важное обстоятельство. Раскапывающие курган археологи сразу же, до высыхания деревянного предмета, сделали необходимые измерения. Общая длина предмета 82 см, длина частично обломанной рукояточной части 33 см, а рабочей заостренной

части 49 см. Диаметр рукояточной части 6 см, а кольцевого утолщения — 7 см. Диаметр отверстия 2,5 см. При оценке орудия эти данные, разумеется, не могут произвольно изменяться.

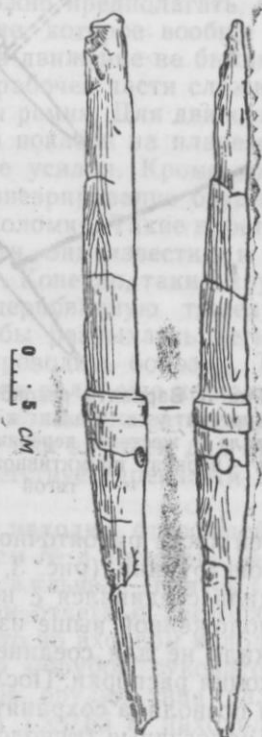
Авторы публикации — В. И. Бидзиля и Э. В. Яковенко — определили деревянное орудие как сделанное из ясеня рало позднейшей культуры. Однако в дальнейшем выяснилось, что погребение, в котором найдено орудие, относится не к ямной, а к катакомбной культуре [8, с. 45—46] и датируется первой половиной II тыс. до н. э. В. И. Бидзиля и Э. В. Яковенко сравнивали свою находку с ралами, изображенными на симферопольской стеле, и считали, что орудие, найденное в кургане у с. Балки также принадлежит к разновидности однорукояточных прямогрядильных рал. Однако, как будет показано ниже, такое сравнение и вытекающую из него характеристику балкинского рала нельзя считать удачными. У рал, изображенных на симферопольской стеле [12, с. 28—30, рис. 2—4], вертикально расположенный стояк соединен с прямым грядилем и имеет ясно выраженную горизонтальную рабочую часть-ползун. В то же время В. И. Бидзиля и Э. В. Яковенко правильно указывают, что заостренная рабочая часть балкинского рала должна была находиться под углом к почве и не имеет полоза. Через круглое отверстие рабочая часть рала как-то соединялась с прямым грядилем.

Рис. 2. Сохранившаяся часть деревянного рала из кургана Высокая Могила у с. Балки

Ю. А. Краснов [6, с. 67] соглашается с этой характеристикой находки, но, чтобы сделать более убедительным предположение о закреплении в отверстии прямого грядиля, он увеличивает размер отверстия до 2,5—3 см, не обращая внимания на и без того очень тонкие стенки орудия у отверстия. По его мнению, отверстие могло иметь больший размер до усыхания, но он забывает о том, что измерения были сделаны авторами находки сразу же при обнаружении орудия, т. е. до его высыхания.

Таким образом, при изучении находки из кургана у с. Балки мы сталкиваемся с рядом противоречий и непонятных моментов. Если балкинскую находку считать остатком деревянного рала, у которого в древности была отломана верхняя часть с рукояткой, то можно рассмотреть три варианта его реконструкции.

Первый вариант соответствует предположению В. И. Бидзили, Э. В. Яковенко и Ю. А. Краснова о том, что находка

представляет собой прямогрядильное одnorукояточное рало без полоза, рабочая часть которого располагалась под углом к почве, а жесткий грядиль соединялся с рабочей частью через имеющееся круглое отверстие (рис. 3, а). При этом никто из указанных исследователей не выражает сомнения в возможности использования тяговой силы скота для приведения в движение этого орудия. Вместе с тем никто не может убедительно объяснить, почему так мало имеющееся отверстие и почему оно круглое. Ведь для прочного и

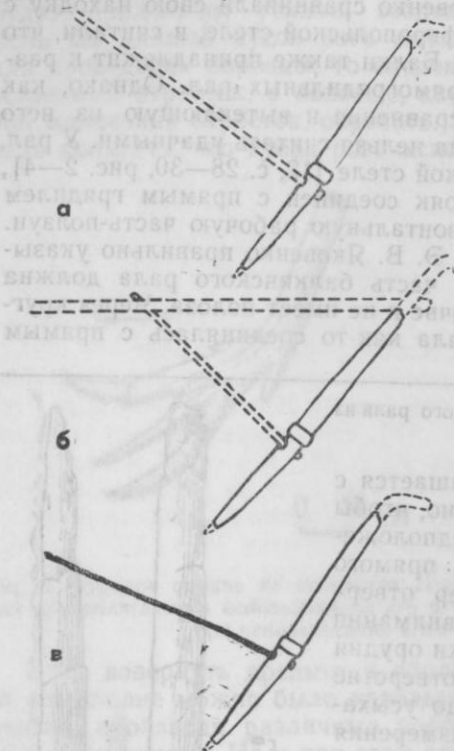

Рис. 3. Варианты реконструкции рала из кургана у с. Балки: а—б—варианты рала с жестким деревянным грядилем; в—вариант примитивного рала с гибкой тягой

неподвижного соединения с жестким грядилем его целесообразнее было бы сделать прямоугольным и большим по размеру, а само орудие — в целом более массивным. При имеющихся размерах, тонкой рабочей части и тонких стенках отверстия это орудие поломалось бы при первой же попытке быков сдвинуть его с места с заглубленной в землю рабочей частью. Наконец, при отверстии, просверленном перпендикулярно к рабочей части орудия, передний конец прямого грядиля поднимался бы слишком высоко. В данном случае более целесообразным был бы не прямой, а кривой грядиль, как, например, у рала на наскальном изображении в Аспеберге [13, рис. 48]. Но так как и при этом остается непонятным существование очень маленького круглого отверстия и общая хрупкость орудия, то такая реконструкция неубедительна.

Второй вариант реконструкции исходит из предположения, что перед нами остатки нижней части рукояточного прямогрядильного рала, но более сложной конструкции (рис. 3, б). Можно предположить, что прямой грядиль соединялся с несохранившейся верхней частью орудия, расположенной выше излома, а имеющееся небольшое отверстие служило не для соединения с грядилем, а для закрепления нижнего конца распорки. Последняя верхним концом укреплялась в грядиле и позволяла сохранять заданный угол наклона рабочей части рала. Аналогичные бесполезные рукояточные рала известны по наскаль-

ным изображениям [13; 15, табл. 7, с], в древнем Египте и в других местах [12, рис. 24]. Существование маленького отверстия при этом можно объяснить, но в целом все возражения не снимаются. Внимательное рассмотрение сохранившейся части орудия заставляет сомневаться и в такой реконструкции по следующим причинам. Если бы в верхней несохранившейся части орудия действительно закреплялся бы прямой грядиль, то следовало бы ожидать, что в этом направлении толщина орудия будет значительно увеличиваться, но этого не наблюдается. Еще важнее другое обстоятельство. Если сохранившаяся часть орудия, судя по описанию нашедших его, имеет длину 82 см, а грядиль должен быть закреплен где-то выше излома, то оказывается, что тяговое усилие прилагается к точке, расположенной очень высоко, а при общей хрупкости изделия это резко увеличивает возможность поломки орудия. Оно становится неработоспособным.

Остается единственно возможным для данной находки третий вариант реконструкции (рис. 3, в), при котором сразу же устраняются все противоречия между деталями сохранившейся части и общей формой реконструируемого орудия. Но при этом надо отказать от мысли, что мы имеем дело с рукоятчным рало, имеющим жесткий грядиль. Если сохранившееся отверстие было единственным и отломалось, как полагают исследователи кургана, только небольшая часть с рукояткой, то можно предполагать, что в кургане у с. Балки было найдено орудие, которое вообще не имело жесткого грядиля. Оно приводилось в движение не быками, а людьми. Небольшое круглое отверстие в рабочей части служило для закрепления гибкой тяги из веревки или ремня. Для движения орудия с острым и тонким концом, который показан на плане могилы, прилагались сравнительно небольшие усилия. Кроме того, гибкая тяга смягчала рывки, облегчала маневрирование орудием и соответственно уменьшала опасность его поломки. Такие простые орудия существовали не только в древности, они известны и по этнографическим данным [14, с. 171, рис. 6]. Конечно, таким хрупким орудием нельзя было вспахать задернованную тяжелую почву. Оно предназначалось для того, чтобы разрыхлять легкие песчаные и супесчаные почвы или только проводить борозды. Таким образом, в кургане у с. Балки найдено не рало, еще не полностью сформировавшееся, а орудие, которое можно назвать скорее прототипом бесполозного рукоятчного рала или орудием для проведения борозд. Простота его вполне соответствует древности находки.

Необходимо остановиться еще на одной находке, относящейся к бронзовому веку. Она связана с погребением № 4 в кургане № 1, который был раскопан в 1974 г. на берегу р. Кильчень (приток Самары) у с. Верхняя Маевка. В публикации отчета о раскопках [3, с. 11—12, 92, табл. 2] говорится о том, что во входном колодце погребения катакомбной культуры «лежал обрубок суковатого ствола, в котором возможно видеть пахотное орудие типа рала. Проход в погребальную камеру размером 1×0,63 м находился

в Ю стенке; его закрывал со стороны колодца заклад из 4-х бревнышек диаметром 0,2 м». На плане могилы показан обломок суковатого ствола, имеющего раздвоение на двух концах и еще одиннадцать более мелких обломков. В статье В. А. Лихачева [7, с. 51—53] с этой находкой происходят удивительные превращения. Вместо одного крупного суковатого ствола на плане во входной яме показано пять крупных обломков и два более мелких. Сильно раздвоенный конец имеет теперь только один обломок. Между описанием и изображением имеются существенные расхождения. Например, в описании сказано, что грядиль был положен в могилу сломанным в той части, которая ближе к основанию рабочей части рала. Но на рисунке видно, что он состоит из четырех неодинаковых по толщине обломков. Некорректность еще более заметна при рассмотрении вариантов реконструкции рала, которые предлагает В. А. Лихачев. Оказывается, что длина и форма грядиля, а также рабочей части могут быть произвольно изменены. Но в таком случае теряются основные показатели, характеризующие орудие. Более того, варианты реконструкции показывают, что контуры не стыкуются, а перекрывают друг друга. Следовательно, предлагаемые комбинации совершенно произвольны и не могут быть приняты. Судя по материалам отчета, в этой могиле были найдены просто куски дерева, которые остались после сооружения заклада.

Таким образом, действительно древнейшее рукояточное прямогрядильное рало с полозом зафиксировано в Восточной Европе двумя изображениями на каменной стеле рубежа III—II тысячелетий до н. э. из кургана № 1 в урочище Бахчи-Эли около Симферополя [10—11]. Как отмечалось, орудия этого типа близки к древнейшим месопотамским и египетским ралам. Важно то, что на стеле не просто изображены рала и другие орудия древних земледельцев (простые и сложные мотыги, серпы или жатвенные ножи, топоры); но показана сцена подготовки к пахоте. В этой культовой сцене фигурируют умирающее и воскресающее божество. Вероятно, этот культ об умирающем и воскресающем боге плодородия, подобный египетскому культу Осириса, месопотамскому культу Таммуза и сирийскому культу Алийята, проник в Восточную Европу из Передней Азии и свидетельствует об очень ранних переднеазиатских связях местных земледельцев. К кругу этих культов относится и культ Диониса, позже распространившийся в Скифии, Фракии и Греции. Древнейшим подлинным и хорошо датированным кривоградильным ралом с полозом до сих пор остается рало бронзового века, найденное в торфянике у с. Полесье в Черниговской области. Радиоуглеродным методом оно датируется 1390 ± 80 г. до н. э. [10; 18]. Впоследствии именно рала с полозом получают широкое распространение в Восточной Европе.

Список литературы: 1. Бибииков С. Н. Хозяйственно-экономический комплекс развитаго Триполья // СА. 1965. № 1. 2. Бидзиля В. И., Яковенко Э. В. Рало из позднего погребения конца III — начала II тысячелетия до н. э. // СА. 1973. № 3. 3. Ковалева И. Ф., Волковой С. С., Марина З. П. и др. Исследования курганных могильников у с. В. Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары // Кур-

ганные древности Степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.). Днепропетровск. 1977. 4. Коробкова Г. Ф. Трипольские мотыги и проблемы трипольского земледелия // Юбилейная конференция: 150 лет ОГАМ АН УССР. Тезисы. 1975. 5. Коробкова Г. Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л., 1987. 6. Краснов Ю. А. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975. 7. Лихачев В. А. Рало из погребения у с. Верхняя Маевка // Древности степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.). Днепропетровск, 1982. 8. Никитенко М. М. О датировке балкинского рала // Новые исследования археологических памятников на Украине. К., 1977. 9. Черныш Е. К. Хозяйство и общественный строй трипольских племен // Археология СССР. Энеолит СССР. М., 1982. 10. Шрамко Б. А. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника // СА. 1964. № 4. 11. Шрамко Б. А. Про час появи орного землеробства на півдні Східної Європи // Археологія. К., 1972. № 7. 12. Brentjes B. Untersuchungen zur Geschichte des Pfluges, III // Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin—Luther—Universität Halle—Wittenberg. 3. 1953—54. Gesellschafts und sprachwissenschaftliche Reihe. H. 2. 13. Glob P. V. Ard og plov i Nordens Oldtid // Jysk arkæologisk selskabs skrifter, t. 1, Aarhus, 1951. 14. Hisashi Horio. Farm Tools in the "Nogu—Benri—Ron". Intensive Hoe—Farming during the Edo—Period in Japan // Tools and Tillage, Copenhagen. Vol. 11, 3, 1974. 15. Leser P. Entstehung und verbreitung des Pfluges. Münster, 1931. 16. Pätzold J. Rituelles Pflügen beim vorgeschichten Totenkult // Prähistorische Zeitschrift, 1960. 38. 17. Sach F. Proporsal for the Classification of Pre-industrial Tilling Implements // Tools and Tillage. Vol. I, 1. 1968. 18. Šramko V. A. Der Hakenpflug der Bronzezeit in der Ukraine // Tools and Tillage. Vol. I, 4, 1971. 19. Steensberg A. Parallel ploughing with alternately sloping and upright ard in Collumella // Folk—Liv, 1957—1958. N. 21—22.

Поступила в редколлегию 27.01.92

В. А. ДМИТРИЕВ

НОВЫЕ ПОЗДНЕЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В БАССЕЙНЕ р. ВОРСКЛЫ

Памятники эпохи энеолита—ранней бронзы в бассейне р. Ворсклы до сих пор не были объектом специального изучения. Вплоть до недавнего времени данные об этих памятниках исчерпывались материалами раскопок В. А. Городцова и Е. Н. Мельник в начале XX в [4, с. 110—130; 9, с. 673—743], малочисленность которых послужила основанием для вывода о заселении этой территории только на последней стадии существования древнейших племен [11, с. 3—16].

В настоящее время источниковая база для изучения позднеэнеолитических памятников Поворсклья существенно выросла. В этом регионе известно более 200 погребений эпохи энеолита и ранней бронзы. *

В статье вводятся в научный оборот новые данные об энеолитических захоронениях в бассейне р. Мерлы—левом притоке р. Ворсклы на территории Харьковской области.

У с. Пархомовка Краснокутского района был доисследован курган, разрушенный при строительстве силосной ямы. Насыпь имела округлую в плане форму диаметром 38 м, высотой 0,7 м. **

* Раскопки Л. Н. Луговой, А. Б. Супруненко и др. Материалы хранятся в фондах Полтавского областного историко-краеведческого музея.

** Высота курганных насыпей и глубина могильных ям основных погребений дается от уровня древнего горизонта.

Погребение 2 — основное, выявлено в 1,5 м к югу от условного центра кургана. Могильная яма прямоугольной в плане формы, размерами $1,4 \times 0,7 \times 0,8$ м, ориентирована по линии запад—восток. Свидетельств существования перекрытия не выявлено. Погребенный лежал скорченно на спине, головой на восток. Правая рука протянута вдоль туловища, левая — согнута в локте и кистью уложена на таз. Ноги, первоначально согнутые в коленях и поставленные вертикально, упали углом вправо. Стопы сохранили положение «на подошве». Стопы ног, таз и нижняя часть грудной клетки погребенного окрашены красной охрой. Под костяком зафиксированы остатки органической подстилки [12, с. 13—20].

У с. Любовка Краснокутского района находятся две курганные группы: группа А в составе четырех курганов — в 1,5 км к северо-западу от села; группа Б — в 2 км к западу от села, насчитывает пять курганов.

Курганная группа А, курган № 1 — насыпь округлой в плане формы диаметром 26 м, высотой 0,9 м.

Погребение 2 — основное, исследовано в центральной части кургана. Яма прямоугольной в плане формы, размерами $1,5 \times 0,9 \times 0,7$ м, ориентирована с запада на восток. В грунте заполнения зафиксированы фрагменты древесины от перекрытия. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Кисти рук положены на таз. Под костяком отмечены остатки органической подстилки (рис. 1, а).

Курган № 3 — округлой в плане формы диаметром 22 м и высотой 0,8 м был возведен над одновременными захоронениями 1 и 2: материковые выкиды из обоих погребений основанием лежали на уровне древнего горизонта.

Погребение 1 находилось в центральной части кургана. Материковому выкиду из могилы была придана правильная кольцевая форма диаметром 4 м со свободным пространством в восточной части шириной 1 м. Могильная яма яйцевидной в плане формы, размерами $1,9 \times 1,7 \times 1,02$ м, продольной осью ориентирована по линии север — юг. В грунте заполнения отмечены фрагменты древесины от перекрытия. Погребение парное; костяки повреждены ходами землероек. Оба погребенных были уложены скорченно на спине, головами на юг с незначительным отклонением к востоку. Руки протянуты вдоль туловища; ноги, первоначально согнутые в коленях и поставленные вертикально, упали углом вправо. Берцовые кости обоих костяков окрашены охрой вишневого цвета; под костяками сохранился коричневый тлен от органической подстилки (рис. 1, б).

Погребение 2 находилось в 5 м к северо-востоку от условного центра кургана за пределами кольцевого выкида из погребения 1. Яма прямоугольной формы, размерами $1,85 \times 1,30 \times 0,8$ м, продольной осью ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Погребенный лежал скорченно на спине, головой на юго-запад. Руки не сохранились. Ноги упали углом влево. Ребра и берцовые кости ног окрашены красной охрой. Под костяком зафиксированы остатки органической подстилки (рис. 1, в).

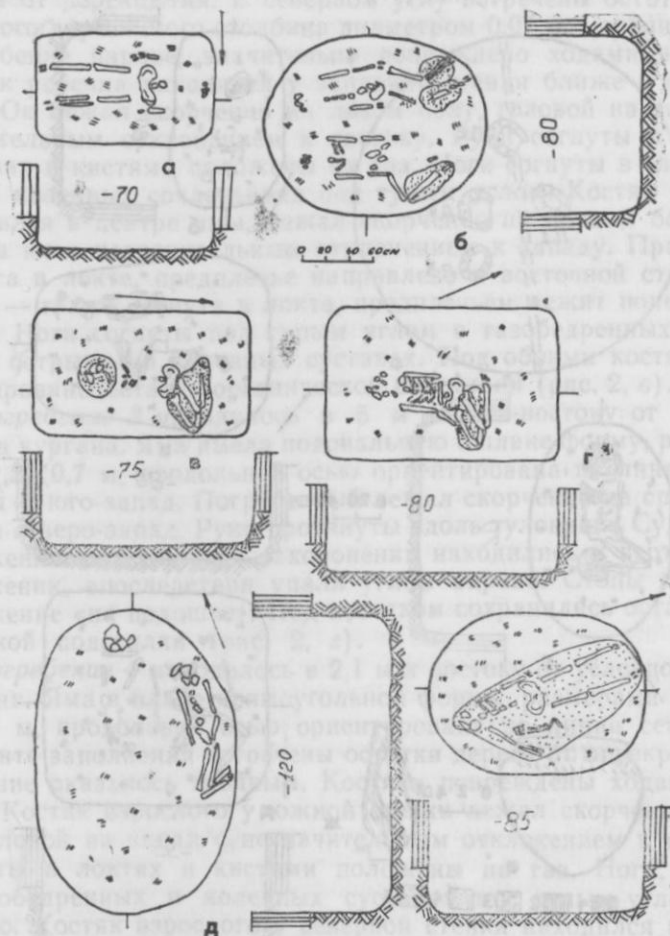

Рис. 1. Погребения энеолита — ранней бронзы из курганов у с. Любовка и Корбины Иванов

Курганная группа Б, курган № 1 — насыпь округлой в плане формы диаметром 129 м, высотой 0,9 м, возведен над четырьмя синхронными погребениями (рис. 2, а).

Погребение 1 находилось в 2,4 м к западу от условного центра кургана. Яма подтрапиевидной в плане формы была ориентирована на юго-запад — северо-восток. Длина ямы 1,45 м, ширина северо-восточной стенки 1,05 м, юго-западной — 0,88 м, глубина — 0,8 м. Погребенный, ребенок 8—10 лет, лежал на правом боку скорченно, головой на юго-запад. Правая рука протянута вниз, левая — отсутствует. Ноги согнуты в тазобедренных и коленных сочленениях под прямым углом. Перед черепом погребенного расчищен небольшой круглодонный сосуд с коротким прямым венчиком.

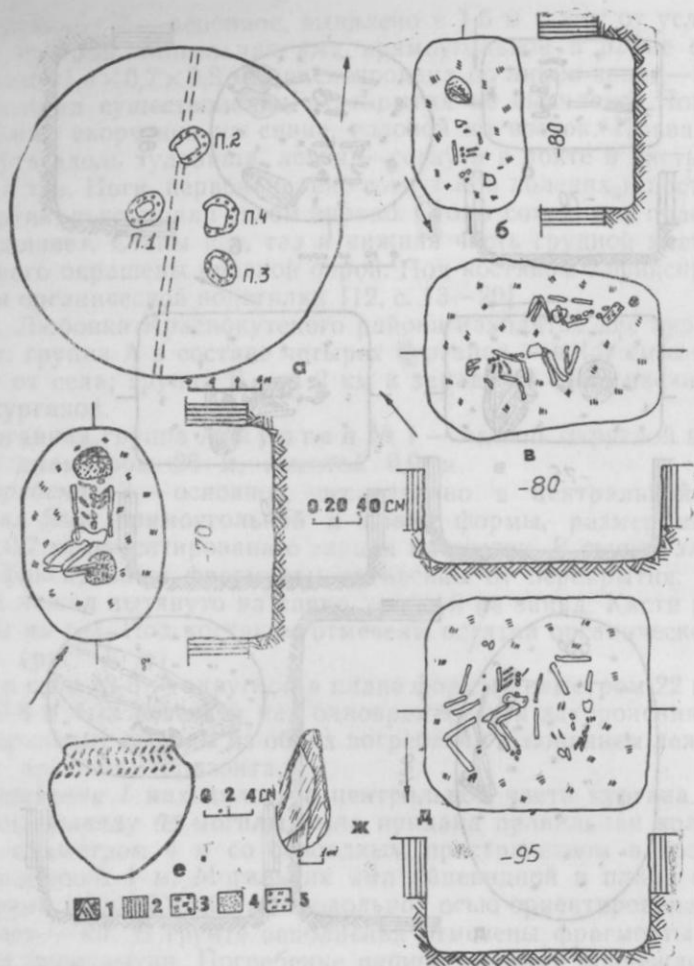

Рис. 2. План кургана № 1 и погребений из кургана у с. Любовка: 1 — материк, 2 — погребенная почва, 3 — материковый выкйд, 4 — охра, 5 — органическая подстилка

орнаментированный по венчику и плечикам тремя рядами палочных насечек (рис. 2, е). Рядом с ним лежал маленький кремневый скребок с лезвиями, подправленными мелкой ретушью (рис. 2, ж). На берцовых костях погребенного заметны следы красной охры. Под костяком зафиксированы остатки органической подстилки (рис. 2, б).

Погребение 2 находилось в 4,4 м к северу от условного центра кургана. Могильная яма имела подтрапцевидную в плане форму: длина — 2 м, ширина южной стенки — 1,65 м, северной — 1,35 м, продольной осью ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. В грунте заполнения ямы встречены фрагменты истлевшего

дерева от перекрытия. В северном углу встречены остатки вертикального деревянного столбика диаметром 0,07 м. Глубина — 0,8 м. Погребение парное, значительно повреждено ходами землероек. Костяк ребенка находился у западной стенки ближе к северному углу. Он лежал скорченно на левом боку, головой на север с незначительным отклонением к востоку. Руки согнуты в локтевых суставах и кистями положены на таз. Ноги согнуты в тазобедренных и коленных сочленениях под тупым углом. Костяк взрослого находился в центре ямы, лежал скорченно на правом боку, головой на юг с незначительным отклонением к западу. Правая рука согнута в локте, предплечье направлено к восточной стенке ямы, левая — также согнута в локте, предплечьем лежит поперек туловища. Ноги согнуты под тупым углом в тазобедренных суставах и под острым — в коленных суставах. Под обоими костяками зафиксированы остатки органической подстилки (рис. 2, в).

Погребение 3 находилось в 5 м к юго-востоку от условного центра кургана. Яма имела подовальную в плане форму, размерами $1,8 \times 1,2 \times 0,7$ м, продольной осью ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Погребенный лежал скорченно на спине, головой на северо-запад. Руки протянуты вдоль туловища. Судя по расположению ног, они при захоронении находились в вертикальном положении, впоследствии упали углом вправо. Стопы сохраняют положение «на подошве». Под костяком сохранились остатки органической подстилки (рис. 2, г).

Погребение 4 находилось в 2,1 м к востоку от условного центра кургана. Яма в плане прямоугольной формы, размерами $1,8 \times 1,9 \times 0,95$ м, продольной осью ориентирована по линии север — юг. В грунте заполнения встречены остатки дерева от перекрытия. Погребение оказалось тройным. Костяки повреждены ходами землероек. Костяк взрослого у южной стенки лежал скорченно на спине, головой на запад с незначительным отклонением к югу. Руки согнуты в локтях и кистями положены на таз. Ноги, согнутые в тазобедренных и коленных суставах под тупым углом, упали вправо. Костяк взрослого у северной стенки находился в положении скорченно на спине, головой на восток. Левая рука протянута вдоль туловища, правая — не сохранилась. Левая нога, согнутая под тупым углом в тазобедренном суставе и под прямым — в коленном, упала влево. Обломок большой берцовой кости правой ноги в момент расчистки сохранял вертикальное положение. Скелет ребенка находился в центре ямы, между скелетами взрослых. Череп не сохранился. Погребенный лежал скорченно на спине, головой на запад. Левая рука согнута в локте, кистью лежала на тазу, правая — протянута вниз. Ноги, согнуты под тупым углом в тазобедренных суставах и под прямым — в коленных, упали вправо, стопы сохранили положение «на подошве». На дне ямы зафиксированы остатки органической подстилки (рис. 2, д).

Курган № 2 находился в 105 м к северу от кургана № 1. Он имел овальную в плане форму, с диаметрами 36 и 28 м, высотой 1,4 м.

Погребение 3 — основное, совершено в центре кургана. Яма имела прямоугольную в плане форму, с округленными углами, размерами $1,98 \times 1,3 \times 0,75$ м, ориентирована продольной осью по линии северо-восток — юго-запад. В заполнении встречены куски дерева от перекрытия. Погребенный лежал скорченно на правом боку, головой на юг с небольшим отклонением на запад. Правая рука согнута в локте под тупым углом и кистью направлена к коленям. Левая рука направлена кистью к локтю правой руки. Ноги согнуты под тупым углом в тазобедренных суставах и под острым — в коленных. Кости черепа и стоп ног окрашены красной охрой (рис. 1, з) [2, с. 11—16].

Курган № 1 у с. Корбины Ивана Богодуховского района имел округлую в плане форму, диаметром 32 м, высотой 2,0 м. Курган сооружен в два приема. Первая насыпь диаметром 21 м, высотой 0,6 м возведена над погребением 3, для второй основным являлось погребение 4.

Погребение 3 располагалось в центре кургана. Яма овальной в плане формы, размерами $2,6 \times 1,7 \times 1,2$ м, продольной осью ориентирована по линии северо-восток — восток — юго-запад — запад. В заполнении ямы встречены остатки дерева от перекрытия. Погребенный находился в северной половине ямы, он лежал скорченно на правом боку и ориентирован головой на юг с незначительным отклонением к западу. Правая рука протянута вниз, левая — согнута в локте и предплечьем уложена на таз. Ноги согнуты в тазобедренных суставах под тупым углом, в коленных — под острым. В 0,5 м к югу от этого костяка расчищен человеческий череп, который стоял на основании, лицевым отделом к северу. Следов костяка не выявлено. На дне ямы зафиксированы остатки органической подстилки (рис. 1, д).

Погребение 4 располагалось в 4,6 м к юго — юго-востоку от условного центра кургана. Яма овальной в плане формы, размерами $1,84 \times 1,40 \times 0,85$ м, продольной осью ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. В заполнении встречены куски дерева от перекрытия. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юг с незначительным отклонением на запад. Левая рука свободно протянута вдоль туловища, правая — отведена в сторону. Между правой рукой и грудной клеткой сохранился костный тлен грудного ребенка, лежавшего скорченно на левом боку, головой на юг с незначительным отклонением к западу. Кости обоих костяков обильно окрашены красной охрой. На дне ямы сохранились остатки органической подстилки (рис. 1, е).

Таким образом, исследовано одиннадцать погребений, относящихся к эпохе энеолита и раннему бронзовому веку. Учитывая основные обрядовые признаки, приведенные погребения можно разделить на вытянутые на спине, скорченные на спине и скорченные на боку. Погребения с костяками, уложенными вытянуто на спине и ориентированными на юг, относятся ко второй обрядовой группе (ОГ), по предложенной ранее типологии для территории лесостепного Левобережья Днепра [6, с. 25]. Погребения с костяками, уложенными вытянуто на спине и ориентированными на запад,

относятся к третьей ОГ; погребения с костяками, уложенными скорченно на спине и ориентированными на восток,— к пятой ОГ; погребения с костяками, уложенными скорченно на спине и ориентированными в западном полукруге,— к седьмой ОГ; погребения с костяками, уложенными скорченно на правом боку и ориентированными на запад и юг,— к девятой ОГ.

Имеющиеся стратиграфические данные свидетельствуют об одновременности второй и третьей ОГ, погребения которых всегда основные. Впускными к ним встречены погребения пятой, седьмой и девятой ОГ. Зафиксирован только один случай, когда погребение второй ОГ встречено впускным к основному погребению девятой ОГ. В этом же захоронении встречено сочетание двух обрядов в одном погребении (Корбины Иваны, курган № 1, погребение 4). В целом, с учетом всех имеющихся материалов, «вытянутые» погребения исследуемого региона образуют доянный горизонт, условно отождествляемый с нео-энеолитическим населением этой территории [3, с. 147—166; 7, с. 50—55; 10, с. 17—30]. В большинстве случаев древнейшие захоронения, характеризующиеся скорченным положением костяков, выступают в качестве впускных в курганах с основными «вытянутыми» погребениями, но на определенный период сосуществования обоих массивов населения указывают случаи «обратной» стратиграфии, которые также встречены в бассейне Северского Донца [5, с. 121].

Стратиграфические данные раскопок курганов в бассейне р. Ворсклы свидетельствуют об одновременном существовании двух обрядов — скорченно на спине и скорченно на правом боку. Зафиксированы случаи сочетания обоих обрядов в одном захоронении (Любовка «Б», курган № 1, погребение 4; Корбины Иваны, курган № 1, погребение 3). Не исключено, что это связано с поло-возрастными или социальными факторами. Но данных для разработки этого вопроса пока недостаточно.

Для погребения всех обрядовых групп бассейна р. Ворсклы, и «вытянутых», и собственно древнейших, характерны ориентировка погребенных в западном полукруге, обязательное наличие перекрытия и органической подстилки. Таким образом, лесостепные ворсклинские памятники территориально тяготеют к левобережному приднепровскому варианту древнейшей культурно-исторической области [8, с. 63—68] и отличаются по ведущим обрядовым признакам от лесостепных позднеэнеолитических погребений бассейна Северского Донца [6, с. 25—26].

Список литературы: 1. Берестнев С. И. Отчет об археологических исследованиях в 1982 году // Науч. архив Ин-та археологии АН УССР. 1983/84. 2. Берестнев С. И. Отчет об исследованиях экспедиции юных археологов Харьковской областной станции юных туристов в 1981 году // Науч. архив Ин-та археологии АН УССР. 1982/83. 3. Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Могилиник у с. Съезжее на р. Самаре // Сов. археология. 1979. № 4. 4. Городцов В. А. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями Двенадцатого Археологического съезда // Труды XII Археологического съезда. М., 1905. Т. 1. 5. Дмитриев В. А. Об энеолитических подкурганных захоронениях в Лесостепи Левобережной Украины // Тез. докл. науч. конф. Кишинев, 1991. 6. Дмитриев В. А. Периодизация и относительная хронология древнейших погребений лесостепного Левобережья

Украины // Тез. докл. науч. конф. Белгород, 1990. 7. Ковалева И. Ф. К вопросу о культурной принадлежности вытянутых энеолитических погребений // Курганы Степного Поднепровья. Днепропетровск, 1978. 9. Мельник Е. Н. Раскопки курганов в Харьковской губернии 1900—1901 гг. // Труды XII Археологического съезда. М. 1905. Т. 1. 10. Телегин Д. Я. Культурна належність і датування випростаних енеолітичних поховань Степового Подніпров'я // Археологія. 1987. № 60. 11. Шапошникова О. Г. Эпоха раннего металла в степной полосе Украины // Древнейшие скотоводы степей Юга Украины. К., 1987. 12. Шрамко Б. А. Отчет скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ о разведках и раскопках в 1971 г. (Археологический музей Харьковского госуниверситета).

Поступила в редколлегию 12.01.92

В. И. КАДЕЕВ, д-р ист. наук

РИМСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА МАТЕРИАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В I—IV ВВ. Н. Э.

В советской историографии долгое время существовала тенденция отрицания положительного римского влияния на хозяйство, жизнь и быт, материальную культуру античных государств Северного Причерноморья в первых веках н. э. Говоря о взаимоотношениях Рима с этими государствами, обычно старались показать агрессивность римской политики и ее отрицательное влияние на местное хозяйство и культуру.

Однако в последние два десятилетия появились исследования, в том числе и по истории Херсонеса, в которых отмечается римское влияние на различные стороны жизни античных государств Северного Причерноморья [1—5]. Но эти работы не исчерпали данной темы. Требуется новые исследования с более широким охватом имеющихся исторических источников, свидетельствующих о том, что Херсонес подвергся влиянию римской провинциальной культуры. В частности, это влияние проявилось в материальной культуре и требует подробного освещения.

В материальной культуре Херсонеса римское влияние прежде всего выразилось в появлении в городе новых, ранее неизвестных здесь построек, какими были термы. Они обнаружены на территории цитадели [6, с. 63; 7, с. 43, рис. 41; 8, с. 270—271], а также в других районах города [9, с. 113—119; 10, с. 53; 11, с. 253—254]. Их характер, планировка, конструктивные особенности и строительные приемы системы водоснабжения с применением гончарных труб и отопления с гипocaustом указывают на то, что это типично римские сооружения, хорошо известные в провинциальных городах и в военных лагерях, где постоянно находились римские гарнизоны. В римских провинциях Нижняя Мезия и Фракия существовали термы: городские, частные и гарнизонные [12, с. 175—180].

Судя по обнаруженным в Херсонесе термам, здесь были не только гарнизонные термы, но частные и, по-видимому, городские. На существование городских указывают термы, обнаруженные в 1898 г. у южной оборонительной стены [9, с. 113—119, рис. 13] и позднее исследовавшиеся в течение нескольких лет Н. В. Пяташевой [14]. Следовательно, в Херсонесе существовали термы, предназначенные не только для солдат римского гарнизона, но

и для местного населения. К тому же термы в городе строились не только в первых веках н. э., но и позднее [15, с. 77, рис. 21, 41—42]. Возникнув под римским влиянием, они стали обычным явлением и играли значительную роль в культурной жизни города, так как здесь его жители отдыхали и развлекались.

О римском влиянии свидетельствует и херсонесский театр, который после длительного запустения в I в. н. э. был радикально перестроен. На это указывает его план, отсутствие пародов, существовавших ранее. По сути херсонесский театр первых веков н. э. был возведен заново в соответствии с римскими архитектурными канонами. О римском типе здания театра в первых веках н. э. говорят и детали его оформления, в частности каменный рельеф с изображением сражающихся гладиаторов [16, № 502, ил. 200], а также и алтари Немезиды, обнаруженные в театре [17, № 59; 2, с. 126].

В результате присутствия в Херсонесе римского гарнизона, а может быть и по инициативе его командования, в город от источников воды на Гераклеийском полуострове был проведен многокилометровый водопровод из гончарных труб, помещенных в траншею [19, с. 210], позднее в некоторых местах замененный каменным водопроводом коробчатого сечения [20, с. 66]. Римляне имели большой опыт в сооружении гончарных водопроводов, считая их дешевыми, простыми в эксплуатации и сохраняющими хорошее качество воды (Vitruv. VIII, 6). Позднейшая замена гончарного водопровода каменным показывает, что местные гидротехники, по-видимому, не имели достаточного опыта в строительстве и эксплуатации гончарных водопроводов. И после ухода гарнизона сооружение гончарных водопроводов прекратилось, а при ремонте вернулись к каменным водопроводам.

326025
Немало новшеств появляется в первых веках н. э. в строительном деле, что было результатом римского влияния. Например, в Херсонесе широко применялась цемянка в качестве связывающего раствора и для придания водонепроницаемости при сооружении многочисленных рыбозасолочных цистерн, виноделен, хорошо известная в практике римского строительства. У римлян этот прочный известковый раствор с примесью толченой керамики назывался *Opus signinum*. Распространяются и новые типы черепиц и кирпича [21, с. 2, рис. 21], аналогичные соответствующим изделиям из римских провинций Мёзия, Фракия и Дакия. Обнаружены в Херсонесе и его окрестностях черепицы с латинскими клеймами, изготовленные в воинских мастерских [22, с. 39—45; 23, с. 58—62; 24, с. 139—142]. Вместе с тем следует отметить, что широко распространенный в дунайских римских провинциях строительный приём, называемый *Opus mixtum*, сочетавший каменную кладку и кирпич, в Херсонесе применялся крайне редко. Видимо, объясняется это тем, что в городе никогда не испытывали недостатка в строительном камне и предпочитали традиционные строительные приёмы.

Римское влияние на материальную культуру Херсонеса проявилось и в широком распространении различных видов керами-

ческих, металлических и костяных изделий, ювелирных украшений, votивных предметов, тессер и других вещей ранее неизвестных в городе, но широко распространенных в восточных римских провинциях и Италии. Часть из них становилась принадлежностью местного быта и культов, а другая была предметом подражания, что приводило к местному производству этих изделий по привозным образцам. Тем самым оказывалось влияние на местную материальную культуру рассматриваемой эпохи, быт и идеологию населения. Например, в Херсонесе встречаются керамические лутерии с латинскими клеймами Марка Арцецио и Филемона, известные в римских провинциях Дакия и Нижняя Мёзия [25, с. 92], краснолаковая terra sigillata галльского [26, с. 301—306] и мёзийского типов [25, с. 94, рис. 2]. Последняя аналогична посуде из керамических мастерских в районе Никополя на Истре [27, с. 30, рис. 1; 28, табл. XXX, 4, XXXII, 5].

В значительном количестве в Херсонесе были распространены как собственно римские светильники [29, с. 52—53, рис. 1], нередко с латинскими сигнатурами [30, с. 162—163], так и светильники римского типа [30, с. 160; 31; 32; с. 33, 38, 41], форма и орнаментация которых обусловлена римскими прототипами. На протяжении I—IV веков н. э. они доминировали среди этого вида керамических изделий в городе.

Следует обратить внимание и на появление во II—III веках н. э. посуды типа terra nigra [33, с. 193, рис. 42, a], ранее здесь неизвестной, но широко представленной в римских провинциях.

Встречаются в Херсонесе и другие керамические изделия римского происхождения. Так, в одной из могил некрополя были обнаружены три краснолаковые пластины овальной формы с врезным орнаментом неизвестного назначения с небольшими отверстиями сверху [34, с. 6, 9, рис. 6]. Совершенно аналогичные предметы, но с более сложным орнаментом, обнаружены в римской Пауталии на территории Фракии,* что может указывать на происхождение херсонесских пластин.

В свое время Г. Д. Белов обратил внимание на присутствие в Херсонесе привозных предметов мелкой бронзовой пластики с изображением Зевса, Афродиты, Гермеса, Геракла и других божеств. По его мнению, они указывают на культы, существовавшие в городе, и на культурные связи с Галлией, Италией и восточными провинциями [35, с. 23—30]. На наш взгляд, аналогии этим памятникам следует искать на территории римских провинций Мёзия и Фракия, где находились центры их производства. Об этом свидетельствуют многочисленные опубликованные [36, с. 188—191] и не опубликованные** находки подобных предметов в этих провинциях, откуда они и попадали в Херсонес. Кроме изображений

* Фонды окружного исторического музея в г. Кюстендил (Инв. № 1109—1110).

** Немало неопубликованных статуэток хранится в коллекциях местных музеев в небольших городах Болгарии. Примером может служить коллекция мелкой бронзовой пластики в музее г. Попово Разградской области.

божеств среди предметов бронзовой мелкой пластики встречаются и жанровые статуэтки. Одной из таких находок является фигурка актера из портового района Херсонеса [37, с. 260]. Статуэтка изображает актера в роли раба с амфорой на плече. Это персонаж из так называемой «новой комедии», возрожденной в первых веках н. э. и пользовавшейся популярностью в римских провинциях, в частности в Мёзии. На это указывает полихромная мозаика с изображением персонажей из комедии Менандра «Ахейцы», открытая в римском Эскусе [38, с. 234—239, рис. 11—12; 39, с. 14]. Датируется статуэтка не ранее II в. н. э. и, вероятно, привезена из Мёзии. Ближайшей аналогией может служить серебряная статуэтка актера-раба, найденная в погребении II — начала III вв. н. э. недалеко от Варны [40, с. 45—47].

Самого пристального внимания заслуживает бронзовая матрица с рельефным изображением Диониса в эдикуле [42, с. 30], первоначально принятая нами за votивный предмет. Эта матрица использовалась при изготовлении оттисков изображений Диониса на пластинках из тончайшего листа благородных и цветных металлов, т. е. при изготовлении своеобразных икон этого божества, широко почитавшегося фракийцами. Матрица может указывать, что в окрестностях Херсонеса существовало производство посвященных предметов для нужд солдат римской армии фракийского происхождения. Не исключено, что частично они изготовлялись и для нужд жителей Херсонеса. Аналогичные матрицы хорошо известны в Нижней Мёзии и Фракии. Так, целая серия матриц с изображениями Зевса, Геры, Артемиды, Геракла и других божеств была найдена в Абритусе (Н. Мёзия) [41, с. 168; 36, с. 121, рис. 156—161]. Встречались матрицы в Южной Фракии [42, с. 414], а керамические формы для их отливки обнаружены в мастерской при святилище Дианы и Аполлона в Монтане [43, с. 38, 40].

Имели распространение в Херсонесе и другие предметы, появление которых связано с влиянием римской культуры. Например, в городе неоднократно встречались предметы, которые долгое время в литературе относили в одних случаях к числу головных шпилек [44, с. 432], а в других — к туалетным палочкам [45, с. 220]. Однако, на наш взгляд, среди них были не только шпильки и туалетные палочки, но предметы другого назначения. В частности, это следует сказать о предметах, которые делались из кости, дерева, реже — из бронзы и представляли собой стержни круглого сечения, один конец которых имел кольцо, а другой — изображение фигур Афродиты или голубя. Из недавних находок таких предметов можно отметить фрагмент с изображением Афродиты из кости, у которой обломаны голова, верхняя часть туловища, правая рука и ступни ног. Левой рукой богиня придерживает одежду, которая ровными складками ниспадает по ногам. Слева, у её ног, изображен дельфин [46, с. 264]. Подобное изображение Афродиты, но значительно лучшей работы и сохранности, уже встречалось в Херсонесе ранее [47, с. 107, рис. 257; 10, с. 49, рис. 9].

Совершенно аналогичные предметы как по форме и сюжету, так и по технике исполнения, хорошо известны среди археологических находок на территории римских провинций Мёзия, Фракия, а также в Италии.

Примером могут служить находки из некрополя г. Августа Траяна (Фракия), где найдены почти целые подобные предметы из кости, что бывает очень редко. Это и привело к ошибочной интерпретации этих предметов, так как исследователи располагали фрагментами. Полная длина костяных предметов, найденных в некрополе Августа Траяна, достигает 18—19 см, а диаметр стержня около 1 см. На одном конце имеется кольцо диаметром 2,5—3 см, а на другом — рельефное изображение Афродиты *. Форма и размеры этих предметов указывают на то, что они не могли быть головными шпильками или туалетными палочками. Поэтому можно предположить, что это культовые предметы. В пользу такого предположения говорит то, что изображения на них вполне определенные: Афродита или голубь, относившийся к её свите и символизировавший плодovitость [48, с. 12]. Кроме некрополя Августа Траяна, подобные костяные и бронзовые предметы найдены и в других местах Фракии и Мёзии, на побережье Западного Понта. Это позволяет заключить, что предметы с Афродитой и голубем играли какую-то роль в погребальном обряде при захоронениях женщин и девушек в этих римских провинциях и в Италии, где также встречались подобные предметы [49, с. 286, рис. 416, в, с; 50, с. 374, рис. 214]. Возможно, это было связано с культом Афродиты хтонической, поскольку во всех случаях, когда стержни найдены *in situ*, они обнаружены в женских погребениях.

В Херсонесе эти предметы появляются только в первых веках н. э., вероятно, вместе с уроженцами римской Фракии или под их влиянием.

Аналогичного назначения, по-видимому, были костяные стержни с изображением кисти руки с шариком [52, с. 158, рис. 13]. Их можно связать с распространенным среди населения римских провинций культом Сабазия.

Римское влияние проявилось и в некоторых играх, существовавших в Херсонесе. Например, в городе была распространена типично римская игра — *lusus duodecim scriptores*, в которую играли шашками на доске, разделенной на 12 полос, а предварительно метали костяной кубик с очками. Свидетельствами бытования этой игры служат находки полного комплекта шашек (15 черных и 15 белых) [53, с. 109, мог. 170] и изображение игровой доски [2, с. 250—251, рис. 196, а], применявшейся при этой игре. Вероятно, игру завезли солдаты римского гарнизона, в среде которых она была популярна.

* Эти предметы изучались нами в окружном музее г. Стара Загора, благодаря любезности научного сотрудника музея К. Калчева. Пользуясь случаем, выражаю ему свою благодарность.

Следует обратить внимание и на находку костяной тессеры [54, с. 362], назначение которой еще предстоит определить. Однако, судя по аналогичной тессере из Помпей [55, с. 58], она могла служить маркой при входе в театр. В нашей литературе такие тессеры относят к шашкам, которыми пользовались в игре *ludus latronculorum*. Впервые на них обратил внимание М. И. Ростовцев, опубликовавший тессеры из Пантикапея [56, с. 109—124]. В дальнейшем такого толкования придерживались Т. В. Блаватская [57, с. 77—78] и Б. Г. Петерс [58, с. 88].

Довольно частой находкой в Херсонесе являются римские провинциальные фибулы: коленчатые [60, с. 28], типа «Авцисса» с надписями и без них [59, с. 26—27], с эмалью [59, с. 29, 32—33] и других типов [59, с. 38]. Все эти предметы использовались в качестве застежек для одежды, а следовательно, как и другие подобные предметы, были подвержены моде, которая в данном случае исходила из римских провинций и захватила население Херсонеса.

Найдены в городе и небольшие зеркала в свинцовой оправе, на которые недавно обратили внимание исследователи [60, с. 118—119, рис. 3]. Аналогичные зеркала широко представлены в Нижней Мёзии*, Дакии, Паннонии, Галлии, Германии, Норике, Малой Азии, Северной Италии, встречаются в Ольвии и Пантикапее [60, с. 116 сл.]. Судя по малочисленности находок этих зеркал в Северном Причерноморье, они попадали сюда из городов Западного Понта и римских провинций, вероятно, с членами семей солдат гарнизонов и переселенцами из этих областей.

Следует обратить внимание и на значительное сходство некоторых видов херсонесских ювелирных изделий с соответствующими предметами римского провинциального производства из Фракии. Например, в одной из могил херсонесского некрополя обнаружено ожерелье, состоящее из 13 гранатов и 12 колечек, изготовленных из золотой проволоки, и соединенных между собой звеньями цепочки (ГЭ, инв. № X.1903.19). Совершенно аналогичное ожерелье, в котором сохранилось только 7 гранатов, остальные заменены круглыми бусинками, но с 12 колечками, выполненными в той же технике и со всеми деталями, найдено в римской Монтане [61, с. 49, рис. 5]. Большое сходство обнаруживают херсонесские детали ожерелий (крючки, колечки, звенья цепочек) с соответствующими предметами из Монтаны, Рациарии, Нове и других городов Мёзии. То же самое можно сказать о серьгах с подвесками. В некрополе Херсонеса обнаружены итальянские [62, с. 110, 112] и римские провинциальные геммы [64, с. 87, рис. 1, 4, 6—7] из сардоникса, сарда, сердолика и литиков, имеющие аналогии среди гемм из Мёзии [65, с. 46—47]. Эти факты указывают на существование влияния римского ювелирного искусства на местное или моды в Херсонесе на римские изделия во II—III вв. н. э., что было результатом постоянных контактов с Мёзией.

* Большая коллекция зеркал в свинцовой оправе, найденных в Одессе, хранится в Археологическом музее г. Варны.

Римское влияние в Херсонесе проявилось и в монетной чеканке, денежном обращении, в мерах веса. Особенно заметно оно в монетном деле, поскольку местная чеканка оказалась под контролем Рима с середины I в. до н. э. [3, с. 64]. С этого времени и до конца чеканки в III в. н. э. этот контроль осуществлялся в различных формах: допущении и запрещении золотой чеканки, запрету любой чеканки, что приводило к выпуску в Херсонесе недатированной монеты в обход римских властей. Под римским влиянием на херсонесских монетах появлялись надписи ΕΙΡΗΝΗΣ ΣΗΒΑΣΤΗΣ-ΡΑΧ ΑΥΓΟΥΣΤΑΕ [3, с. 65—66], ΕΛΕΥΘΕΡΙΑ. В денежном обращении влияние проявилось в широком распространении собственно римской монеты, которая использовалась в торговых операциях наряду с местной. По данным А. М. Гилевич, в Херсонесе до 1963 г. было найдено 3659 римских монет императорской эпохи [63, с. 5, 54—56]. Еще около 600 монет обнаружено после 1963 г. [32]. О том, что римская монета в Херсонесе использовалась как средство обращения, свидетельствуют эпиграфические источники (IOSPE, I², № 441—444, 446), в которых упоминается стоимость строительных деталей в римских денариях. Еще большее значение римская монета приобрела в Херсонесе после прекращения местной чеканки в III в. н. э., когда она стала единственным средством обращения в городе.

На существование римского влияния указывает и применение римских мер веса в виде свинцовых гирь. В Херсонесе обнаружены квадратные свинцовые гири весом в 1/2 унции, 1 унцию, 2 унции [66, с. 78, 81—82] и 3 унции (ГЭ, инв. № Х.1906.40), а также 4 унции [66, с. 83]. Гири в 2 и 3 унции имели соответствующие надписи на греческом языке с указанием, что унции италийские. Следовательно, они предназначались для грекоязычного населения. Известны в городе и римские меры объема. Так, на крупных красноглиняных амфорах III—IV вв. н. э. обнаружены надписи-дипинти, по мнению Э. И. Соломоник, указывающие объем этих сосудов в римских секстариях (0,547 л) [ГХМ, инв. № 1/36993, 16/36993]. Наконец, о применении римских линейных мер в первых веках н. э. могут свидетельствовать некоторые ордерные постройки Херсонеса. В частности, храм Афродиты, от которого сохранились блок архитрава, фрагменты пяти колонн и капитель. По расчетам И. Р. Пичикяна, общая высота этого храма достигает 9 м, а длина фасада — 6,6 м, что составляло соответственно 30 и 22 римских фута [67, с. 249]. Следовательно, в первых веках н. э. в городе применялся целый комплекс римской системы мер и веса, что исключает элемент случайности и свидетельствует о римском влиянии в этой сфере.

Таким образом, существование политической зависимости Херсонеса от Римской империи, присутствие в городе и его окрестностях римских солдат и членов их семей, а также выходцев из римских провинций, наличие экономических и культурных связей с провинциями Малой Азии и Балканского полуострова имели не только деструктивное значение, как это было принято считать

ранее, но и положительное значение, что проявилось в распространении римского влияния в политике, политическом строе, социальных отношениях [5], а также в экономике и материальной культуре Херсонеса в первых веках н. э.

- Список литературы: 1. *Кадеев В. И.* Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV веках н. э. Харьков, 1970. 2. *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. 3. *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. 4. *Цветаева Г. А.* Боспор и Рим. М., 1979. 5. *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. 6. *ОАК* за 1906 г. Спб., 1909. 7. *Гриневич К. Э.* Стены Херсонеса Таврического. Ч. 2 // *Х. Сб.* 1927. Вып. 2. 8. *Антонова И. А., Аркадова Л. А.* Раскопки терм и античной протейхизмы в Херсонесе // *АО* 1970 года. М., 1971. 9. *ОАК* за 1898 г. Спб., 1901. 10. *ИАК.* 1905. Вып. 16. 11. *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938. 12. *Press L. Laznie rzymskie w Bulgarii // Balcanica Poznaniensia.* 1. Rozp. 1984. 13. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет за 1898 г. // *Архив ГХЗ.* Дело № 7. 14. *Пятышева Н. В.* Отчет о раскопках ГИМ в Херсонесе в 1967 г. // *Архив ГХЗ.* Дело № 1245/1; *Ее же.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1969 г. // *Архив ГХЗ.* Дело № 1285/1. 15. *Х. Сб.* 1931. Вып. 3. 16. *Античная скульптура Херсонеса.* Киев, 1976. 17. *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. 18. *ИАК.* 1904. Вып. 9. 19. *Николаенко Г. М.* Херсонесская округа в I в. до н. э. — IV в. н. э. // *Античные древности Северного Причерноморья.* Киев, 1988. 20. *Х. Сб.* 1948. Вып. 4. 21. *Зубарь В. М., Шевченко А. В., Липавский С. А.* Западный некрополь Херсонеса Таврического. Вып. 3. Киев, 1989. 22. *Борисова В. В.* Черепица с клеймами римских легионов // *СХМ.* 1961. Вып. 2. 23. *Сапрыкин С. Ю.* Черепицы с клеймами римского легиона из усадьбы хоры Херсонеса // *КСИА.* 1981. Вып. 168. 24. *Кутайсов В. А.* Новые находки легионных клейм в Херсонесе // *Античная культура Северного Причерноморья в первые века н. э.* Киев, 1986. 25. *Кадеев В. И., Сорочан С. Б.* Херсонес і Західний Понт: проблема контактів // *Археологія.* 1989. 4. 26. *Белов Г. Д.* Terra sigillata из Херсонеса // *СА.* 1967. № 4. 27. *Силтос Б.* Един занаятчийски център в Долна Мизия // *Археология.* 1962. Кн. 4. 28. *Sultov B.* Ceramic Production on the Territory of Nicopolis ad Istrum (II nd — IV th century) // *Terra antiqua Balcanica.* I. Sofia, 1985. 29. *Гилевич А. М.* Могила с двумя подбоями // *СХМ.* 1961. Вып. 2. 30. *Кадеев В. И.* Импортные светильники из Херсонеса // *СА.* 1969. № 3. 31. *Валедгауэр О.* Античные глиняные светильники. Спб., 1914. 32. *Кадеев В. И., Сорочан С. Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. — V в. н. э. Харьков, 1989. 33. *Белов Г. Д., Стржеleckий С. Ф., Якобсон А. Л.* Квартал XVIII // *МИА.* 1953. № 34. 34. *ИАК.* 1911. Вып. 42. 35. *Белов Г. Д.* Бронзовые статуэтки из Херсонеса // *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья.* Л., 1968. 36. *Majewski K.* Kultura rzymska w Bulgarii Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1969. 37. *Кадеев В. И.* Раскопки в портовом районе Херсонеса // *АО* 1983 года. М., 1985. 38. *Иванов Т.* Археологические исследования античного города Ульпия Эск // *СА.* 1967. № 1. 39. *Ульпия Эскус.* Пътеводител. София, 1979. 40. *Минчев А.* Сребърна статуетка на актьор от Одосос // *Археология.* 1981. Кн. 1—2. 41. *Kazarow G.* Neue Denkmaler zur Religionsgeschichte Trakiens // *AA.* 1922. № 37. 42. *Велков И.* Новооткрити старини // *ИИИ.* 1932—1933. Т. 7. 43. *Огенова-Маринова Л.* Скульптурата от светилището на Диана и Аполон // *Монтана.* Т. 1. София, 1987. 44. *Иванова А. П.* Художественные изделия из дерева и кости // *АГСП.* I. М.; Л., 1955. 45. *Скоковский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. 46. *Кадеев В. И.* Раскопки в портовом районе Херсонеса // *АО* 1982 года. М., 1984. 47. *ОАК* за 1895 г. Спб., 1897. 48. *Клингер В. П.* Животные в античном и современном суеверии. Киев, 1911. 49. *Вейс Г.* История одежды, вооружения, построек и утвари народов древнего мира. Ч. 2. М., 1874. 50. *Mau A.* Pompeji in Leben und Kunst. Leipzig, 1900. 51. *ОАК* за 1892 г. Спб., 1894. 52. *Репников Н. И.* Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 г. // *Х. Сб.* 1927. Вып. 2. 53. *ИАК.* 1902. Вып. 4. 54. *Романчук А. И.* Раскопки в портовом районе Херсонеса // *АО* 1976 года. М., 1977. 55. *Esche-*

bach Н. Pompeji. Leipzig, 1978. 56. Ростовцев М. И. Древние костяные шашки с юга России // ИАК. 1904. Вып. 10. 57. Блаватская Т. В. Игральные кости из Пантикапея // Listy filologicke. 1959. VIII. Eupotia III. 58. Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных городах Северного Причерноморья. М., 1988. 59. Амброс А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. М., 1966. 60. Калашиник Ю. П. Свинцовые рамки стеклянных зеркал в собрании Эрмитажа // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. 61. Милчев А., Пеков Д. Новоткрыти находки от Михайловград (Монтана) // Археология. 1965. Кн. 3. 62. Неверов О. Я. Итальяские геммы в некрополях северопонтийских городов // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. 63. Гилевич А. М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // Нумизматика и сфрагистика. 1968. Вып. 3. 64. Щербакова В. С. Геммы с изображением Гермеса из Херсонеса // КСИА. 1983. Вып. 174. 65. Dimitrova-Milceva A. Antike Gemmen und Kameen aus dem archaologischen Nationalmuseum in Sofia. Sofia, 1980. 66. Чуйстова Л. И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Т. 2. Симферополь, 1962. 67. Пичикян И. Р. Малая Азия — Северное Причерноморье. М., 1984.

Поступила в редколлегию 10.01.92

А. П. МАРТЕМЬЯНОВ, канд. ист. наук

СКОТОВОДСТВО В НИЖНЕЙ МЕЗИИ И ФРАКИИ В ПЕРВЫХ ВЕКАХ Н. Э.

Важным показателем степени экономического развития любой территории в античное время независимо от ее основного хозяйственного профиля является уровень, достигнутый населением в области животноводства. Только развитое скотоводство могло обеспечить хозяйства многими важнейшими продуктами, тягловой силой, основным видом удобрения.

В ходе археологического исследования античных памятников фракийских земель обнаружено большое количество костных остатков различных видов домашних животных. К сожалению, значительная их часть до сих пор не подвергнута всестороннему остеологическому анализу. Тем не менее этот материал в сопоставлении с данными других, в первую очередь нарративных и археологических, источников дает возможность определить видовой состав стада Фракии и Нижней Мезии, выявить основные области использования скота и продуктов животноводства, получить представление о характере скотоводства на исследуемой территории в первых веках н. э.

Скотоводство, несомненно, занимало в экономике восточнобалканских провинциях Рима значительное место.

Почти все упоминаемые античными авторами применительно к фракийским землям виды животных находят отражение в монетных типах многих городов Нижней Мезии и Фракии [48, № 312, 451, 507; 53, № 126—132, 259—308, 317—360 и др.; 56, № 2440—2454, 2460—2464 и др.; 58, № 742—743 и др.]. Хотя эти изображения не всегда можно рассматривать как безусловное указание на важную роль разведения лошадей, крупного и мелкого рогатого скота в жизни того или иного города [17, с. 56—58], их популярность следует учитывать при определении значения скотоводства в экономике провинций в целом.

В некоторых районах Нижней Мезии и Фракии засвидетельствован культ Сильвана. Этот бог упоминается в посвятительных надписях, его изображают на рельефах [2, с. 17; 37, с. 228—230, № 568—582; 52, vol. I², № 91; vol. III (1), № 982 и др.] и даже на монетах некоторых городов [53, S. 161, № 279; 56, S. 485, № 1933; 58, S. 31, № 737]. На западе Нижней Мезии, в 12 км от современного города Враца, в первых веках н. э. функционировало святилище Сильвана [6, с. 196—198, 201—202, 204, обр. 179, 184, 190]. Существует мнение, что во фракийских землях он почитался главным образом как бог лесов [6, с. 196; 37, с. 51—52]. Однако присутствие в числе его атрибутов на известных изображениях пастушеского посоха и собаки может указывать на то, что в представлениях местного населения Сильван оставался одновременно покровителем стад и пастухов.

Особое внимание античная традиция уделяет фракийскому коневодству. Уже Гомер восхищается фракийскими конями [46, X, 434—525], а самих фракийцев характеризует как опытных наездников [46, XIII; 4, XIV, 227; 47, IX, 48—50]. Кормилицей коней называет Фракию Гесиод [45, 507]. Филипп II угоняет из Малой Скифии (совр. Добруджа) 20 тыс. кобылиц для разведения лошадей подобной породы в Македонии [49, IX, 2, 16]. О наличии у фракийцев многочисленной конницы в разное время сообщают Фукидид [60, II, 96, 1—2, 98, 3—4], Ксенофонт [62, VI, 3, 6], Диодор [44, XVIII, 14, 2—4] и ряд других авторов. Два стада буланых (или гнедых — *ζαυθός*) коней получает в качестве самого ценного свадебного дара во фракийских землях Ификрат [40, IV, 131].

Об особом отношении к лошади свидетельствует и получивший широкое распространение у фракийцев обычай хоронить представителей знати с их конями и колесницами [7, с. 110—111]. Обращает на себя внимание и первостепенная роль, которую играли в религиозных представлениях фракийцев конные божества, в частности чрезвычайно популярный на этой территории культ Хероса — Фракийского Всадника [8, с. 3—14; 50 и др.].

Практически на всех многочисленных посвятительных рельефах и надгробиях представлен низкорослый конь с плотным крупом, высоко поднятой головой и короткой гривой. Именно таких низкорослых лошадей, не достигавших, как правило, роста в холке более 130 см, в античное время разводили на большей части территории Европы [9, с. 186—187]. Однако, как свидетельствуют находки конских скелетов в погребениях, во фракийских землях этот тип не был единственным. Остеологическое исследование открытых костяков показывает, что уже в IV—III вв. н. э. здесь появляются тонконогие скаковые лошади восточного типа [5, с. 8—11; 19, с. 121—126; 20, с. 97—104]. Костные остатки близких к современной арабской породе лошадей, рост которых достигал 148—150 см, известны и в материалах первых веков н. э. Они происходят из раскопок курганного некрополя конца I — начала II вв. н. э. у с. Брезово в Пловдивском округе и случайно обнаруженного

у с. Драгоево Шуменского округа погребения первой половины III в. н. э. [21, с. 230—237].

Значительный уровень развития коневодства на исследуемой территории находит подтверждение и в находках на сельских виллах первых веков н. э. частично сохранившихся скелетов лошадей [16, с. 98], подков [16, с. 85, 94, 98; 26, с. 45, табл. 52; 28, с. 28, 31, обр. 6], предметов конского снаряжения [3, с. 17, 38, обр. 9; 26, с. 45], шпор, железных пут для стреноживания, скребниц [26, с. 45, табл. 51—53]. О бережном отношении к лошадям говорит засвидетельствованный эпиграфикой факт проживания во фракийских землях лиц, специально занимавшихся лечением этих животных [13, с. 384, № 497].

Однако в повседневной жизни сельского населения первостепенная роль отводилась не лошадям, а крупному и мелкому рогатому скоту, кости которого неизменно преобладают в остеологическом материале. Упоминания о нем часто встречаются в нарративных источниках [46, XI, 222; 55, *Ex Ponto*, III, 8—9, IV, 7, 9; 57, *Got.*, 8; 62, VII, 3, 47 и др.], но говорить с определенностью о том, какие породы крупного рогатого скота, овец и коз получили распространение во фракийских землях, трудно. Античные авторы в своих сообщениях в лучшем случае указывают масть животных [38, 519^a, 9—15; 51, II, 5, 10; 54, *Pyth.*, IV, 205]. По изображениям на монетах и рельефах можно предположить, что в Нижней Мезии и Фракии разводили быков и с длинными, и с короткими рогами. Исследование костных остатков из раскопок античного города Кабиле установило лишь, что быки здесь имели рога примерно такие же по величине, как и у современных местных пород [30, с. 32]. Данные о количественном состоянии поголовья крупного и мелкого рогатого скота в первых веках н. э. опубликованы к настоящему времени только по материалам сельских вилл у с. Мадара в Шуменском округе [16, с. 118—119] и в Софийском квартале «Обеля» [34, с. 62—63, 69]. В первом случае отмечено преобладание в стаде овец, во втором — крупного рогатого скота.

Единичными сообщениями ограничивается круг письменных свидетельств о разведении во фракийских землях свиней [39, *De mirab. auscult.*, 116), ослов [38, 606^b, 3—4] и мулов [62, VII, 5, 2, 4]. Если свинья, судя по открытому костному материалу, была в местных хозяйствах в первых веках н. э. весьма распространенным животным [16, с. 118; 31, с. 90; 36, с. 34 и др.], то сведения о мулах и ослах сводятся по сути исключительно к отмеченным упоминаниям в нарративных источниках. Руководствуясь ими, можно лишь констатировать, что ослы во Фракии, по Аристотелю, были низкорослыми, а мулы во времена Ксенофонта являлись здесь редкостью.

Помимо разведения домашних животных в некоторых хозяйствах Нижней Мезии и Фракии занимались птицеводством. Правда, видовой состав домашней птицы изучен пока в недостаточной мере: из массы остеологического материала специалисты к настоя-

щему времени сумели определенно выделить лишь кости кур [2, с. 55; 16, с. 98; 30, с. 37].

Открытые в Нижней Мезии и Фракии на сельских виллах первых веков н. э. помещения и загоны с оборудованными кормушками [3, с. 21, 27; 27, с. 37, 41—42, 56; 34, с. 57—58; 35, с. 257—258 и др.] позволяют говорить о стойловом содержании скота. Подобный приусадебный тип скотоводства требует надежного обеспечения кормами. Указание на то, что с фракийских лугов собирают много сена, имеется в приписываемом Требеллию Поллиону «Жизнеописании Баллисты» [46, V. Ballist., 18, 8]. Трудно сказать определенно, какие конкретно растения заготавливались во Фракии и Нижней Мезии на корм скоту, однако следует отметить, что, по данным палеоботаники, здесь в изобилии произрастали практически все кормовые культуры, известные римским агрономам [23, с. 161—167; 43, II, 10, 24]: люцерна (*Medicago*), клевер (*Trifolium*), горошек, или вика (*Vicia*), чина (*Lathyrus*), эспарцет (*Onobrychis*) [24, с. 16—17].

Вместе с тем благоприятные природно-географические условия региона — наличие обширных летних высокогорных пастбищ альпийского типа и относительно мягкий на значительной части территории климат — обусловили распространение в восточнобалканских землях в античную эпоху и другого типа скотоводства — пастбищного, или отгонного [25, с. 79]. Именно с выпасом стад в условиях длительного кочевья следует связывать, в первую очередь, обнаруженные на многих виллах первых веков н. э. бронзовые или железные колокольчики, которые надевались на шею животному [1, с. 67; 15, с. 172, обр. 416; 28, с. 30 и др.]. Если скот все же пропадал, а затем его находили в чужом стаде, доказать свои владельческие права бывший хозяин мог, сославшись на тавро, которым в свое время было помечено животное. Находки железных приспособлений для нанесения клейма происходят из различных районов Нижней Мезии и Фракии [4, с. 3; 10, с. 339—341; 29, с. 25; 32, с. 166], хотя использование некоторых из них именно для таврения скота представляется маловероятным. Это относится, в частности, к клеймам второй половины III в. н. э., найденным в местности «Жидовец» у с. Голяма Брестница Плевенского округа [10, с. 339—341, обр. 1]. Характер представленных на них аббревиатур — PRT [I] (*prati*), PR (*praedii* или *prati*), VIV (возможно, *vivarii*) — свидетельствует, скорее, в пользу предположения, что этими орудиями пользовались, помечая границы различного рода земельных участков [11, с. 83]. В самом деле, сомнительно, чтобы для обозначения принадлежности скота употреблялись столь широко распространенные и весьма неопределенные термины. Для этого, вероятнее всего, предназначались клейма с изображением более характерных символов, например, монограмм, также известные во фракийских землях [10, с. 340—341, обр. 2—3].

Использование скота и продуктов животноводства находило в первых веках н. э. широкое применение в различных сферах жизни населения фракийских земель. Так, быки и волы были обычной

тягловой силой при работе упряжными пахотными орудиями. Это подтверждается изображениями сцены пахоты на выпущенных в первых десятилетиях III в. н. э. монетах Деултума [48, № 44, 71, 131, 215 и др.] и датируемом первыми веками н. э. надгробии фракийца из окрестностей античного города Адрианополь [22, с. 405—406, обр. 185]. Тягловая сила крупного рогатого скота использовалась и в гужевом транспорте, о чем свидетельствуют сюжеты, воспроизведенные на некоторых надгробиях III в. н. э. из Враенского и Ловечского округов [14, с. 35—36, № 50—52], а также монетные типы римского времени из античного Томи [56, № 2732, 2756, 2880—2882 и др.]. Воз, запряженный волами, видел в окрестностях этого города Овидий [55, Ex Ponto, IV, 7, 9]. Несомненно, находила применение в различного рода перевозках и лошадь. С помощью животных обмолачивали и мололи зерно [18, с. 40—44; 33, с. 72—77; 41, S. 5—6; 61, р. 152]. Большой популярностью среди населения Нижней Мезии и Фракии пользовалась верховая езда на лошадях. В городах устраивались специальные состязания наездников [12, с. 350, № 72]. Конница традиционно составляла значительную часть набираемого во фракийских землях войска. В период римского господства сельские жители, возможно, снабжали лошадей многочисленные расквартированные здесь воинские формирования.

Развитое скотоводство поставляло земледельческим хозяйствам основной в то время вид удобрения — навоз, который, кроме того, использовался и садоводами, укрывавшими им на зиму теплолюбивые растения [42, XV, 73].

О переработке во многих хозяйствах молока свидетельствуют найденные фрагменты керамических цедилок [3, с. 21; 16, с. 98; 26, с. 62—64 и др.]. Животноводство обеспечивало население провинций мясными продуктами, для дальнейшего распространения которых в городах действовали специальные лавки [12, с. 266—267, 352, 359, № 85, 88, 145 и др.], предоставляло сырье ремесленникам, занимавшимся кожевенным делом и переработкой шерсти [12, с. 355, 359, № 114, 145; 13, с. 386, № 545 и др.].

Таким образом, в первых веках н. э. скотоводство продолжало играть важную роль в хозяйственной жизни населения фракийских земель. Продуктивное развитие этой отрасли сельскохозяйственного призводства наряду с прогрессом в полеводстве и ремесле в значительной мере способствовало подъему экономики Нижней Мезии и Фракии, наблюдаемому в этих провинциях во II в. — первых десятилетиях III в. н. э.

Список литературы: 1. Александров Г. Антична вила № 1 край Михайловград // Известия на музеите в Северозападна България. 1983. Т. 8. 2. Александров Г. Антична вила № 2 край Монтана // Известия на музеите в Северозападна България. 1980. Т. 4. 3. Александров Г. Антична вила № 3 край Михайловград // Известия на музеите в Северозападна България. 1984. Т. 9. 4. Античен керамичен център Павликени. София, 1977. 5. Василев В., Георгиев В. Домашните и дивите животни от тракийска могила № III при с. Кралево, Търговишки окръг //

Археология. 1985. Кн. 1. 6. *Венедиков И.* Светилището при с. Лиляче // Известия на Българския археологически институт. 1952. Т. 18. 7. *Венедиков И.* Тракийската колесница. София, 1960. 8. *Венедиков И.* Тракийският конник // Векове. 1972. Кн. 4. 9. *Витт В. О.* Лошади Пазырыкских курганов // Сов. археология. 1952. Т. 16. 10. *Герасимов Т.* Антични уреди от желязо за сигниране // Известия на Българския археологически институт. 1959. Т. 22. 11. *Геров Б.* Земевладението в Римска Тракия и Мизия // Годишник на Софийския университет. Факултет по класически и нови филологии. 1977. Т. 72. Кн. 2. 12. *Геров Б.* Проучвания върху западнотракийските земи през римско време // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. 1959—1960. Т. 54. Кн. 3. 13. *Геров Б.* Романизмът между Дунава и Балкана от Хадриан до Константин Велики // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. 1952—1953. Т. 48. 14. *Димитров Д. П.* Надгробните плочи от римско време в Северна България. София. 1942. 15. *Димитров Д. П., Чичикова М., Димитрова А. и др.* Археологически разкопки в източния сектор на Нова през 1967—1969 г. // Известия на Българския археологически институт. 1974. Т. 34. 16. *Дремизова-Нелчинова Ц.* Вилата край с. Мадара, Шуменски окръг // Разкопки и проучвания. 1984. Кн. 11. 17. *Зограф А. Н.* Античните монети // Материали и изследвания по археологии СССР. 1951. № 16. 18. *Иовчев И.* Зърносмилането в античния град при Хисар // Археология. 1970. Кн. 4. 19. *Иванов С.* Конете от тракийската надгробна могила № III при с. Янково, Шуменски окръг // Известия на Българския археологически институт. 1972. Т. 33. 20. *Иванов С.* Конят от тракийската гробница от с. Калояново, Сливенски окръг // Известия на Българския археологически институт. 1969. Т. 31. 21. *Иванов С.* Някои данни за конете от тракийското могилоно погребение край Брезово // Годишник на музеите в Пловдивски окръг. 1954. Т. 1. 22. *Кацаров Г.* Един паметник на земеделието в древна Тракия // Известия на Българския археологически институт. 1938. Т. 12. 23. *Кузицин В. И.* Очерки по истории земледелия Италии. II в. до н. э.—I в. н. э. М., 1966. 24. *Лисицына Г. Н., Филиппович Л. А.* Палеозооботанические находки на Балканском полуострове // *Studia praehistorica*. 1980. Т. 4. 25. *Маринов В.* Подвижно пастирство в България и на Балканския полуостров // Известия на Етнографския институт с музей. 1965. Кн. 8. 26. *Найденкова В.* Римската вила в с. Кралев Дол, Пернишки окръг // Разкопки и проучвания. 1985. Кн. 14. 27. *Николов Д.* Тракийската вила при Чаталка, Старозагорско // Разкопки и проучвания. 1984. Кн. 11. 28. *Овчаров Д.* Вила рустика до с. Могилец, Търговишко // Археология. 1969. Кн. 1. 29. *Петров Х.* Новооткрито сребърно съкровище от с. Голяма Брестница, Плевенско // Археология. 1960. Кн. 1. 30. *Рибаров Г.* Нови данни за фауната на античния град Кабиле // Известия на музеите от Югоизточна България. 1983. Т. 6. 31. *Рибаров Г.* Фаунистични останки в античния Кабиле // Природа. 1981. № 1. 32. *Севтополис.* София, 1984. Т. 1. 33. *Сергеенко М. Е.* Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.; Л., 1958. 34. *Станчева М.* Вила рустика в кв. Обела в София // Археология. 1981. Кн. 1—2. 35. *Станчева М.* За тракийското население в Софийско през IV—V в. // Известия на Българското историческо дружество. 1970. Т. 27. 36. *Табакова-Цанова Г.* Жилищна сграда от римската епоха край Казанлък // Известия на музеите от Югоизточна България. 1979. Т. 2. 37. *Тодоров Я.* Паганизмът в Долна Мизия през първите три века след Христа. София, 1928. 38. *Aristotelis De animalibus historia / Rec. L. Dittmeyer.* Lipsiae, 1907. 39. *Aristotelis quae feruntur De plantis, De mirabilibus auscultationibus, Mechanica, De lineis insecabilibus, Ventorum situs et nomina; De melisso Xenophane Gorgia / Ed. O. Apelt.* Lipsiae, 1888. 40. *Athenaei dipnosophistae / Rec. S. P. Peppinki.* Leiden, 1936—1939. Vol. 1—2. 41. *Blümner H.* Technologie und Terminologie den Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern. Leipzig, 1912. Bd. 1. 42. *Cat'i Plinij Secund' Historiae Naturalis libri XXXVII.* Lipsiae, 1830. Т. 3. 43. *Columella, Lucius Iunius Moderatus.* On Agriculture. L.; Cambridge, 1948. Vol. 1. 44. *Diodori Siculi bibliotheca historica / Rec. I. Bekker.* Lipsiae, 1853. Т. 3. 45. *ΕΣΙΟΛΟΥ ΕΡΓΑ ΚΑΙ ΗΜΕΡΑΙ // Hesiodi carmina / Rec. C. Goettlingius.* Gothae; Erfordiae, 1831. 46. *Homeri Ilias / Rec. G. Crusius.* Hannover, 1852—1864. Hft. 1—6. 47. *Homeri Odyssea et carmina minora.* Lipsiae, 1828. Т. 1. 48. *Jurukova J.* Die Münzprägung von Deultum, B., 1973. 49. *Iustini*

Historiarum philippicarum ex Trogo Pompeio excerptarum libri XLIV. Lipsiae, 1829. 50. *Kazarov G.* Die Denkmäler des Thrakischen Reitergottes in Bulgarien. Budapest, 1938. 51. *M. Terenti Varronis Rerum rusticarum libri tres* / Ed. G. Goetz. Lipsiae, 1929. 52. *Mitailov G.* Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Serdicae, 1956—1970. Vol. 1—4. 53. *Münzer F., Strack M.* Die antiken Münzen von Thrakien. B., 1912. 54. *The Odes of Pindar including the Principal Fragments* / Ed. J. Sandys. L.; N. Y., 1915. 55. *P. Ovidius Naso. [Opera]* / Rec. R. Merckel. Lipsiae, 1911. T. 3. 56. *Pick B., Regling K.* Die antiken Münzen von Dacien und Moesien. B., 1898—1910 Hbd. 1—2. 57. *Prisci fragmenta* // *Historici Graeci Minores* / Ed. L. Dindorfius. Lipsiae, 1870. Vol. 1. 58. *Ruzicka L.* Die Münzen von Pautalia // *Известия на Българския археологически институт.* 1932—1933. T. 7. 59. *Scriptores historiae Augustae* / Rec. H. Peter. Lipsiae, 1865. Vol. 2. 60. *Thucydidis De bello peloponnesiaco libri octo* / Rec. K. F. Hassus. Mosquae, 1843. Vol. 2. 61. *White K. D.* Agricultural Implements of the Roman World. Cambridge, 1967. 62. *Xenophonitis Anabasis.* Lipsiae, 1840.

Поступила в редколлегию 12.01.92

М. В. ЛЮБИЧЕВ

РАННЕСЛАВЯНСКОЕ СЕЛИЩЕ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ

На протяжении двух полевых сезонов Савинским отрядом Средневековой археологической экспедиции ХГУ изучалось поселение Раковка, расположенное юго-западнее железнодорожной станции Савинцы Балаклейского района Харьковской области. Исследования проводились на двух дюнах, удалённых друг от друга на расстояние 150 м и находящихся в пойме левого берега реки Северский Донец. На одной из дюн (пункт I) в двух раскопах общей площадью 213 м² были исследованы постройка I тыс. н. э., жилище эпохи бронзы и три хозяйственные ямы эпохи неолита и бронзового века [1]. На площади трёх раскопов общей площадью 529 м², заложенных на другой дюне (пункт II), исследованы двадцать хозяйственных ям I тыс. [2].

В пункте I изучена наземная постройка, в плане имевшая форму, близкую к прямоугольной, с округлёнными углами (рис. 1). Она ориентирована длинной и короткой осями по сторонам света, имела размеры 6,25×4,20 м. Сооружение было слегка углублено в материк на 0,05 м, его пол покрыт глиной. На площади постройки находились девять ям, причем яма № 2 была вынесена далеко в юго-западный угол, здесь граница сооружения окружала её и тем самым нарушалась его прямоугольная форма. Яма № 8 вплотную подходила к восточной стенке постройки, а ямы № 6, 7 и 9 выходили за её границы. Все ямы были углублены на 0,10—0,30 м от уровня пола, сооружения, стенки и днища их покрыты глиной. В яме № 2 обнаружена часть массивного лепного горшка биконической формы (рис. 2, 1). В яме № 5 находились округлобокий лепной горшок с заглаженной поверхностью, лепная миска и днище лепного горшка (рис. 3, 7, 10, 12). В ямах № 8 и 9 лежали крупные фрагменты лепных биконических горшков (рис. 2, 3). Очагом в сооружении служила яма № 3, где в центре имелось небольшое углубление, заполненное углями и кусками гранита. Глина на дне ямы была обожже-

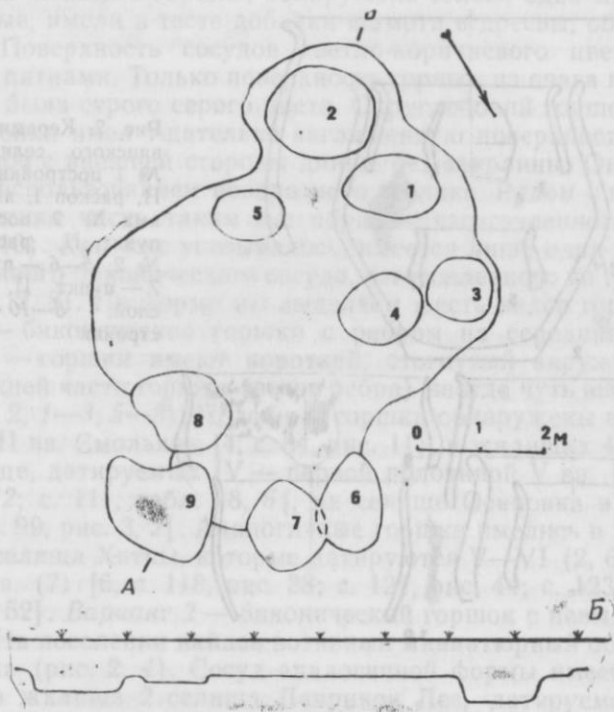

Рис. 1. План и разрез наземной постройки в пункте I

на. Углубление в центре обложено фрагментами лепных сосудов, а также одного гончарного сосуда (рис. 2, 8—10). Очевидно, из данной ямы были выброшены два куса гранита со следами копоти, находившихся в 1,0 м к востоку от ямы № 5. Рядом с ними лежало днище массивной лепной корчаги. Подобное сооружение было изучено на селище Роище и трактуется как хозяйственная постройка, являвшаяся покрытием комплекса хозяйственных ям [3, с. 15, 107, табл. 14].

В пункте II на площади первого раскопа с глубины 0,4 м от уровня современной поверхности линзой, размерами 0,4×0,4 м и толщиной 0,2 м, залегал разлом массивного лепного горшка, имевшего налепной валик под венчиком. Все фрагменты подверглись воздействию огня, были очень хрупкие, легкие, ошлакованные с внешней стороны. На некоторых из них сохранился древесный тлен. Среди данного скопления находилось большое количество углей и найдены три мелкие кальцинированные кости. На территории этого же раскопа был обнаружен кусок янтаря в виде шайбы диаметром 2 см и толщиной 1,3 см.

Определение хронологии поселения затрудняется отсутствием датирующих вещей, поэтому главную роль в решении данного вопроса

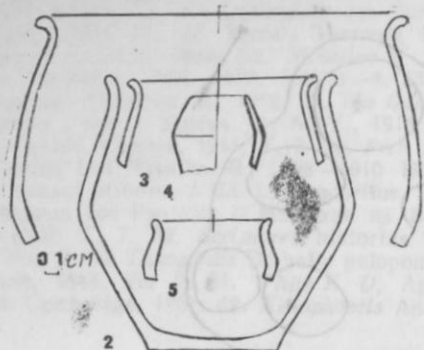

Рис. 2. Керамика раннеславянского селища: 1 — яма № 1 постройки; 2 — пункт II, раскоп I, яма № 7; 3 — яма № 9 постройки; 4 — пункт II, раскоп II, яма № 2; 5—6 — пункт I, слой; 7 — пункт II, раскоп III, слой; 8—10 — очаг постройки

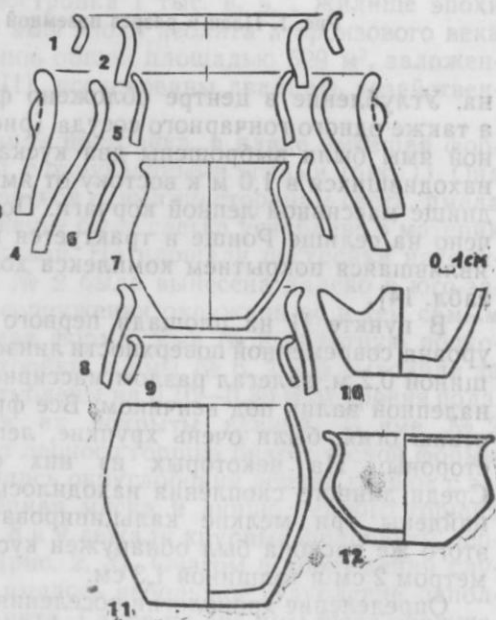
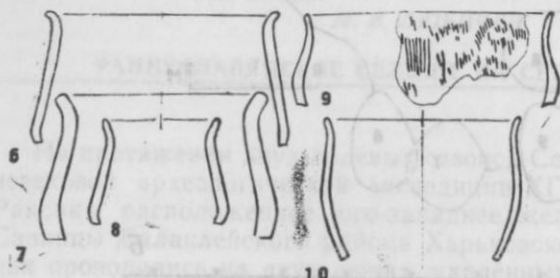

Рис. 3. Керамика раннеславянского селища: 1—2, 9 — пункт II, слой; 3—4 — пункт II, раскоп I, слой; 5 — очаг постройки; 6 — яма № 2 постройки; 7, 10, 12 — яма № 5 постройки; 11 — пункт II, раскоп II, слой

играет типология керамики. На поселении почти единственной формой сосудов являлись горшки, обнаружена только одна миска. Они были лепные, имели в тесте добавки шамота и дресвы, обжигались в костре. Поверхность сосудов светло-коричневого цвета, часто с темными пятнами. Только поверхность горшка из очага постройки (рис. 2, 9) была строго серого цвета. Округлобокий горшок из ямы № 5 постройки имел тщательно заглаженную поверхность, необычайно ровное с внешней стороны днище без закраины. Он изготавливался с использованием поворотного столика. Рядом с ним находилась нижняя часть таким же образом изготовленного горшка (рис. 3, 7, 10). Как уже указывалось, имеется лишь один фрагмент чернолощённого биконического сосуда, изготовленного на гончарном круге (рис. 2, 8). По форме мы выделяем шесть видов горшков.

Вид I — биконические горшки с ребром на середине высоты. *Вариант 1* — горшки имеют короткий, отогнутый наружу венчик, стенки верхней части горшка (выше ребра) иногда чуть выгнуты наружу (рис. 2, 1—3, 5—8). Подобные горшки обнаружены на поселении VI—VII вв. Смольяны [4, с. 84, рис. 11], в жилищах 4, 12 поселения Роище, датируемых IV — первой половиной V вв. [3, с. 110, табл. 17, 12; с. 111, табл. 18, 6], на селище Осиповка в урочище Пляж [5, с. 99, рис. 3, 2]. Аналогичные горшки имелись в жилищах 2, 6, 7, 14 селища Хитцы, которые датируются V—VI (2, 6, 9, 14) и VI—VIII вв. (7) [6, с. 118, рис. 38; с. 121, рис. 44; с. 123, рис. 41; с. 127, рис. 52]. *Вариант 2* — биконический горшок с невыделенным венчиком. На поселении найден вотивный миниатюрный образец такого горшка (рис. 2, 4). Сосуд аналогичной формы имеется среди материалов жилища 2 селища Лавриков Лес, датируемого III—IV вв. [3, с. 95, табл. 2, 11].

Вид II — округлобокие горшки с коротким, плавно отогнутым венчиком, наибольшим расширением на середине высоты (рис. 3, 1—2, 4—10). Горшок подобной формы имелся в очаге А поселения Воробьевка 2, датируемого III—IV вв. [6, с. 157, рис. 3, 4] и погребении 17 Косановского могильника, датирующегося концом III—V вв. [8, с. 121, табл. 6]. Наиболее подобен горшку из ямы 5 сооружения сосуд в погребении 3 могильника у овчарни совхоза Приднепровского, датируемого концом III — началом V вв. [9, с. 296, рис. 11, 12].

Вид III — горшок с наибольшим расширением, приходящимся на верхнюю треть высоты, имеющий плавно отогнутый наружу венчик. Поверхность его украшена штрихами, нанесёнными галочкой (рис. 2, 9). Горшок подобной формы, но без орнамента найден в жилище 4 селища Казаровичи, датируемого концом II—III вв. [10, с. 16, рис. 4, 7]. Фрагменты совершенно идентичных горшков, включая и орнамент, были найдены в вымостке пола жилища на селище Вовки [7, с. 38, рис. 10] и в жилище на селище Грини [3, с. 56, рис. 26]. Оба селища датируются II—III вв.

Вид IV — массивный округлобокий горшок «зерновик» с налёпным валиком под венчиком (рис. 3, 3). Такие горшки бытовали длительное время. В частности, фрагменты подобных сосудов обнару-

жены в жилище на селище Голики, датируемого IV—V вв. [11, с. 186, рис. 4, 2, 3] и в жилище 21 селища Луг 1, относящееся уже к концу VII — началу VIII вв. [12, с. 55, рис. 32, 10].

Вид V — горшок раскрытого профиля с отогнутым наружу венчиком (рис. 2, 10). Аналогии ему имеются в жилищах 1 и 2 селища Колодезный Бугор, датируемого I—II вв. [3, с. 54, рис. 25, 6, 7, 17, 18] и в жилище 1 селища Киселёвка 2, где фрагменты горшка найдены вместе с черняховской гончарной посудой [3, с. 101, табл. 8, 22].

Вид VI — округлобокие горшки с загнутым внутрь, прямым невыделенным венчиком (рис. 3, 11). Фрагменты таких горшков обнаружены при трупосожжении под курганом возле с. Башмачка [13, с. 15, рис. 3, 9; с. 18, рис. 5, 5], целые горшки находились в погребении 9 Косановского могильника [8, с. 121, табл. 6]. Подобные горшки известны в Центральной Европе, в области Средней Эльбы — Хавеля — Шпрее, где бытуют в VI—VII вв. [14, S. 24, Авв. 6, 2]. Миска, найденная на селище Раковка (рис. 3, 12), аналогична миске, происходящей с жилища 8 селища Хитцы, явно тяготеющей к зарубинецкой культуре [7, с. 129, рис. 43, 1].

Получается, что по типологии керамики селище датируется в пределах III—VI вв. н. э. Постройка по лепной керамике возле очага и в хозяйственных ямах датируется III—V вв. Эта дата подтверждается наличием фрагмента черняховского гончарного сосуда в очажной яме. В постройке и культурном слое поселения на пункте I явно господствуют более архаические формы лепной керамики, свойственные позднезарубинецкому и киевскому типу памятников (рис. 2, 8—10; 3, 7, 12). Таких форм не обнаружено в ямах и культурном слое на пункте II. Там найдены почти исключительно фрагменты биконических горшков с отогнутым венчиком и «зерновика» с налепным валиком под венчиком. Такая керамика преобладает на ранних памятниках пеньковского типа. Следовательно, поселение Раковка является одним из самых ранних памятников пеньковского типа на Северском Донце, имеющее позднезарубинецкие и киевские черты.

Существование наземного сооружения относится к поздне римскому времени, а комплексы пункта II содержат в себе раннесредневековые материалы (V—VI вв.). Поселение носило сезонный, временный характер, находилось на незатопляемых возвышенностях в пойме, где имеются прекрасные условия для выпаса скота в тёплое время года. Поэтому постройка в пункте I могла быть одновременно как жилой, так и хозяйственной, о чём говорит наличие очага вместе с хозяйственными ямами. В пункте II обнаружено большое количество хозяйственных ям, но отсутствует постройка, культурный слой весьма незначителен. Это также говорит о сезонном характере поселения. Подобным образом расположены так называемые «болотно-островные» поселения на р. Орель [15]. Постоянные же селища размещались дальше от реки, на коренном берегу. Такое селище расположено в 250 м от пунктов I и II возле Белого озера на мысу, густо покрытом сосновым лесом. Шурфовка показала на-

личие здесь мощного культурного слоя, а обнаруженная керамика аналогична найденной на временном селище в пойме.

Список литературы: 1. Михеев В. К., Любичев М. В. Работы Савинского отряда Средневековой археологической экспедиции ХГУ. Харьков, 1988 (Архив Археологического музея ХГУ). 2. Михеев В. К., Любичев М. В. Отчет о работе Савинского отряда Средневековой археологической экспедиции ХГУ в 1991 г. Харьков, 1992. (Архив Археологического музея ХГУ). 3. Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья в III—V вв. К., 1984. 4. Третьяков П. Н. Древности второй и третьей четвертей I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. 5. Телегин Д. Я., Беляева С. О. Памятники раннеслов'янського часу на Орелі // Археологія. 1975. № 18. 6. Симонович Э. А. Новые открытия в селищах Авдеево и Воробьевка 2 возле г. Курьска // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. 7. Горюшка // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. 8. Кравченко Н. М. Косановский могильник // Материалы и исследования по археологии СССР. 1967. № 139. 9. Симонович Э. А. Памятники черняховской культуры степного Приднпров'я // Сов. археологія. 1955. Т. 24. 10. Максимов Е. В., Орлов Р. С. Поселение и могильник второй четверти I тыс. н. э. у с. Казарович // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. 11. Хавлюк П. И. Рагнеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. 12. Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. К., 1980. 13. Смиленко А. Т. Погребения в с. Башмачка // Могильники черняховской культуры. М., 1979. 14. Die Slaven in Deutschland. Berlin, 1985. 15. Рутковская Л. М. Археологические памятники пограничья лесостепи и степи // Археологические исследования на Украине. К., 1968.

Поступила в редколлегию 10.01.92

А. В. КРЫГАНОВ, канд. ист. наук,

Н. В. ЧЕРНИГОВА

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЕТАЙЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В эпоху раннего средневековья, во второй половине VIII — начале X вв., степная и частично лесостепная территория бассейна р. Северский Донец были заселены различными по происхождению этническими племенами салтовской культуры Подонья, одним из компонентов которой были болгары (праболгары). Среди оставленных предположительно именно ими, известных по археологическим исследованиям салтовских памятников (прежде всего некрополей) пока одним из крупнейших является так называемый Нетайловский могильник. Он расположен на левом берегу р. Северский Донец (теперь уже Печенежского водохранилища), напротив Верхнесалтовского городища, относящегося к самому крупному из известных памятников аланских племен Подонья [7, рис. 1, 14]. Указанный могильник был открыт во время разведок в 1959 г. киевским археологом Д. Т. Березовцом в результате специальных исследований в зоне сооружения Печенежского водохранилища. Под его руководством отряд Новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР провел в 1960—1961 гг. раскопки этого могильника. За это время было вскрыто 124 погребения (из них 122 — раннесредневековых). Предполагалось, что общая площадь Нетайловского могиль-

ника составляла приблизительно 12—14 га при общем количестве захоронений до 5,5 тыс. [4, с. 427].

Результаты указанных полевых исследований и предварительного анализа были опубликованы Д. Т. Березовцом [3, с. 22]. В дальнейшем изучении погребального обряда и обнаруженных находок Нетайловского могильника занималась О. В. Иченская (Пархоменко) [6; 8]. В целом она придерживалась точки зрения Д. Т. Березовца о болгарской этнической принадлежности памятника [4, с. 427; 6, с. 93, 96]. Эта же версия была поддержана и С. А. Плетневой, которая лишь указала о постепенном сливании находившейся в лесостепной зоне Подонья особой праболгарской группы с жившими по соседству аланами [9, с. 10—11]. Однако существует и иная интерпретация этого вопроса. Она принадлежит Г. Е. Афанасьеву, который основывался на данных Г. П. Зиневич, изучавшей краниологический материал Нетайловского могильника. Он указал на ее замечания о том, что обнаруженные в погребениях могильника черепа не имели аналогий в других, относительно близко расположенных в бассейне р. Северский Донец болгарских могильников, в частности Зливкинского. Большое сходство с черепами находившегося совсем рядом Верхнесалтовского катакомбного могильника свидетельствует об этнической принадлежности оставившего Нетайловский могильник населения к аланским племенам [1, с. 149—150]. Но Г. П. Зиневич отмечает, что хотя мужские черепа Нетайловского и Зливкинского могильников резко отличаются, женские имеют большое сходство. Она также обращает внимание на то, что мужские и женские черепа этого некрополя несколько отличаются от обнаруженных в аланских катакомбных могильниках, в частности в Верхнесалтовском [5, с. 152].

Таким образом, по этнической принадлежности Нетайловского могильника существуют две точки зрения. Для более широкого изучения этого вопроса возникла необходимость проведения дальнейшего исследования данного памятника, прежде всего продолжения его археологических раскопок. В 1991 г. отряд Средневековой экспедиции исторического факультета Харьковского государственного университета вскрыл 24 погребения; их нумерация (№ 125—149) продолжает прежнюю. Уже предварительный анализ полученных результатов позволил во многом изменить представление о погребальном обряде Нетайловского могильника.

О. В. Иченская обратила внимание на такую особенность, как отсутствие в могилах находившихся в анатомическом порядке костей. На основании этого она согласилась с предложением Д. Т. Березовца о том, что здесь начало погребального обряда заключалось в организации длительного, постепенного разложения тела умершего для его обезвреживания. Это происходило либо на дне выкопанной могильной ямы, либо на открытом пространстве рядом с ней. Лишь через определенное время (несколько месяцев или даже лет) останки умершего полностью зарывались. О. В. Иченская (как и Д. Т. Березовец) считала, что преднамеренные нарушения

могил (ограбление, осквернение) не практиковались [4, с. 427, 429; 6, с. 92—93].

Однако к настоящему времени по этому вопросу сложилось иное представление. Все исследованные в 1991 г. глубокие могилы Нетайловского некрополя можно подразделить на две группы. К первой относятся те захоронения, в которых были обнаружены человеческие кости. В некоторых из них костяки находились в относительном анатомическом порядке и размещались соответственно с ориентацией ям. Но в большинстве случаев останки костей находились в самом разнообразном положении. Так, в захоронении № 140 был обнаружен костяк очень плохой сохранности. Зафиксировано, что умерший был положен вытянуто, на спине, с перекрещенными в голенях ногами. Эпифизы найденных трубчатых костей рук и ног не сохранились. Аналогичная картина наблюдалась и в погребении № 144 (рис. 1, е). Встречались и могилы, где от уложенных там умерших сохранились только отдельные кости. Чаше всего это были лежащие в восточной части ямы остатки черепа или только отдельные зубы (погребения № 143, 146, 148). Ко второй группе относятся могилы, в которых человеческие кости не были обнаружены вообще. В этой группе есть как захоронения с инвентарем, так и вообще пустые ямы. В погребении № 135 были обнаружены остатки заупокойной пищи в виде отдельных костей крупного рогатого животного.

Новое исследование показало, что подавляющее большинство найденных погребений имело большие могильные пятна не совсем правильной овальной формы (размеры в пределах $2,15\text{--}3,60 \times 0,80\text{--}1,55$ м) лишь сверху материка, на глубине приблизительно 0,4—0,8 м от современного уровня территории могильника. До определенной глубины (около 1,0—1,5 м) стенки были отвесными, но ниже они достаточно резко наклонялись — шли на сужение формы могилы (ее дна). В некоторых погребениях были зафиксированы один или два заплечика не совсем правильной формы (рис. 1, б). При этом остатков какого-либо перекрытия обнаружено не было. Дно всех глубоких могильных ям имело такую же форму, как и у исследованных в 1960—1961 гг. узких погребений. По форме они были овальными, чаще прямоугольными или трапециевидными, очень узкими и длинными. Их размеры колеблются в пределах $1,85\text{--}3,25 \times 0,4\text{--}0,85$ м, глубина ям достигает 1,65—2,7 м. Среди них было вскрыто одно погребение (№ 139), которое, как это фиксировалось достаточно явно, еще в раннем средневековье было вскрыто для ограбления или осквернения захороненного. В его восточной части, на дне находились человеческие ребра, ближе к середине лежали трубчатые кости рук. В центре ямы находился череп погребенного, а на нем — фрагмент глиняного кувшина, причем его стенка вдавалась в черепную кость. Дальше в анатомическом порядке располагались кости ног, которые были сдвинуты (связаны?). Эпифизы этих костей не сохранились (рис. 1, а). В этом погребении на разной глубине были найдены еще два больших фрагмента того же сосуда. Рядом с черепом была обнаружена с отломанной частью серебря-

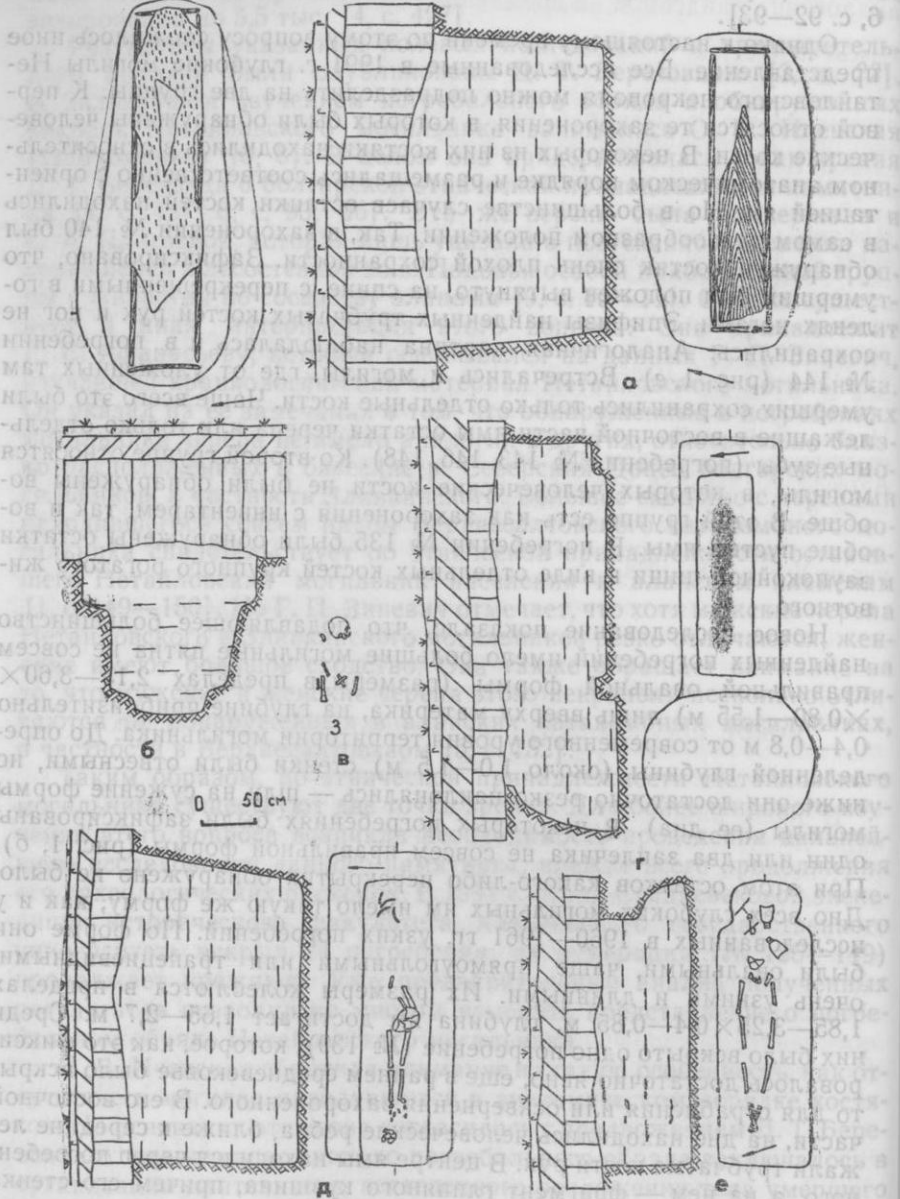

Рис. 1. Погребения Нетайловского могильника: 1 — погребение № 131, 2 — погребение № 133, 3 — погребение № 129, 4 — погребение № 127, 5 — погребение № 139, 6 — погребение № 144

ная подвеска в виде уточки, ближе к западной стенке — бронзовый перстень с плоским навершием. Весьма вероятно, что и все упомянутые прежде принадлежащие к этой группе (или абсолютно все) погребения подверглись ограблению или осквернению еще в эпоху раннего средневековья, быть может, в результате нашествия сюда в конце IX в. печенегов [10, с. 65]. Не исключено, что при раскопках Нетайловского могильника в 1960—1961 гг. не было обращено внимания на некоторые указанные особенности его погребений, достаточно отмечающиеся сейчас, либо по каким-то другим причинам данное явление в то время еще не могло фиксироваться.

В отличие от результатов раскопок 1960—1961 гг. тут были исследованы также некоторые погребения с деревянными конструкциями. Так, при вскрытии захоронения № 131 был обнаружен гроб-рама с крышкой. Он был сделан таким образом, что боковые доски

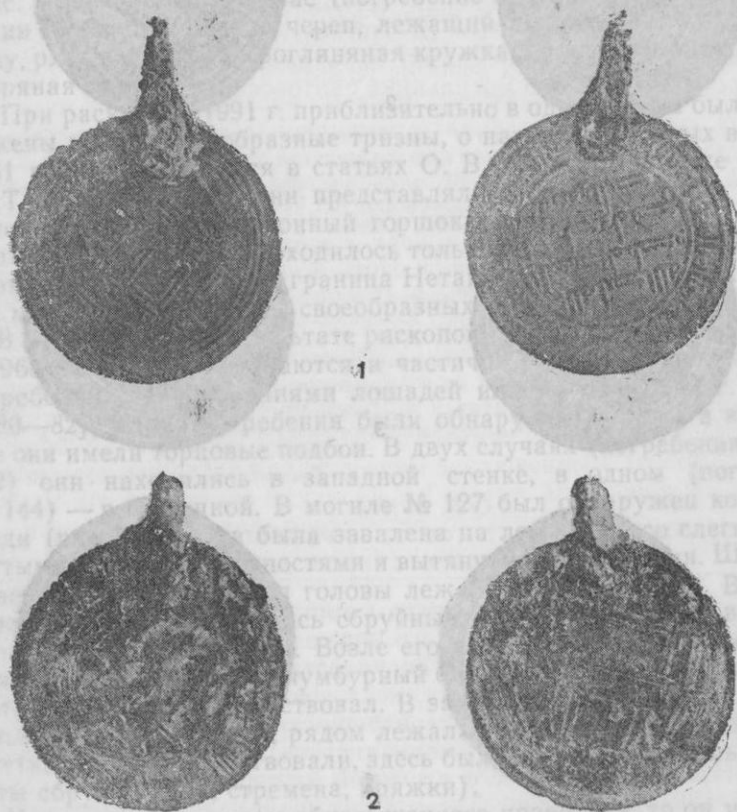

Рис. 2. Серебряные монеты-дирхемы: 1—2 — из погребения № 143

длиной до 2,50 м обжимались торцевыми шириной до 0,55 м. Сверху они были накрыты деревянной крышкой, а на ней лежал слой тонкой, возможно, шелковой ткани (рис. 1, а). В погребении № 133

Рис. 3. Серебряные монеты-дирхемы: 1—2 — из погребения № 137, 3—4 — из погребения № 146

были зафиксированы остатки гроба-рамы, сверху перекрытого войлоком (рис. 1, б). Человеческие кости в этих погребениях отсутствовали.

Д. Т. Березовец и О. В. Иченская отметили, что особенностью Нетайловского могильника является отсутствие детских погребений [4, с. 427; 6, с. 89]. При новых раскопках были обнаружены три детские могилы, находившиеся не рядом друг с другом, а в различных местах площади исследования. По сравнению с глубокими захоронениями взрослых они фиксировались лишь на глубине 0,5—1,0 м от уровня современной поверхности благодаря находкам человеческих костей, но точные размеры этих погребений не прослеживались ни в плане, ни в профиле. Костяки погребенных детей сохранились очень плохо. В двух могилах (№ 125, 129) были обнаружены черепа и трубчатые кости, расположенные не в анатомическом порядке (рис. 1, в). В одном случае (погребение № 130) в детском захоронении находился только череп, лежащий лицеvidной частью к западу, рядом с ним — сероглиняная кружка, бронзовый браслет и серебряная серьга.

При раскопках 1991 г. приблизительно в одном месте были обнаружены четыре своеобразные тризны, о находках которых в 1960—1961 гг. не упоминается в статьях О. В. Иченской и даже отчетах Д. Т. Березовца [2]. Они представляли собой фрагменты сосудов и целый небольшой кухонный горшок с орнаментацией зубчатого штампа. Рядом с ними находилось только одно погребение (№ 125). Возможно, это была уже граница Нетайловского могильника и особое место для проведения своеобразных тризн по усопшим.

В публикациях о результате раскопок Нетайловского могильника в 1960—1961 гг. упоминаются и частично есть рисунки некоторых погребений с захоронениями лошадей или их сбруи [4, с. 427; 6, с. 80—82]. Такие погребения были обнаружены также и в 1991 г. Все они имели торцовые подбои. В двух случаях (погребения № 127, 132) они находились в западной стенке, в одном (погребение № 144) — в восточной. В могиле № 127 был обнаружен костяк лошади (рис. 1, г). Она была завалена на левый бок со слегка подогнутыми задними конечностями и вытянутыми передними. Шея была повернута так, что череп головы лежал на правом боку. В районе тазовых костей находились сбруйные железные пряжки, возле черепа — удила и стремяна. Возле его нижней челюсти — своеобразная бронзовая пряжка (чумбурный блок?). Человеческий же костяк в этом погребении отсутствовал. В захоронении № 132 находились только челюсти лошади, рядом лежала сбруя. В погребении № 144 остатки лошади отсутствовали, здесь были обнаружены только предметы сбруи (удила, стремяна, пряжки).

Что касается в целом обнаруженного инвентаря, то он мало чем отличался от найденного в 1960—1961 гг. [8]. Его находки не зависели от наличия или отсутствия человеческих костиков, и он был зафиксирован в погребениях как первой, так и второй группы. В захоронениях с инвентарем у восточных стенок ям стояли кувшины, ближе к центру (в районе грудной клетки) располагались бусы,

серьги, в самом центре ям находились браслеты, кольца, ножи. Так, в погребении № 143 были найдены два человеческих зуба, рядом с которыми располагался довольно значительный инвентарь. В восточной части ямы стоял сероглиняный чернолощенный эйнохоевидный сосуд. Ближе к центру лежала бронзовая гривна, вокруг которой располагалась низка пастовых, стеклянных и сердоликовых бус (80 штук). Внутри окружности гривны лежали два серебряных дирхема с бронзовыми петельками (рис. 2, 1—2) и серебряные серьги. Рядом с гривной — бронзовая фибула. Все вещи лежали на плохо сохранившейся тонкой ткани. Еще четыре серебряных дирхема с отверстиями найдены в погребениях № 137 (рис. 3, 1—2) и 146 (рис. 3, 3—4).

Таким образом, дальнейшее изучение Нетайловского могильника дает дополнительные сведения о характере погребального обряда, об этническом составе населения, оставившего этот некрополь. Некоторые обнаруженные вещи (в частности, серебряные монеты — дирхеми) являются важнейшими находками для уточнения датировки рассматриваемого могильника салтовской культуры.

Список литературы: 1. Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). М., 1987. 2. Березовец Д. Т. Отчет о раскопках Верхнесалтовского и Нетайловского могильников 1959—1961 гг. // Архив Ин-та археологии АН УССР (№ 3984, 3985). К., 1961. 3. Березовец Д. Т. Раскопки в Верхнем Салтове в 1959—1960 гг. // Крат. сообщ. Ин-та археологии АН УССР. 1962. Вып. 12. 4. Березовец Д. Т. Салтівська культура // Археологія Української РСР. К., 1975. Т. III. 5. Зиневич Г. П. Очерки палеоантропологии Украины. К., 1967. 6. Иченская О. В. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника // Древности среднего Поднепровья. К., 1981. 7. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Х., 1985. 8. Пархоменко О. В. Похоронный инвентарь Нетайловского могильника VIII—IX ст. // Археологія. 1983. № 43. 9. Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и в Приазовье // Плиска — Преслав. София, 1981. Т. 2. 10. Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981.

Поступила в редколлегию 28.01.92

С. Я. БРИМАН ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕПУТАТОВ ОТ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Огромное количество литературы написано о революции 1905—1907 гг., но сравнительно немного внимания уделялось одному из главных «детей» революции — Государственной думе. Пытаясь разобраться в истоках сталинизма, исследователи ставят закономерные вопросы о возможной альтернативе стратегии большевиков на восстание, на насильственный социалистический переворот. В связи с этим остро встает вопрос о «думской альтернативе» [13, с. 169]. Была ли она? Настолько велики были шансы ее осуществления? В этом автору видится актуальность изучения всего комплекса вопросов, связанных с Думой. Представляется необходимым также тщательно изучать опыт деятельности депутатов первого парламента России, что особенно важно на современном этапе, когда создаются основы правового государства.

27 апреля 1906 г. начала свою работу I Государственная дума. Этого события с огромным нетерпением ждала вся либерально-демократическая Россия, к Думе устремлялись вековые чаяния крестьянства. Сотни членов Думы в течение 72 дней были в центре внимания страны. К сожалению, специалистами исследована деятельность лишь немногих из них [3; 7].

Заметный след в истории работы Государственной думы оставили 11 харьковских депутатов (6 кадетов; от октябристов, «прогрессистов», партии демократических реформ, трудовиков и социал-демократов — по 1). Условно их можно разделить на три группы: 6 чел., которые, участвуя в голосованиях и в работе комиссий, не выступали с думской трибуны; 3 чел., которые за время существования I Думы выступили 3—5 раз; М. М. Ковалевский и Н. А. Гредескул, внесшие огромный вклад в деятельность Думы.

Начнем с первой группы. Михаил Данилович Деларю был земским деятелем и кадетом (по профессии — инженер-техник). 19 июня 1906 г. он был избран членом комиссии по государственной росписи расходов. Социал-демократ Борис Дмитриевич Диденко 18 мая в числе 14 депутатов от рабочей курии подписал обращение ко всем рабочим России. В этом документе говорилось: «Не безвластная Дума при чиновничьем правительстве сможет выполнить все требования народа, а только полновластное Учредительное Собрание» [3, с. 77]. В тот же день Диденко высказался за отмену смертной казни. Кадет Николай Николаевич Ковалевский был выдающимся земским деятелем, членом «Союза освобождения», главноуполномоченным общеземской организации на Дальнем Востоке 1904—1905 гг. В Думе он был членом аграрной и бюджетной комиссии, членом комиссии по составлению проекта закона о равенстве граждан. Георгий Михайлович Линтварев — кадет и гласный губернского земства — в Думе работал в продовольственной комиссии. Игнат Андреевич Стрельцов был «прогрессистом»* и волостным старшиной. 4 мая он подписал заявление группы депутатов о необходимости амнистии политическим заключенным. Вместе со Стрельцовым это заявление подписал и Георгий Андреевич Фирсов — губернский предводитель дворянства, октябрист [12, с. 237, 1075, 1213, 1440, 1468, 1505]. Перечисленные шесть депутатов в работе Думы больше ничем себя не проявили.

Гораздо больший вклад в думскую работу внесли депутаты Ф. И. Иваницкий, Д. И. Назаренко и И. А. Оранский. Первый из них был председателем Змиевской уездной земской управы. Это был человек с большим революционным прошлым, неоднократно подвергавшийся репрессиям властей (обвинялся еще в 1883 г. по делу В. Н. Фигнер). Член «Союза освобождения», кадет, он был известен своей непримиримостью к царскому чиновничьему аппарату. Именно поэтому Иваницкий 26 мая был избран членом комиссии по расследованию преступлений должностных лиц, а уже 13 июня он докладывал Думе разоблачительные подробности зверств полиции

* И. А. Стрельцов в анкетах назвал себя «прогрессистом», но всегда поддерживал октябриста Г. А. Фирсова.

в Варшаве и Екатеринославе. Надзиратели избивали арестованных. В Варшаве «были произведены жестокие истязания политических арестованных при дознании. Их били прикладами так, что бросилась кровь из горла. Такие мучения продолжались 8 дней и ночей». Доклад заканчивался гневным протестом против произвола властей и требованием не допустить подобное в будущем [12, с. 685, 1276].

Огромным уважением в Думе пользовался крестьянский самородок — Дмитрий Илларионович Назаренко, которого характеризовали как блестящего оратора. За революционную деятельность он был арестован в декабре 1905 г. В Думе Назаренко был членом Временного комитета трудовиков, членом адресной и распорядительной комиссий, а также комиссии по проверке полномочий депутатов. Еще 20 апреля он заявил, что «без равноправия и свободы земли крестьяне не получают» [11, с. 36—37]. Прекрасные ораторские способности, радикализм и крестьянская сметка особенно проявились в его речах 4 и 19 июня 1906 г. 4 июня он убеждал с думской трибуны: «Цель Думы — осуществить возможность обиженному искать правды, бедному дать возможность жить по-человечески, дать возможность бедному бороться с богатым». Не боясь реакции консервативных депутатов, Назаренко смело утверждал, что народу «непременно придется встретиться с волею богатых» и что народ победит в этой борьбе. Одной из первых мер была предложена ликвидация «барского Государственного Совета» [12, с. 180].

Вековые требования крестьян о земле выразились в выступлении Назаренко 19 июня. Это выступление отметил В. И. Ленин [1, т. 16, с. 379]: «Как для детей необходима грудь матери, так для нас, крестьян, — земля. В недавнее время господа заставляли наших матерей кормить грудью щенков. Теперь щенки господские сосут не ту мать, что их родила, а ту, которая нас кормит — землю!» Развивая свои требования о необходимости отчуждения огромных латифундий крестьянам, Назаренко указывал: «Надо, чтобы закон о праве собственности не давал одному лицу власть над несметным количеством земли. Мы сами укажем, какая может быть назначена крестьянам трудовая норма». Он категорически потребовал принятия такого земельного закона: «Рассмотрите этот вопрос, если вы не желаете довести страну до того, чтобы она сама разрешила его. Если мы будем зря выступать, то народ сам разрешит этот вопрос. И тогда попросите взять землю назад!» [12, с. 494—495]. Левая часть депутатов ответила ему овацией. Последним действием Назаренко в Думе был его запрос в Министерство внутренних дел, в котором содержалось требование освободить из старобельской тюрьмы крестьянского ходока Владимира Шейермана, арестованного за то, что он доставил для Назаренко крестьянские наказания [16, ф. 1278, оп. 1, д. 645, л. 1—4].

Заслуженным авторитетом пользовался и другой талантливый крестьянин — народный учитель Иосиф Алексеевич Оранский, который был активным кадетом и одним из самых радикальных членов аграрной комиссии. 24 мая 1906 г. он смело говорил в лицо властям, что они хотя не допустить изменения строя бюрократической

власти, который ведет «к общей гибели», что «реформа должна составить всю основу жизни народа. Она должна быть ясна, без колебаний, чтобы раскрыть земельный голод» [12, с. 607]. Оранский выступил за развитие кредита крестьянам, за обновление их жизни, в которой будет «культурный, созидательный труд без паразитов на нем», добавляя, что «крестьянин не может усовершенствовать культуру, пока у него есть нечего» [16, ф. 1278, оп. 1, д. 273, л. 26]. Иосиф Алексеевич умело «отбивал» критику со стороны реакционных депутатов и утверждал, что они, защищая крупное землевладение, «исходят не из соображений экономических, а желают, чтобы было на кого опереться самовластию в деревне». Оранский сформулировал в своих речах те надежды и стремления, с которыми крестьянство шло на выборы: «Мы верим в Думу, что Дума создаст справедливые законы о земле, которые и будут одобрены монархом, удовлетворят народ и послужат к счастью дорогой родины!» [12, с. 609].

Максим Максимович Ковалевский и Николай Андреевич Гредек-скул стояли особняком в ряду харьковских депутатов — они были деятелями всероссийского масштаба. М. М. Ковалевский, выдающийся ученый и либеральный демократ, был к тому же и главным организатором политического масонства в России, что придает его личности и деятельности еще более глубокий и весомый смысл [9, с. 134]. После открытия Думы Ковалевский выдвигался, но не был избран при голосовании ее председателем; он стал председателем VIII отдела, комиссии по составлению наказа и библиотечной комиссии. Ковалевский был членом еще четырех комиссий: о неприкосновенности личности, по составлению проекта закона о гражданском равноправии и закона о свободе собраний и по проверке полномочий членов Думы. Он возглавлял русскую парламентскую группу международного Третейского суда. В Думе М. М. Ковалевский стал организатором и лидером фракции партии демократических реформ, программа которой была близка к кадетской [5, с. 86].

Уже в первых своих выступлениях М. М. Ковалевский обрушился на политические репрессии в стране, требуя амнистии. В его речах затрагивались самые разные темы. Это и критика права думского запроса, которое «является насмешкой над народным представительством», и требования ликвидации Госсовета, политической ответственности министров перед народом [12, с. 42, 105—107]. Ковалевский стал одним из основоположников либеральной концепции революции, а в ее рамках — изучения рабочего вопроса. Он проникновенно и справедливо призывал «идти на помощь рабочему классу в форме рабочего законодательства и признания невозможной эксплуатации женского и детского труда, регламентирования длины рабочего дня» [8, с. 106; 12, с. 107]. В думских выступлениях Ковалевский говорил о необходимости совершенствования парламентаризма и расширения демократии. Будучи либеральным демократом, он искренне не желал потрясений и взрывов для России. Видя низкий уровень политической культуры готовых взорваться низов, депутат пророчески говорил о том, что «решающее значение

при определении политического прогресса имеет не то, как видоизменяется форма власти, а важно то, насколько демократизируется общество при переходе от одной стадии к другой» [6, с. 58].

М. М. Ковалевский считал главным заставить правительство отказаться от консерватизма и пойти на широкие реформы в пользу низов. Будущая Россия представлялась ему конституционной монархией с сильным парламентом и развитой экономикой.

Максим Максимович уделял большое внимание развитию общедемократических свобод — неприкосновенности личности, жилища, переписки, свободы петиций, выступал за демократизацию унизительного закона о печати. Критикуя избирательный закон, он доказывал: «Народные представители собраны здесь, благодаря несовершенству избирательного закона, от землевладельцев в большей степени, чем от других классов» [10, с. 95; 12, с. 186, 360—362, 436, 1287—1288]. 6 и 13 июня 1906 г. он выступил с большими речами о равенстве граждан России. Ковалевский полностью поддерживал «законопроект об отмене сословности в Российской империи, об уравнении в правах национальностей и вероисповеданий». Но он справедливо считал «невыгодным последствия принципа, что мужчины и женщины в правах равны», выдвигая логичный аргумент: «Ведь равные права предполагают и равные обязанности. Распространим ли мы на женщин воинскую повинность? Образует ли мы корпус амазонок?». Именно по инициативе Ковалевского членам Думы стали выдавать на содержание около 3 тыс. р., а для «бережливого пользования» зданием один из членов Думы был избран заведующим Таврическим дворцом [12, с. 1075, 1196, 1440, 1167, 1380].

Вместе с Гредескулом он выступил в защиту арестованного в Харькове А. Щербака, который был слушателем Высшей школы Ковалевского в Париже. Гневом и возмущением наполнены слова Ковалевского, касающиеся еврейского погрома в Белостоке, в организации которого он обвинил агентов Министерства внутренних дел: «Мы все граждане одной родины и должны стоять друг за друга. Мы единогласно признаем, что для нас нет различий в национальности и вероисповедании, мы стоим за то, чтобы правительство охраняло всех наших сограждан!» [12, с. 557, 957] 19 июня Ковалевский выступил с речью, в которой отстаивал права свободного перемещения, свободы слова, собраний, замечая, что пункт проекта о необходимости разрешения собраний полицией «ударит по рабочим, всего более нуждающимся в праве собраний. Это решение не предотвратит разрыва между трудом и капиталом» [12, с. 1458—1460].

В аграрном вопросе Ковалевский предлагал путем выкупа «земель государством в интересах общественной необходимости обеспечить крестьян землей». Для учета всех местных особенностей в аграрную комиссию именно по предложению Ковалевского были введены делегаты Кавказа и Киргизского края. Он требовал предоставить Думе право, чтобы налоги и расходы взимались и тратились только после их утверждения Думой [10, с. 96; 12, сн. 108, 1905].

Касаясь внешней политики будущей обновленной России, Ковалевский считал главным «попечение о сохранении права и справед-

ливости в отношениях всех наций и обеспечение международного мира, обеспечение всем нациям возможности самостоятельного развития» [12, с. 220]. 30 июня 1906 г. М. М. Ковалевский и еще пять членов Думы были избраны в состав делегации в Лондон, приглашенной британским парламентом. В начале июля 1906 г. они отбыли в Англию, где 23 июля началась межпарламентская конференция по вопросу о создании Третьейсого суда — прообраза современной ООН. В Лондоне были представлены 20 парламентов мира [16, ф. 1278, оп. 1, д. 11, л. 1—5]. Из-за своего участия в конференции М. М. Ковалевский не смог подписать «Выборжское воззвание», так как во время трагического роспуска Думы он был далеко от России.

Николай Андреевич Гредескул — профессор Харьковского университета — прошел очень тяжелый путь в Думу. Ученый-правовед, публицист и кадет-радикал, он был привлечен к суду в начале 1906 г., арестован и по личному приказу министра внутренних дел П. Н. Дурново выслан в Архангельск, уже будучи избранным в выборщики по Харькову. Возмущенная общественность города добилась того, что Гредескул был избран членом Думы от Харькова заочно 21 апреля 1906 г. (остальные десять членов Думы от губернии были избраны 26—27 марта 1906 г. на губернском избирательном собрании) [16, ф. 1278, оп. 1, д. 49, л. 17—18]. Гредескул заслуженно пользовался громадной популярностью в Думе. Прибыв из ссылки буквально за несколько часов до открытия Думы, он был восторженно встречен депутатами и уже 29 апреля избран абсолютным большинством голосов товарищем председателя Думы. Гредескул стал членом комиссии по вопросу о неприкосновенности личности, по составлению проекта закона об отмене смертной казни. Н. А. Гредескул был членом ЦК кадетов и в его выступлениях блестяще сформулированы требования левокадетского крыла.

30 апреля и 3 мая он выступил с яркими речами о необходимости политической амнистии, которая «должна быть прямым требованием, она есть дело отчаяния». Чутко улавливая настроения масс, Гредескул предупреждал: народ «поставлен в такое положение, что во всяком случае должен идти вперед», и если амнистия не будет дана, то политзаключенные «будут освобождены самим народом. Тогда будет двинут в ход ужасный механизм», который «поведет к междоусобной войне. Если дело дойдет до крайности, что придется померяться физическими силами, то и тогда народ победит» [10, с. 20—21; 12, с. 37].

Уничтожающему обличению подверглась Гредескулом система политического террора в стране: «Мы переживаем жесточайшую трагедию. Против нас выдвинута колоссальная и неслыханная машина беззаконий и произвола. Убийства слева вызываются преследованиями справа, не знающими границ [12, с. 345—346]. С думской трибуны Николай Андреевич развивал свои взгляды на Думу и революцию: «Государственная дума призвана сыграть известную роль в революционном движении. Мы должны стоять во главе народного движения, в смысле идейном мы должны закреплять мысли

и желания народа. И народ победит!» [12, с. 439—440]. Видя деструктивный элемент в революции в том, что «революционный способ действия переступает через законы, опрокидывает их», «Гредескул говорил: «Наш главный ресурс — законодательная власть». Но он был трезвым политиком и понимал: «То, что пишется в законах, вовсе не обладает волшебной силой» не считал, что «законодательство само по себе лучше революции». Гредескул вместе с другими кадетами рассчитывал реформами «устранить старые учреждения», создать «совершенно другие министерства, органы власти» [12, с. 1418, 1420].

Гредескулом были даны запросы в Министерство внутренних дел о судьбах 172 незаконно арестованных харьковчан [12, с. 1944—1945, 1611; 16, ф. 1278, оп. 1, д. 499, л. 4, д. 685, л. 2]. 19 июня Гредескул голосовал за принятие закона об отмене смертной казни (как и все харьковские депутаты). Характеризуя будущее устройство органов внутренних дел, Николай Андреевич указывал, что «полицейская и административная власть будут совершенно другими, они будут ответственны по закону за превышение власти, за незаконный способ действия» [12, с. 1421, 1503]. К концу июня 1906 г. окончательно назрел конфликт между Думой и правительством. Об этих тревожных днях Гредескул писал, указывая выход из тупика: «Мы накануне решительных событий. Или правительство одумается в ближайшие же дни и предаст власть думскому министерству, или оно приведет нас к величайшим катастрофам» [15, 1906, 25 июня]. Но 9 июля 1906 г. Дума была разогнана.

Депутаты I Государственной думы от Харьковской губернии за 72 дня работы парламента выступили с 38 речами, внесли 17 поправок и замечаний. Это намного превышает аналогичные показатели среди всех других делегаций от украинских губерний (например, киевская губернская делегация — 24 речи и 14 поправок, полтавская — 22 и 11). Только один М. М. Ковалевский выступил 25 раз. Представителями Харьковской губернии было сделано 16 заявлений по различным второстепенным вопросам. В среднем каждый член харьковской делегации подписал девять депутатских запросов, что превышает данный показатель среди депутатов многих губерний Украины (например, среди депутатов от Херсонской губернии он равен 5 запросам, а от Волынской губернии — 3 запросам). Среднее количество комиссий, в которых работал каждый депутат от Харьковской губернии, равно 1,6. Этот показатель является самым большим среди депутатов от украинских губерний (среднеукраинский показатель таков: каждый депутат работал менее чем в 1 комиссии). Итак, из 5 показателей активности депутаты от Харьковской губернии имеют среди всех других депутатов от Украины наивысшие результаты по 3 главным [2].

После разгона Думы многие ее члены в Выборге 10 июля 1906 г. подписали воззвание к народу: «Мы составляли законы для обеспечения народу свободы, мы требовали удаления безответственных министров, но прежде всего мы желали создать закон о наделении крестьянства землей путем принудительного отчуждения земель

частновладельческих» и всех других. Выборжцы обратились к народу с призывом не платить налогов и «не давать солдат в армию». «Граждане! В этой неизбежной борьбе ваши выборные люди будут с вами!» [12, с. 2018]. Это воззвание подписали 7 из 11 харьковских депутатов: Н. Гредескул, Б. Диденко, М. Деларю, Ф. Иваницкий, Н. Ковалевский, Г. Линтварев, Д. Назаренко.

16 июля 1906 г. против выборжцев было возбуждено уголовное преследование. Среди харьковчан показание дал только один М. Д. Деларю. Он был вынужден заявить, что его желание возбудить протест против роспуска Думы было «нецелесообразно». По возвращению этих депутатов летом 1906 г. из Выборга в Харьковскую губернию против них начались репрессии местных властей. В начале августа губернатор Н. П. Пешков докладывал лично П. А. Столыпину: драгунами разогнано собрание в имении Н. Н. Ковалевского, где тот рассказывал крестьянам о распушенной Думе [17, ф. 3, оп. 287, д. 1212, л. 29—30, 35—42]. Г. М. Линтвареву и Ф. И. Иваницкому было воспрещено жительство в Харьковской губернии; Д. И. Назаренко был арестован 8 октября 1906 г.; Н. А. Гредескул был вынужден оставить Харьковский университет.

7 января 1908 г. все семь обвиняемых харьковских депутатов в числе других были приговорены к трем месяцам тюрьмы [4, с. 132—134, 137—140] и лишены избирательных прав. В дальнейшем судьба депутатов сложилась следующим образом. М. Д. Деларю, который много лет тяжело переживал о случившемся, умер в 1912 г. В 1916 г. умер М. М. Ковалевский, прожив плодотворную жизнь историка и политика. Н. А. Гредескул в 1924 г. полностью отказался от своих кадетских убеждений, примирившись с советской действительностью [14, с. 6'—7', 9'—10', 16'—17', 22', 24'].

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. Депутаты от Харьковской губернии были в Думе самыми активными среди всех других парламентариев от украинских губерний, а в целом харьковская губернская делегация имела один из самых высоких показателей активности на общероссийском уровне, М. М. Ковалевский вошел в «пятерку» наиболее активно выступавших членов Думы, разделив четвертое «место» с М. М. Винавером, а среди депутатов от Украины он по активности занял первое «место». Харьковские депутаты участвовали в разработке многих важных экономико-политических законопроектов, запросами оказывали реальную помощь жертвам политического террора в Харьковской губернии. Всей своей деятельностью депутаты внесли весомый вклад в расширение политической культуры масс через открытое обсуждение важнейших проблем страны, резкое изобличение самодержавного строя. Деятельность лучших из этих депутатов должна и сейчас послужить образцом конструктивности, реализма и радикализма.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Государственная Дума: Указатель к стенографическим отчетам. Сессия 1. Спб., 1906. 3. Дан Ф. Рабочие депутаты в I Государственной думе. Спб., 1906. 4. Депутаты I Думы под судом. Спб., 1908. 5. Зырянов П. Н. Как работала Государственная дума // Полит. об-

разование. 1989. № 15. 6. Ковалевский М. М. Социология. Спб., 1910. Т. 1. 7. Мартюхова М. А. Политические позиции депутатов от Белоруссии в I Государственной думе (Из истории революционной борьбы и социалистического строительства). Минск, 1976. 8. Мягков Г. П. М. М. Ковалевский о рабочем вопросе и уроках политической борьбы в России в годы I русской революции (Классовая борьба в Поволжье в 1905—1907 гг.). Куйбышев, 1985. 9. Русское политическое масонство 1906—1918 гг. // История СССР. 1989. № 6. 10. Поссе В. А. Государственная дума. Спб., 1906. 11. Состав трудовой группы в I и II Государственных думах. М., 1988. 12. Стенографический отчет Государственной думы. Сессия I. Спб., 1906. 13. Чиковани А. Ю. Политические партии России в 1905—1917 гг. // История СССР. 1989. № 6. 14. Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат». 7-е изд., М., Б. г. Т. 17. 15. Речь: Орган партии кадетов. 16. Центральный государственный исторический архив СССР. 17. Государственный архив Харьковской области.

Поступила в редколлегию 10.01.92

Т. В. КОЛОМІЄЦЬ

ХАРКІВСЬКЕ ТОВАРИСТВО ГРАМОТНОСТІ І НЕДІЛЬНІ ШКОЛИ

Харківське товариство поширення в народі грамотності було засноване 24 березня 1869 р. завдяки зусиллям передової харківської інтелігенції. Одна з найважливіших сторінок діяльності цього товариства — створення недільних шкіл. Проте, вважаю, не можна розглядати діяльність недільних шкіл Харківського товариства грамотності, не звернувшись до історії створення цих шкіл взагалі. Маємо своєрідну спіралеподібну схему: перші недільні школи підготували ґрунт для створення Харківського товариства грамотності, яке, в свою чергу, проводило велику роботу по започаткуванню і розвитку саме таких шкіл.

Проблемою перших недільних шкіл на Україні займалися чимало дослідників, зокрема із дореволюційних — Я. В. Абрамов [1], М. П. Драгоманов [2], Б. Д. Грінченко [3], М. І. Пирогов [4], із радянських — В. І. Кізченко [5], В. Й. Борисенко [6], Г. Є. Жураковський [7], В. Т. Білан [8], Д. Елькіна [9] та ін. Дані про недільні школи, що були засновані Харківським товариством грамотності, можна знайти в працях Д. І. Багалія, Д. П. Міллера [10], А. Дідріхсона [11], у мемуарах Н. П. Балліна [12] та численних звітах Харківського товариства грамотності [13]. Але окремої роботи, яка б була присвячена цій сфері діяльності Товариства, немає.

Необхідність у започаткуванні недільних шкіл стає очевидною, коли проаналізуємо стан народної освіти на середину XIX ст. в Росії в цілому та в Харківській губернії зокрема. Напередодні реформи 1861 р. рівень народної освіти був дуже низьким. А тим часом країна стала на шлях капіталістичного розвитку, який вимагав, перш за все, висококваліфікованих, освічених робітників. Царський уряд витрачав же на народну освіту тільки 2 % від загальної суми державного бюджету (для порівняння: в Англії — 10 % державних асигнувань, у Франції — 6,4 %, у Пруссії — 6 %) [14, с. 206—207]. Що стосується Харкова і Харківської губернії, то за переписом на 1 травня 1866 р. у Харкові лише 36 % населення вміли читати і писати; по Харківській губернії із 189 тис. дітей шкільного віку на-

вчалось 13 500, тобто 7,14 % від загальної кількості [10, с. 757, 777]. Все це, насамперед, хвилювало представників прогресивної інтелігенції. Саме вони і розпочали велику справу освічення народу.

Ідея створення недільних шкіл була запозичена на Заході, а саме з Остзейських провінцій Німеччини, де вони існували вже давно. Проте, як стверджує видатний педагог М. І. Пирогов, «недільні школи в Росії мають інше — і незрівнянно більш важливе — значення, ніж на Заході. На Заході, і саме в Німеччині, вони складають предмет розкоші, у нас — необхідності» [4, с. 398].

Перші недільні школи були створені в Києві наприкінці 1859 р. Відкриття цих шкіл, за висловлюванням сучасників, було «явищем всеросійським» [7, с. 133]. Цьому сприяли члени студентського Харківського таємного товариства, які після їх виключення з Харківського університету за антиурядові настрої, приїхали навчатися до Києва в 1858—1859 рр. Ця група студентів (Я. Бекман, В. Португалов, М. Муравський та ін.) при підтримці професора Київського університету П. В. Павлова, ідеї якого відповідали настроям студентської молоді, одержала дозвіл від попечителя Київського учбового округу М. І. Пирогова на відкриття у Києві двох недільних шкіл. 11 жовтня 1859 р. на Подолі почала роботу перша в Росії недільна школа для дітей робітників. Друга недільна школа «для ремісничого класу» була відкрита в іншому районі Києва — при повітовому училищі на Новобудові.

Ці ж студенти клопотали і про відкриття недільних шкіл у Харкові, що в кінці 1859 р. і було зроблено. За період 1859—1860 рр. таких шкіл було відкрито у нашому місті чотири: — три чоловічі і одна жіноча — для робітників і міської бідноти [15, с. 413]. А вже через рік, перед реформою 1861 р., у Харкові було п'ять недільних шкіл, в яких 1200 учнів навчалися у 200 учителів [10, с. 755]. У жіночій школі справи йшли краще. В її роботі брали участь професори, студенти університету, освічені жінки. Доступ у школу для викладання був вільний. Сюди прийшла працювати Х. Д. Алчевська — без спеціальної освіти, але з великим бажанням і ентузіазмом. Вона стала одним із провідних педагогів, протягом 50 років очолюючи в Росії методичний центр недільних шкіл [16, с. 3—4]. У другій чоловічій недільній школі викладав М. П. Баллін, який був призначений до Харкова на посаду стряпчого. Свою громадську діяльність він почав із заснування літературного «Клубу чесних і благородних людей». На одному із засідань цього клубу і було вирішено підтримати заснування у Харкові недільних шкіл [15, с. 413].

Успіхи учнів недільних шкіл були просто вражаючими. «Грамота засвоювалась вдвоє і навіть втриє швидше, ніж у приходських та інших училищах, які відвідувались повсякденно», — писав М. І. Пирогов [4, с. 396]. З появою недільних шкіл активізувався рух за навчання на рідній українській мові. За українську школу висловлювались у 1862—1863 рр. педагоги віленського та київського навчальних округів, Санкт-Петербурзький комітет грамотності, Харківський університет та ін. Російський педагог-демократ К. Д. Ушинський різко засуджував великодержавну систему освіти царської

Росії, називав московську школу мало не пеклом для української дитини, говорив, що така школа в українському селі робить «гірше, ніж нічого», і тільки затримує натуральний розвиток дитини [3, с. 3].

Всі ці настрої дуже лякали царську адміністрацію. 30 грудня 1860 р. з'явився циркуляр міністра народної освіти, в якому заборонялося викладати у недільних школах ті предмети, що виходили за рамки програми приходських шкіл. Дозволялося навчати читання, письму, першим правилам арифметики та закону божому. За недільними школами було встановлено суворий нагляд. Уряд активно шукав причин, за яких можна було б покінчити з недільними школами. Невдовзі міністерство внутрішніх справ зібрало чимало документів, щоб підвести базу під закриття цих навчальних закладів. Потрібен був останній штрих і він знайшовся: студенти Петербурзького медико-хірургічного інституту були звинувачені в тому, що читали в недільних школах і передавали робітникам прокламації. 12 червня 1862 р. було видано наказ уряду про закриття всіх існуючих недільних шкіл до перегляду правил про їх діяльність [17, с. 401—438].

Недільні школи припинили роботу і в Харкові. Х. Д. Алчевська пише у своєму щоденнику про те горе і сум, з яким учителі оголошували учням про закриття жіночої недільної школи.

Взагалі, проблема недільних шкіл дуже заполітизована. Зіграло свою роль в цьому і те, що у справі заснування недільних шкіл брали активну участь харківські студенти, які були членами таємного політичного товариства. Проте вони не покладали особливих революційних надій на ці школи. Вони просто хотіли зробити корисну справу для свого народу. На цьому наполягає і М. І. Пирогов у своїй статті [4]. А М. П. Драгоманов відмітає навіть твердження, що «ініціатива недільних шкіл походила від тих людей, які були заарештовані і покарані, як члени [таємного] товариства» [2, с. 21]. Царизм взагалі лякався всього нового. Революційні настрої сповнювали країну. Але що стосується недільних шкіл, наявність революційної пропаганди в них значно перебільшена міністерством внутрішніх справ.

Намагалися підвести політичну основу під діяльність недільних шкіл і деякі радянські історики. Такі твердження, як «...багато революційно настроєних київських студентів вбачали у недільних школах ефективний засіб революційної пропаганди» [7, с. 135] не відповідають дійсності.

Недільні школи мали революціонізуєче значення, але в іншому розумінні. По-перше, це значення полягає в тому, що багато простих людей одержали доступ до освіти, до знань. По-друге, вчителі та їхні учні мали змогу спілкуватися рідною мовою, бо серед викладачів, як свідчить М. І. Пирогов, значну кількість становили «малороси» з їх відчайдушним прагненням навчати українців українською мовою [4, с. 395 І.]. По-третє, сміливо можна стверджувати, що недільні харківські школи у 1859—1862 рр. стали своєрідним фундаментом, на якому будувалося Товариство грамотності.

Після того, як недільні школи було заборонено, пошуки шляхів до народної освіти тривали. Дехто із вчителів і громадських діячів були залякані і відійшли від цієї справи. Інші вели освітню роботу нелегально. Так, Х. Д. Алчевська не підкорилася обставинам і таємно організувала недільну школу в себе вдома для 50 учениць [16, с. 17].

Проте більшість прогресивно настроєних діячів намагалися знайти нові форми поширення знань серед народу. І як запевняє в своїй праці І. С. Баренбаум, однією із таких форм стали Товариства грамотності [18, с. 316]. Ідея створення у Харкові Товариства грамотності вперше була висловлена М. П. Балліним у листах до своїх знайомих харків'ян. Втілення цієї ідеї в життя почалося одразу після приїзду М. П. Балліна до нашого міста. Було складено перший статут Харківського товариства Грамотності, написаний більш сміливо, ніж другий статут. Проте саме другий і затвердило міністерство внутрішніх справ 24 березня 1869 р. [19]. Статут підписали 159 учителів колишніх недільних шкіл. До складу правління Харківського товариства поширення в народі грамотності увійшли М. М. Бекетов, М. П. Баллін, С. Я. Беліков, Д. І. Каченовський та інші, хто брав найбільш активну участь у роботі недільних шкіл [18, с. 316].

З першого дня існування Харківське товариство грамотності розпочало жваву діяльність по створенню своїх недільних шкіл. На перших загальних зборах членів Товариства було вирішено відкрити чоловічу і жіночу недільні школи. Жіноча школа розпочала роботу у 1869 р. у приміщенні Олександрівської міської школи. Насамперед планувалося, що тут будуть навчатися тільки дорослі дівчата та жінки. Проте багато дівчаток у віці від 9 до 13 років також хотіли відвідувати школу, і в результаті сталося так, що навчалися в недільній жіночій школі учениці різного віку. Через деякий час школу було переведено до приміщення першої щоденної школи на Москалівці, де вона успішно діяла в другій половині 70-х років під керівництвом спочатку Л. В. Александрової [20, с. 6], потім С. С. та О. С. Бірюкових [21, с. 44]. В цей час школу відвідували 150 учениць. Пізніше тут виникли якісь непорозуміння, через що частина викладачів залишила школу Товариства грамотності і відкрила приватну недільну школу. Почався занепад школи на Москалівці, і в 1884 р. вона припинила свою роботу за браком учителів [22, с. 10].

Чоловіча недільна школа Харківського товариства грамотності була відкрита у 1870 р. при харківському духовному училищі (через співчуття до народної освіти архіпастира Нектарія). Кількість учнів у 1871 р. становила 130 чол. Школа мала два відділення — для дорослих і для дітей. Кожне із відділень поділялося на класи, а класи, в свою чергу, — на 12 груп в залежності від рівня знань. Група мала свого вчителя, який навчав усім дисциплінам в обсязі курсу початкових народних училищ Міністерства народної освіти [123, с. 45]. Навчання велося по букварю Добровольського, потім переходили до нової абетки графа Толстого, пізніше — до першої книги

Читання Толстого. Статистика свідчить, що 70 % від неписьмених вивчалися читати і писати за 10—12 неділь [24, с. 20—21]. Заняття тривали з 10 до 14 год. Описля в бібліотеці видавали учням книги для домашнього читання. Учебними посібниками та підручниками учні користувалися безкоштовно.

Приймали до школи усіх бажаючих без будь-яких документів та рекомендацій у віці 10 років і старших. Безумовно, відмовляли у вступі тим учням, які навчалися на той час у інших навчальних закладах, бо бажаючих вступити до чоловічої недільної школи було дуже багато.

У 1879 р., за свідченням А. Дідріхсона [11, с. 78], після смерті Нектарія школі було відмовлено в приміщенні, і вона припинила своє існування за неможливістю знайти нове приміщення [25].

Через рік члени Товариства зробили все можливе, щоб відновити роботу чоловічої недільної школи у приміщенні другої щоденної школи. Але школа не проіснувала і півроку, як була знову закрита через нестачу вчителів (треба сказати, що в чоловічих школах для дорослих заборонялося на той час працювати жінкам; чоловіків-учителів було недостатньо).

Діячі Харківського товариства грамотності не залишали думки про чоловічу недільну школу. 5 березня 1889 р. група на чолі з М. Ф. Хуциєвим вирішила відновити роботу чоловічої недільної школи. Цьому передувало просте вирішення проблеми вчительських кадрів: до занять допустили вчителів-жінок. Уже на 1 січня 1890 р. кількість учнів становила 170 чоловік, учителів — 37 чоловік [11, с. 79].

З 1895 р. в школі почали вводити нові предмети: спочатку — креслення [23, с. 48], а з 1906 р. — малювання. У цьому ж році в старших класах ввели читання з російської літератури, історії, бесіди з природознавства, анатомії та фізіології людини, які проводилися викладачами університету.

Кількість учнів у недільній школі постійно зростала і у 1903 р. становила 605 чол. Бюджет же чоловічої недільної школи був недостатнім. Постійне його джерело — це міська субсидія в розмірі 200 крб. на рік (з 1894 р.), тоді як річні витрати становили 400 крб. Недостаточі гроші доводилося поповнювати за рахунок пожертвувань, зборів від спектаклів, лекцій і т. д.

На початку 90-х років XIX ст. відновила діяльність і жіноча недільна школа. 10 січня 1903 р. при ремісничій школі Товариства грамотності членами комітету цієї школи була відкрита жіноча недільна школа, яка мала на меті обслуговувати контингент тільки ремісничої майстерні. Але потік бажаючих навчатися був таким великим, що адміністрація була змушена приймати до недільної школи сторонніх. Одразу ж до школи вступило 60 учениць, яких почали навчати 9 учителів. З кожним роком школа все більше наближалася до типу нормальних недільних шкіл, доступних для всіх бажаючих. Ця школа не мала ніяких постійних доходів, в той час як затрати на її утримання зростали. У 1895 р. школа виклопотала у міської Думи субсидію у розмірі 35 крб. Прийшло на допомогу і правління Тowa-

риства грамотності, асигнувавши із процентів на капітал Ф. С. Карпова 100 крб. [26, с. 89]. З 1903 р. міське управління стало щорічно надавати 100 крб. субсидій, після чого школа могла хоча б в деякій мірі вважатися забезпеченою найнеобхіднішим. На кожну ученицю школа витрачала 78 коп. щорічно [27, с. 91].

Новопавлівські недільні школи — також результат діяльності Харківського товариства грамотності. 12 грудня 1904 р. в приміщенні школи ім. Гаршина на Новопавлівці було відкрито чоловічу недільну школу. Протягом року до неї записалося 133 учні, із них 77 — дорослі, 56 — діти. Розпорядником школи обрали попечителя гаршинської школи П. Ф. Твердохлібова. 26 вересня 1905 р. в тому ж приміщенні почала працювати жіноча недільна школа, в якій на 38 учениць був 21 викладач. Школи ці проіснували недовго: у 1907 р. гурток учителів, що викладали тут, перестав діяти.

Харківське товариство поширення в народі грамотності сприяло створенню недільних шкіл і в своїх повітових відділеннях — 7 комітетах. У сумському, слов'янському, богодухівському, старобільському та охтирському відділеннях діяли недільні школи під безпосереднім керівництвом Харківського товариства [24, с. 39—49].

Якщо в цілому проаналізувати статистичні дані недільних шкіл, можна дійти висновку: процент дорослих у чоловічих школах був значно вищим, ніж у жіночих (відповідно, наприклад, на 1903 р. — 31,4 % і 9,66 %), [27, с. 88], що було зумовлено економічними умовами, а також становищем дівчат і жінок, в обов'язки яких входило виконання всієї домашньої роботи. Становий склад учнів цих шкіл був на користь селян (65—73 %). Проте серед дітей більшість належала до сімей робітників і ремісників. Середній вік школярів становив 11—14 років. І ще дуже цікавий нюанс: жінки і дівчата були більш дисциплінованими, менше пропускали заняття [13].

Таким чином, можна зробити висновок, що історія створення і діяльності недільних шкіл Харківського товариства грамотності досить складна. Школи то відкривалися, то припиняли свою роботу. Не вистачало коштів, приміщень, посібників, учительських кадрів. Всі ці недоліки значно знижували коефіцієнт корисної дії недільних шкіл. Документи свідчать, що керівництво Товариства грамотності завжди приділяло належну увагу цим школам. Неодноразово правління у своїх постановках записувало: «...відкрити при всіх школах недільні школи» [20, с. 7], розуміючи важливість цієї акції для Харкова, де за переписом 1897 р. проживало 173 989 чол., із яких 48 % були неписьменні, а недільних шкіл існувало на той час тільки дві з загальною кількістю учнів 399 чол. [11, с. 84]. Але навіть із тих, хто навчався у недільних школах, продовжували далі навчання лише окремі учні. У більшості учнів не було можливості регулярно відвідувати заняття [28, с. 7]. І все ж незважаючи на всі ці труднощі, недільні школи користувалися неабиякою популярністю серед народу.

Отже, на думку автора, в процесі створення і діяльності недільних шкіл Харківського товариства грамотності прослідковується два етапи. Перший — з 70-х років і до 1900 р. — етап становлення

і найбільшої активності недільних шкіл. Другий етап починається з 1900—1905 рр. і супроводжується поступовим занепадом цих навчальних закладів, або, навіть, їх закриттям (Новопавлівські школи). Причина полягає в тому, що недільні школи перестали задовольняти потреби своїх потенціальних учнів, які вимагали більш високого рівня освіти. В зв'язку з цим у 1905 р. було складено проект створення вечірніх народних університетів, що свідчить про постійні пошуки громадськими діячами нових форм освітньої роботи серед народу.

Список літератури: 1. Абрамов Я. В. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. Сиб., 1900. 2. Драгоманов М. П. Народные школы на Украине. Б. м., 1877. 3. Грінченко Б. Д. Народні вчителі і українська школа. К., 1906. 4. Пирогов Н. И. Избранные педагогические сочинения. М., 1953. 5. Кізченко В. І. Культурно-освітній рівень робітничого класу України напередодні революції 1905—1907 рр. К., 1972; *Ії ж.* Первая российская революция и культурный процесс на Украине. К., 1984. 6. Борисенко В. И. Борьба демократических сил за народную освіту на Україні в 60—90-х роках XIX ст. К., 1980. 7. Жураковский Г. Е. Из истории просвещения в дореволюционной России. М., 1978. 8. Білан В. Т. Недільні школи на Україні (1859—1862): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К., 1967. 9. Элькина Д. Очерки по агитации, пропаганде и внешкольной работе в дореволюционной России. М.; Л., 1930. 10. Багалей Д. И., Миллер Д. П. История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655 по 1905 гг.). Х., 1912. Т. 2. 11. Дидрихсон А. Исторический обзор деятельности Харьковского Общества распространения в народе грамотности (1869—1909). М., 1911. 12. Баллин Н. П. 50 лет моей жизни (Развитие моих социальных стремлений) // Революционная ситуация в России 1859—1861 гг. М., 1970. 13. Отчет о деятельности Харьковского Общества распространения в народе грамотности за 1871 г. Х., 1873; ... за 1891 г. Х., 1892; ... за 1892 г. Х., 1893; ... за 1893 г. Х., 1894; ... за 1894 г. Х., 1895; ... за 1895 г. Х., 1896; ... за 1896 г. Х., 1897; ... за 1897 г. Х., 1898; ... за 1898 г. Х., 1899; ... за 1899 г. Х., 1900; ... за 1900 г. Х., 1902; ... за 1901 г. В 2 т. Х., 1903; ... за 1903 г. Х., 1905; ... за 1907 г. Х., 1909. 14. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Спб., 1899. Т. 54. Таубин Р. Я. Я. Н. Бекман и Харьковско-Киевское тайное общество // Революционная ситуация в России 1859—1861 гг. М., 1963. 16. Фридьева Н. Я. Жизнь для просвещения народа (О деятельности Х. Д. Алчевской). М., 1963. 17. Лемке М. К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов»: По неизвестным документам. Спб., 1908. 18. Баренбаум И. Е. Мемуары Н. П. Баллина и общественное движение в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. // Революционная ситуация в России 1859—1861 гг. М., 1970. 19. Устав Харьковского Общества распространения в народе грамотности. Х., 1869. 20. Отчет о ходе дел Харьковского Общества распространения в народе грамотности за 1877 г. Х., 1878. 21. Отчет о ходе дел Харьковского Общества распространения в народе грамотности за 1878 г. Х., 1880. 22. Двадцатилетие Харьковского Общества распространения в народе грамотности. Х., Б. г. 23. Отчет о деятельности Харьковского Общества распространения в народе грамотности за 1897 г. Х., 1898. 24. Отчет о деятельности Харьковского Общества распространения в народе грамотности за 1892 г. Х., 1893. 25. Документи свідчать: школа припинила свою діяльність ще до 1877 р. У звітах Товариства за 1877 р. ніяких відомостей про неї немає. 26. Деяльність общих собраний і правління Харьковского Общества распространения в народе грамотности за 1899 г. Х., 1900. 27. Отчет о деятельности Харьковского Общества распространения в народе грамотности за 1903 г. Х., 1905. 28. Брандт А. По поводу предполагаемой при Харьковском Обществе распространения в народе грамотности мужской ремесленной школы им. Н. О. Бородаевского. Х., Б. г.

Поступила в редколлегию 10.01.92

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Н. Ф. СУМЦОВА

В год 70-летия со дня смерти талантливого украинского ученого Николая Федоровича Сумцова особенно актуально обращение к его научному наследию.

Академик Сумцов широко известен в научных кругах как этнограф, филолог, литературовед, однако мало кто из неспециалистов знает его как крупного историка, внесшего значительный вклад в развитие исторической науки на Украине, а также смелого педагога-новатора, сумевшего много сделать в системе народного образования в Харьковской губернии.

Педагогические идеи Н. Ф. Сумцова не потеряли своей актуальности и значимости в наши дни: они вполне применимы для решения многочисленных проблем современной средней и высшей школы.

Цель данной статьи — обобщить и проанализировать творческое наследие ученого по педагогике и воспитанию. В рамках статьи не представляется возможным осветить весь комплекс проблем, связанных с педагогическим наследием профессора Сумцова, поэтому ограничимся рассмотрением лишь отдельных вопросов, раскрывающих основы педагогики начальной и средней школы, оставляя тему «Педагогическое наследие Н. Ф. Сумцова в области высшего образования» как объект отдельного исследования.

Н. Ф. Сумцов впитал в себя лучшие достижения передовой педагогической мысли России и Западной Европы. Его наследие по проблемам педагогики состоит более чем из 100 опубликованных работ, среди которых особое место занимают монографии, хрестоматии, учебные пособия для народа по истории и литературе [1], а также многочисленные статьи, опубликованные в конце XIX — начале XX вв. в харьковских газетах «Южный Край» и «Харьковские Ведомости».

Внимание Н. Ф. Сумцова привлекали как практические, так и теоретические вопросы педагогики. В одной из своих работ, развивая идеи известного французского педагога и гуманиста Эдуарда Лабулэ, он дал определение педагогике как науке. По его мнению педагогику можно понимать в широком смысле развития и укрепления нравственно-руководящих начал, т. е. в применении не к одной только школе, а ко всему обществу. «В старое время, воспитание, как и лечение, велось ощупью, без плана и системы. Теперь это уже наука — педагогика, на первое место выдвигается развитие целесообразное, согласное с физическими и химическими законами. Существуют законы не только физические, но и моральные, нужно учиться, чтобы понять их. Наука открывает нам запасы сведений и опыта, накопленного в длинный период цивилизации. Но наука только указывает, нужно собственное усилие и личный труд, чтобы усвоить ее откровения, нужно сознательно принять на себя обязательство расширения завещанного предками духовного наследия» [2]. Ученый

отмечал, что постоянно совершается умственный прогресс. Каждый упрощенный метод, каждый новый способ обучения есть богатство поколений настоящего и будущих. Н. Ф. Сумцов рассматривал развитие педагогической науки в тесной связи с развитием всего общества.

Глубокий историзм ученого проявился при рассмотрении им вопросов истории становления и развития народного образования на Украине. Его не удовлетворяла та система, которая сложилась в России к концу XIX в. в народном образовании. Как и многие другие передовые умы того времени, он искал пути ее изменения и улучшения. Изучив состояние начального, среднего и высшего образования на Украине, познакомившись с положением дел в ряде европейских стран (Германии, Франции) и обобщив свой многолетний педагогический труд, Н. Ф. Сумцов в конце своей жизни в одной из последних монографий изложил историю развития народного образования на Слобожанщине. Он писал в 1918 г., что украинский народ вступает в новую политическую жизнь в период сильного упадка своей культуры, и это особенно ярко отразилось на безграмотности народа, того самого народа, который два с половиной века тому назад до объединения с Москвой, своей образованностью удивлял иностранцев, который для самой России целое столетие поставлял писателей, ученых и искусных мастеров. По переписи 1793 г. на Харьковщине насчитывалось столько же школ, сколько и по переписи 1882 г. (после значительной работы земств по увеличению их числа). Каждое село имело тогда школу. В XVII в. не существовало деления на высшую и среднюю школу, они сливались. В системе высшего образования на Украине особое место занимали Киевский коллегиум и построенный по его образцу в XVIII в. Харьковский. В 1792 г. в Киевском коллегиуме насчитывалось 1 243 ученика, столько же, сколько в Харьковском университете в 1900 г. студентов. Киев поставлял ученых людей на всю территорию России. В Киев ехали учиться молодые люди из Румынии, Сербии, Болгарии [3].

Через 100 лет положение резко изменилось, значительно уменьшилось количество грамотных людей. Так, например, на Волыни в 1897 г. только 17,2 % населения были грамотными [4]. Причиной этому явлению, по мнению Сумцова, стало то, что русифицированная школа была чужой и непонятной для украинских детей. Царизм проводил политику насильственного «обрусения» нерусских национальностей, сознательно задерживая политическое, экономическое и культурное их развитие. Решительно пресекалось открытие светских школ, издание учебников, газет, журналов на родном языке и т. д. В то же время царское правительство насаждало в местах с нерусским населением школы, которые ставили колонизаторско-русификаторские цели.

Основные политические и идеологические установки для школьного дела были сформулированы в 1870 г. реакционным министром народного просвещения Д. А. Толстым. «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно должно быть,— заявлял он,— обрусение их и слияние с рус-

ским народом». Эти русификаторские установки были положены в основу изданных в 1870 г. правил «О мерах к образованию населения России инородцев». Данный документ строго предписывал вести обучения на Украине только на русском языке. Применение «Правил» к народу Украины привело к полному вытеснению практики обучения на родном языке [5].

Угнетение крестьянства и сильное крепостное право уничтожили почти всю низшую школу. Для панства и духовенства создавались отдельные учебные заведения: гимназии, реальные школы, семинарии, учительские институты, университеты. Наука развивалась в верхах общества и одновременно приходила в упадок в народе. В конце XIX — начале XX вв. школа на Украине была бедной и слабой. Основная трагедия, по мнению Н. Ф. Сумцова, состоит в русификаторской политике самодержавия по отношению к народному образованию в национальных районах. «Только теперь в некоторых школах, где преподавание ведется на украинском языке, этот понятный ученикам язык дает новую жизнь полумертвой, замерзшей русифицированной школе», — отмечал ученый в 1918 г. [6]. Действительно, средняя школа на Украине о самой Украине ничего не знала и не интересовалась ею. Украинский язык был в презрении, по истории упоминались лишь имена Богдана Хмельницкого и Мазепы. В высших учебных заведениях только в университете от некоторых наиболее прогрессивных профессоров (Метлинского, Потебни, Лавровского, Редина) можно было услышать об украинской истории.

Тем более знаменательным стало начало чтения Н. Ф. Сумцовым в университете лекций по малороссийской словесности на украинском языке. Ученый всю жизнь шел к этому знаменательному событию. В письме к Б. Д. Гринченко он писал, что собирается начать читать лекции по украинской народной словесности на украинском языке, если этому не помешает университетское начальство, понекому обдумывает, как проводить лекции, чтобы они были интересны и полезны. «Прежде всего нужно дать место общим вопросам по народоведению, родному языку, о тех, кто больше всего работал на этой ниве» [7]. Не обошлось без сомнений, сможет ли читать лекции на языке, хотя и родном, но частично забытом в силу конкретных жизненных обстоятельств. «Учиться никогда не поздно, особенно в таком деле — как родной язык и родительские завещания» [8]. Н. Ф. Сумцов был активным защитником украинского языка. В разгар первой русской революции он выступает в центральной печати с разоблачением реакционной сущности ограничений, довлеющих с 70-х гг. XIX в. над украинским печатным словом [9].

28 сентября 1907 г. состоялась первая его публичная лекция на украинском языке. Студенты и преподаватели историко-филологического факультета Харьковского университета горячо поддержали это начинание. На имя Сумцова поступили приветственные телеграммы со всей страны и из-за границы. Так, например, в письме Украинского землячества Московского коммерческого института сказано: «Это давно была одна из насущных потребностей украинского народа, это — залог дальнейшего успеха и культурного раз-

вения нашего края. Эта первая ласточка украинской науки найдет себе отклик и в других украинских университетах» [10]. А студенты, украинцы Дерптского университета писали по этому поводу: «...самим фактом провозглашения научного предмета украинским языком, Вы поставили его вровень с русским в высшем учебном заведении. Вы показали, что ожидания украинского студенчества, а за ним и всей украинской общественности, — слышать родной язык с высокой университетской кафедры не безосновательны и невозможны, хотя бы и в российских государственных учреждениях, а по доброй воле могут быть осуществлены в современных печальных обстоятельствах. Вы этим еще раз укрепили надежду, что совместными силами украинской общественности и ее честных деятелей начнется скоро новая страница истории возрождения украинского народа» [11]. Действительно, нужно было иметь большое гражданское мужество, чтобы в условиях царской реакции не только помешать изъятию произведений Т. Г. Шевченко из сельских библиотек, но и начать читать публичные лекции в российском университете на украинском языке, находящемся фактически в забвении. Тем самым он нарушил запрет правительства на преподавание на национальном языке, благодаря своей силе воли и научному авторитету сумел противостоять консервативному университетскому началу, за что его причислили к украинофилам и обвинили в национализме [12]. На самом деле Н. Ф. Сумцов не принадлежал к крылу Антоновича, Костомарова, Драгоманова, он придерживался более умеренных взглядов, но тем не менее являлся страстным поборником и защитником родного языка, украинской культуры и истории. Украина с детства вошла в его жизнь и впоследствии стала главной темой творчества ученого. Среди неосуществленных замыслов Н. Ф. Сумцова — публикация его курса малороссийской словестности на украинском языке. По ряду причин ему не удалось осуществить эту идею [13]. Многие его работы, в том числе и эту, не пропустила царская цензура, а рукопись пропала в архивах цензурного ведомства.

Жизнь и общественная деятельность Н. Ф. Сумцова всегда были тесно связаны с народом. Он не был кабинетным ученым. В своей педагогической деятельности ученый прежде всего занимался проблемами, нуждами и чаяниями народа. Изучение Н. Ф. Сумцовым теоретических вопросов педагогики было направлено на решение конкретных задач народного образования. С 1882 по 1922 гг. ученый опубликовал в различных периодических изданиях Харькова, Москвы, Петербурга более 80 статей, посвященных актуальным проблемам народного образования. Его волновали нищенское состояние начальной и средней школы, низкий уровень преподавания в ней и отсутствие во многих школах самых элементарных условий для нормальных занятий, школьных библиотек и даже такой, казалось бы, «мелочи», как сменной обуви для учащихся, а также многие другие злободневные вопросы того времени, которые, к сожалению, остаются актуальными и сегодня. Об этом свидетельствуют не только многочисленные статьи, но и обширная переписка ученого,

По инициативе Н. Ф. Сумцова и под патронатом благотворительного общества

хранящаяся в ЦГИА Украины в Киеве и рукописном отделе библиотеки Академии наук Украины.

С 1887 г. профессор Сумцов являлся членом совета попечителя округа, с 1888 г. — членом уездного училищного совета, с 1902 г. — членом городского училищного совета и попечителем Харьковского приходского училища им. А. С. Пушкина, с 1911 г. — членом Попечительского совета харьковской городской женской гимназии [14]. Членство это не было формальным. Ученый отдавал много времени и энергии улучшению народного образования в Харьковской губернии. Исполняя поручения городского общественного управления, он неоднократно изучал состояние дел в земских и частных школах, отмечая при этом, что «тяжелое впечатление производят те, местами довольно многолюдные школы, где грязь толстым слоем лежит на всей классной обстановке, и от неприветливости голых стен веет холодом равнодушия и небрежности. Учебное дело в таких хмурых школах обыкновенно хромает на обе ноги при самых скромных требованиях. Воспитательная часть также находится в прискорбном небрежении» [15]. В результате тщательного изучения состояния дел в харьковских низших и средних школах Н. Ф. Сумцов пришел к выводу о том, что качество обучения зависит от следующих факторов: материального и санитарного состояния, в котором находится та или иная школа, условий обучения, отношения учителей к своим обязанностям, от того внимания, которое уделяется здоровью и физическому развитию детей, и от многого другого. По его мнению особое место в обучении и воспитании ребенка должна играть личность учителя. Он отмечал, что на собственном опыте понял это, и с благодарностью вспоминал, что на него благотворное влияние оказала семья Погорелко, в частном пансионе которой жил и учился [16], преподаватели второй харьковской гимназии П. Б. Лукьянов, И. Э. Мандельштам, В. Л. Спасский, Н. Ф. Одарченко, стремившиеся передать ученикам все свои знания, применяя при этом прогрессивный по тем временам сравнительный метод обучения. Н. Ф. Сумцов постоянно напоминал, что для преподавания важно серьезное, самостоятельное отношение учителя к учебнику [17].

Одной из проблем дореволюционной школы было соотношение умственного и физического воспитания. Ученый неоднократно разъяснял, что если умственное воспитание в средних учебных заведениях — гимназиях, городских училищах было крупной величиной и гимназия снабжала учеников большим запасом самых разнообразных знаний, то физическое воспитание стояло намного ниже нуля [18]. Поэтому он не раз поднимал в печати вопросы о необходимости серьезного отношения к здоровью детей и предлагал целый ряд мер, направленных на решение этой проблемы. Учитывая бедность и плохие условия жизни многих детей, особенно учащихся низших и средних школ, городских училищ, их слабое из-за этого здоровье, он считал необходимым ввести в школах сменную обувь, закупив ее при этом на средства городских властей [19]. Здоровье детей зависит также и от нормального питания, замечал Н. Ф. Сумцов и предлагал организовать в школах горячие завтраки детей так,

чтобы для наиболее бедных они были бесплатными [20]. Это предложение нашло доброжелательный отклик среди харьковской педагогической общественности.

В условиях начавшейся первой мировой войны в связи с сокращением учебных помещений в школах Харькова была введена вторая смена (по терминологии Сумцова «вторые учебные очереди»), которая отрицательно отразилась на качестве обучения, на здоровье и успеваемости учеников. Этому вопросу Сумцов посвятил специальную статью в газете «Южный Край», в которой предложил сократить урок с 1 ч 15 мин до 45 мин (с того времени уроки в харьковских школах стали длиться 45 мин), временно уменьшить количество изучаемых предметов, ввести дополнительное питание для школьников [21]. Эти меры были приняты городскими властями и значительно улучшили состояние школьного дела в условиях войны.

Большое значение придавал Н. Ф. Сумцов эстетическому воспитанию школьников, видя в этом залог всестороннего развития личности. В дореволюционной школе преподаванию пения, музыки, рисования уделялось незначительное количество часов. Учителя не были заинтересованы в своей работе, получая за нее ничтожно мало. Ученый неоднократно поднимал в печати вопрос о необходимости более тщательного контроля за преподаванием пения и музыки и предлагал оригинальную нетрадиционную форму контроля [22]. Суть такого контроля заключалась в проведении ежегодных сложных ученических концертов, где бы каждый педагог мог отчитаться о проделанной работе перед общественностью города, родителями, попечителями учебных заведений. Подобные испытания ряд лет проводились в помещении Пушкинского училища, попечителем которого являлся Н. Ф. Сумцов, и давали неплохие результаты. Автор этой идеи считал, что «такие концерты имеют большое воспитательное значение... Разумный педагогически-общественный коллективизм ведет к развитию индивидуализма. Сложные ученические концерты — одна из форм такой светлой, радостной и разумной педагогики» [23].

Большой бедой среднего образования в конце XIX — начале XX вв. было почти полное отсутствие в школах ученических библиотек. В итоге дети читали мало или вообще ничего не читали, а это отрицательно сказывалось не только на их знаниях, но и на общем уровне умственного развития.

Во многообразной общественной деятельности профессора Сумцова библиотечное дело занимает особое место. Он был одним из инициаторов и учредителей харьковской общественной библиотеки (ныне библиотека им. В. Г. Короленко), создателем сети народных библиотек в деревнях и селах Харьковской губернии, поэтому его обращение к вопросу школьных библиотек вполне закономерно.

В 1898—1899 гг. он детально изучил состояние школьных ученических библиотек в Харькове и подал в городскую Думу докладную записку, в которой указывал, что «школы без библиотек не могут выполнять лежащих на них учебно-воспитательных задач» [24].

По инициативе Н. Ф. Сумцова и под давлением педагогической общественности города (в лице Х. Д. Алчевской, А. А. Мартыновой, супругов Ефименко и др.) в школах Харькова стали постепенно создаваться и развиваться ученические библиотеки.

Профессору Сумцову удалось, на наш взгляд, многие свои педагогические идеи воплотить в жизнь. Он принял активное участие в разработке проекта сложных училищ [25] и стал попечителем созданного в 1899 г. сложного приходского училища им. А. С. Пушкина. Пушкинская школа объединила 4 городских училища, в 1901 г. в ней было 15 классов, в которых занималось 577 учеников, в основном дети из беднейших слоев населения. Через 10 лет в училище было 19 классов и 1 058 детей. В училище преподавались добавочные к общему курсу предметы: рисование, музыка, пение, гигиена. По инициативе попечителя в училище были созданы музей наглядных пособий и картин, музей детских игр с библиотекой по гигиене, школьный Пушкинский музей, коллекция детских песен и музыкальных пьес, физический кабинет, учительская и ученическая библиотеки, медицинский кабинет, училищная аптека, столовая с горячими завтраками, четвертый дополнительный класс, вспомогательный класс для слабоуспевающих учеников, рукодельная мастерская на 120 учениц, введена запасная школьная обувь [26]. К 1911 г. обучение в этом училище стало бесплатным. Со всего города в Пушкинскую школу потянулось много новых детей из бедных семей. Важным педагогическим достижением Н. Ф. Сумцова стало открытие в Пушкинском училище в сентябре 1911 г. вспомогательного класса для малоспособных учеников. Изучив мангеймскую систему обучения таких детей, разработанную в Германии, он внедрил ее в своем училище. Учреждение такого вспомогательного класса рассчитывалось на развитие физических и умственных сил детей [27] и не замедлило дать вскоре хорошие результаты.

Еще одним новшеством для педагогической науки в Слободской Украине стало открытие в Пушкинской школе ремесленных и рукодельных мастерских для учащихся мужского и женского отделений. Это давало возможность детям из беднейших слоев получать бесплатно помимо общеобразовательной еще и профессиональную подготовку.

Подводя итоги, необходимо отметить, что педагогическое наследие профессора Сумцова, несмотря на кажущуюся фрагментарность, в действительности представляет собой целостную систему взглядов по проблемам народного образования. Ученый внес много новых идей в систему воспитания и образования, применил на практике последние по тем временам достижения западноевропейской и российской педагогической мысли. Наследие Н. Ф. Сумцова по проблемам педагогики может быть правильно понято и оценено только с учетом тех конкретных исторических условий, в которых оно создавалось.

Список литературы: 1. Сумцов Н. Ф. Новейшая поэзия как образовательное средство для крестьян. Х., 1883; *Хрестоматія по українській літературі для народних вчителів, шкіл учительських та середніх, для самоосвіти*. Х., 1918. 2. Сум-

цов Н. Ф. Эдуард Лабулэ и Жюль Мишле, как педагоги и друзья детей. Х., 1897. С. 5—6. 3. Сумцов Н. Ф. Слобожане. Исторично-етнографічна розвідка. Х., 1918. 4. Там же. С. 181. 5. Константинов Н. А., Медынский Е. Н., Шibaева М. Ф. История педагогики. М., 1982. С. 269—270. 6. Сумцов Н. Ф., Слобожане. С. 184. 7. Рукописный отдел библиотеки Академии наук УССР (РО БАН УССР). Письмо Н. Ф. Сумцова к Б. Д. Гринченко. 8. Там же. 9. Сумцов Н. Ф. Малорусская цензура // Русские ведомости. 1905. 17 марта. 10. ЦГИА УССР. Ф. 2052, оп. 1, ед. хр. 27. 11. ЦГИА УССР. Ф. 2052, оп. 1, ед. хр. 29. 12. ЦГИА УССР. Ф. 2052, оп. 1, ед. хр. 138. 13. РО БАН УССР. Письмо Н. Ф. Сумцова к Б. Д. Гринченко. 14. Биографический словарь профессоров Харьковского университета. С. 105. 15. Сумцов Н. Ф. Из школьной жизни. 16. Сумцов Н. Ф. Из гимназических воспоминаний // Русская школа. 1905. № 3. С. 3. 17. Там же. С. 4. 18. Там же. С. 7. 19. Сумцов Н. Ф. Запасные школьные башмаки // Южный край. 1904. № 8036. 20. Сумцов Н. Ф. Об ученических завтраках // Харьковские ведомости. 1895. № 244. 21. Сумцов Н. Ф. Вторые учебные очереди // Южный край. 1914. № 12227. 22. Сумцов Н. Ф. Сложный ученический концерт // Южный край. 1914. № 11981. 23. Там же. 24. Сумцов Н. Ф. В Харьковскую городскую управу об ученических библиотеках при городских приходских училищах. Докладная записка. Х., 1899. С. 1. 25. Сумцов Н. Ф. Сложная школа // Южный край. 1911. № 10464. 26. Сумцов Н. Ф. Десятилетие Пушкинского училища // Южный край. 1911. № 10464. 27. Сумцов Н. Ф. Отсталые дети // Южный край. № 10292.

Поступила в редколлегию 29.01.92

В. В. ЛАНТУХ, канд. ист. наук

ТОРГОВЛЯ НА УКРАИНЕ В 1921—1932 гг. (ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)

После революции, в ходе гражданской войны и сразу после ее окончания партия большевиков, будучи правящей партией, стала воплощать в практической деятельности все то, что предусматривала марксистская теория социализма, в частности прямой товарообмен между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством. Неудача товарообменных операций и складывавшийся внутренний рынок в комплексе с другими политическими и экономическими факторами вынудили обратить взоры к торговле, которая В. И. Лениным и Коммунистической партией прежде рассматривалась как атрибут капиталистического хозяйства. В 1921 г. основным рычагом построения социалистического общества была провозглашена новая экономическая политика, дававшая известный простор хозяйственной инициативе, допускавшая частнокапиталистические элементы в экономике страны. Развитие различных форм и видов кооперации должно было, по мысли В. И. Ленина, привести к утверждению строя «цивилизованных кооператоров».

Кооперативная торговля, имея со стороны государства режим наибольшего благоприятствования прежде всего в кредитной (товарами и деньгами) и налоговой политике, должна была в ходе экономического соревнования с частной торговлей вытеснить ее и стать основным видом торговли. Государственной торговле при этом отводилась роль подспорья кооперативной торговли.

Автор данной статьи попытался выявить степень изученности проблемы возрождения частной торговли со времени ее официального допущения как явления социально-экономической жизни до

окончательного вытеснения, становления и развития кооперативной и государственной торговли на Украине.

Торговля была важнейшим составным элементом новой экономической политики, которая осуществлялась в 1921—1928 гг. Нэп, будучи чрезвычайно важным и интересным периодом в истории Советского государства, привлекал большое внимание исследователей на разных этапах развития исторической науки. В итоге сложилась обширная историография по нэпу как проблеме в целом. Как правило, даже в работах общего характера есть упоминания о торговле вообще или о месте частной торговли в становлении товарооборота. В статье мы рассмотрим лишь те работы, которые в большей степени отвечают объявленной теме, а также статьи, имеющие непосредственное к ней отношение.

Традиционно выделяют три периода в развитии исторической науки в советское время: I период — до середины 30-х гг., когда оформился культ личности Сталина; II период — до XX съезда КПСС, когда в стране были массовые репрессии, а обществом правил страх; III период — после XX съезда КПСС, осудившего этот культ и положившего начало демократизации отдельных сторон жизни общества. Однако периодизация такого рода чрезвычайно общая. Она скрадывает множество таких существенных моментов в историографии нэпа, без которых трудно составить сколь-нибудь ясное представление о пройденном пути. Чтобы выявить эти моменты и дать им объективную оценку, необходимо дополнить общую периодизацию более дробной, выделив внутри крупных периодов более мелкие этапы. В первом периоде явно выделяется этап до 1929 г., когда произошел отказ от основных принципов нэпа и в стране сложилась иная не только экономическая, но и морально-политическая ситуация. А в третьем периоде следует выделить время с 1985 г. — начального рубежа перестройки, приведшей, в конечном счете, к падению тоталитарной системы, распаду СССР и оформлению самостоятельных государств, в том числе и республики Украина.

Изучение процессов развития торговли на Украине было начато еще в 20-х гг. В сборниках, журналах и газетах публиковались многочисленные статьи, посвященные либо всей проблеме, либо конкретным ее аспектам. Авторами их были экономисты, практические работники, руководящие деятели Наркомторга, Наркомфина, ЦСУ, Госплана, УСНХ. Статьи эти носили, как правило, обзорный характер или выражали позицию автора по конкретному вопросу состояния и развития товарооборота на Украине.

В марте 1923 г. в республике была проведена торговая перепись, по итогам которой в 1924 г. издан сборник статей под общим названием «Торговля Украины в 1923 г.». Их авторы (в основном работники Госплана УССР) — Л. Г. Шанин, И. И. Беленкин и др. Л. Г. Шанин в своей статье показал необходимость и значимость Комвнторга как регулятора большой практической работы в области торговли. А И. И. Беленкин, анализируя материалы торговой переписи, рассмотрел городскую торговлю, удельный вес государ-

ственной, кооперативной и частной торговли в оптовом и розничном звене. При этом отмечалось, что Киевская и Харьковская губернии были главными торговыми центрами Украины, их обороты составили тогда 3/5 всего оборота городской торговли республики. Обращаясь к составу лиц, занятых в торговых заведениях, этот автор сообщил, что большинство частных торговцев были ими и прежде [1].

Можно сказать, что перепись 1923 г. дала пищу для размышлений, основание и одновременно толчок для начала исследования процессов, происходивших в торговле и вокруг нее. Статьи, появившиеся до результатов переписи носили исключительно публицистический характер, а их авторы, как, например, С. Жилкин, делали непереносимую оговорку, что «охватить всю торговлю Украины сейчас трудно, так как нет многих данных» [2, с. 41].

В специализированных союзных («Советская торговля», «Плановое хозяйство»), и республиканских («Хозяйство Украины», «Українська кооперація», «Кооперативний бюллетень Вукопспилки») журналах в 20-х — начале 30-х гг. появилось большое количество статей, имевших прямое (непосредственное) или опосредственное отношение к выяснению различных аспектов многоплановой проблемы, каковой является торговля. Следует отметить, что такого всплеска интереса к вопросам организации товарооборота мы уже не увидим в последующие периоды существования Советского государства. Это, как нам представляется, объяснялось важностью и новизной проблемы. Публикации были призваны иметь еще и прикладной характер, т. е., указывая на достижения и недостатки в решении этой проблемы, намечать пути преодоления ошибок роста обобщественной торговли, что объяснялось социально-политической атмосферой 20-х гг. Например, статья К. Воблого содержала интересные сведения по истории ярмарочного торгова на Украине, в ней анализировалась работа крупнейших ярмарок в условиях нэпа, прогнозировалось будущее ярмарочной системы. А статьи Ф. Матвеевко — Горнега и В. Орлика пытались показать значение ярмарок в культурно-хозяйственной жизни в конкретном районе республики — Полтавщине. В частности, наряду с рекомендациями по достижению наибольшего эффекта в товарообороте авторы этих статей давали организаторам ярмарок советы по устройству выставок, чтению лекций и распространению соответствующей литературы [3].

Предпринимались попытки исследования места и роли частной торговли в товарообороте Украины в статьях П. Коломойцева, П. Червинского, Б. Сигала, А. Звоницкого [4]. Эти авторы, отмечая довольно большой масштаб развития частной торговли, не идеализируя частника, показывали его преимущества в сравнении с практикой кооперативной и государственной торговли — лучшее качество обслуживания, быстрота оборота и т. п. Они стремились объективно выявить причины свертывания частной торговли, на первое место ставя удушение частника налогами и соответствующей кредитной политикой государства. Главные причины закрытия

частных торговых предприятий дополнялись другими факторами: конкуренцией со стороны обобщественной торговли и т. д.

Значительное место среди журнальных публикаций того времени занимают статьи, посвященные кооперативной торговле, призванной стать основным видом торговли в новом обществе. Это статьи В. Целлариуса, Ф. Свищева, М. Ямпольского, А. Гречка [5]. Выходили также статьи, авторы которых делали предметом своего рассмотрения какую-либо конкретную узкую проблему кооперативной торговли. Например, проблему качества обслуживания потребителей и связанную с ней целую обойму таких вопросов, как ассортимент, качество товаров, рационализация торгового дела, хищения и растраты и т. п. В этом плане нужно отметить статьи А. Генкина, М. Строгова, М. Попова [6]. Небольшие по объему, написанные на злобу дня, они указывали на конкретную проблему, без решения которой тормозилось все развитие торговли.

Активно разрабатывались вопросы налоговой, кредитной и ценовой политики, имевшие самое непосредственное отношение к развитию всех видов торговли — как обобщественной, так и частной. Это работы П. Гензеля, И. Борисова, В. Канторовича и Н. Марголина, С. Струмилина [7]. Несмотря на то, что указанные авторы оперировали данными, относящимися ко всей стране, они прослеживают общую линию государства в вопросах коммерции, отмечая налоговотворчество местных властей, в том числе и на Украине, которые стремились решать проблемы местного бюджета за счет частного капитала.

Для нарождавшейся системы обобщественной торговли нужны были кадры специалистов различной квалификации. В «Кооперативном бюллетене Вукопспилки» практически в каждом номере помещались публикации различного уровня (краткие отчеты о работе курсов, техникумов и институтов, заметки и обзорные статьи о характере кооперативного образования и т. п.), посвященные вопросам подготовки кадров. Среди таких публикаций можно выделить статьи М. Токаревского, Л. Зимона, В. Гангеля [8]. Однако они не позволяют судить о том, какая же система (в смысле ее ступенчатости) подготовки кадров для торговли сложилась и каковы были ее результаты.

Свертывание нэпа, изменение государственной политики в отношении к частному капиталу, приведшие к изменению социально-политической и экономической ситуации в стране, отразились на количестве и качестве публикаций по исследуемой теме. Обращение ЦК ВКП(б) от 12 мая 1931 г. о развитии потребкооперации ввело в оборот термин «советская торговля», получивший с того времени постоянную прописку и обязательное употребление применительно к кооперативной и государственной торговле. Вышла даже отдельная статья В. Нодея, претендовавшая на определение сущности советской торговли, где, например, плохое качество обслуживания потребителей объяснялось только несоветскими методами торговли, а в хищениях и растратах, в соответствии с духом того времени, виделись козни империалистов, деятельность остат-

ков капиталистических классов [9]. С таким и подобным подходом были написаны статьи Г. Неймана, Л. Гатовского, работы Е. Громыко и Н. Рязова, С. Горелика и А. Малкиса, где говорится лишь о значительных успехах в организации и развертывании товарооборота к концу первой пятилетки [10]. В них материал подается без всякой увязки с политическим и экономическим кризисом, связанным с отказом от принципов нэпа, попытками организации рыночной экономики и переходом к директивной экономике, что сразу ознаменовалось хлебозаготовительным кризисом, вызвавшим к жизни карточную систему, когда торговля превратилась в распределителя скудных товарных ресурсов.

Несомненной заслугой авторов данного периода было то, что в своих статьях они указывали на необходимость становления обобществленной торговли в ходе и итоге ее экономического соревнования с частной торговлей, пытались отмечать не только отрицательные, но и положительные стороны в деятельности частного капитала

С середины 30-х гг. практически не публикуются статьи, имеющие отношение к данной теме. А в тех статьях, что вышли в сборнике «Советская торговля за 30 лет», рассматривалось развитие торговли в стране лишь под углом зрения борьбы с непрекращающимися кознями частного капитала. В них содержались бездоказательные утверждения о преимуществе государственной и кооперативной торговли уже на заре своего формирования, причем указывалось, что первая более быстро доводила товары от производства к потребителю, а это не отвечало действительности [11].

После XX съезда партии в обстановке подъема общественных наук интенсивно изучался вопрос о государственном капитализме, одним из структурных элементов которого было функционирование частного капитала. Этой проблеме было посвящено большое количество монографических работ и статей [12]. Все эти публикации показали необходимость тщательного и всестороннего дальнейшего анализа проблемы нэпа и его этапов [13].

По сути первой попыткой исследования вопросов торговой политики Советского государства после окончания гражданской войны была монография В. П. Дмитренко [14]. В ней довольно обстоятельно показано, что организация торговли являлась одной из центральных проблем нэпа, рассмотрены организация товарооборота в стране, становление государственной и кооперативной торговли, а также процесс разработки методов ограничения и вытеснения частной торговли. В силу широкого круга вопросов, поднятых автором, его научный интерес сосредоточился на относительно небольшом периоде: 1921—1924 гг. В основу монографии положены материалы, отражавшие процессы экономического развития страны в целом. Однако наряду с общесоюзным привлечен и материал по отдельным республикам, в том числе и по Украине, что позволило В. П. Дмитренко вскрыть как общие тенденции развития торговли, так и ее особенности в тех или иных районах страны.

Политика Коммунистической партии и Советского государства

по отношению к частному капиталу в торговле и в промышленности освещалась в ряде работ данного периода. Среди них выделяются труды В. А. Архипова и Л. Ф. Морозова, И. Я. Трифонова, где отмечен разнообразный арсенал экономических методов и административных средств, применявшийся в борьбе с частным капиталом с целью его ограничения и вытеснения на различных этапах осуществления нэпа. Анализ поднятых вопросов, сделанный этими авторами, стал заметной верховой в историографии нэпа [15]. Необходимо отметить и другие публикации, в которых рассматриваются политика цен, а также налоговая и кредитная политика как рычаги регулирования частной торговли [16].

Новый этап в развитии советского общества, начавшийся в 1985 г. и ознаменовавшийся значительным расширением демократии и гласности, вызвал необходимость в тщательном переосмыслении пройденного нашим народом исторического пути. Особый интерес у исследователей по-прежнему вызывает нэп, комплексное изучение всех составляющих его элементов. Об этом, в частности, говорили участники «круглого стола», организованного в 1988 г. журналом «Вопросы истории» и проходившего под общим девизом: «Советский Союз в 20-е годы» [17].

Необходимо отметить публикацию в 1991 г. статьи В. П. Дмитренко, в которой он намечает четыре измерения нэпа. Автор обращает внимание на то, что эффективность государственной и кооперативной торговли в годы нэпа зачастую оценивалась не по полноте удовлетворения потребностей населения, а по степени вытеснения частной торговли [18]. В статье В. П. Дмитренко представлено принципиально новое видение истории нэпа. Автор отмечает, что если придерживаться законов нэповской экономики, то они неумолимо подводили к заключительной черте советского социалистического «эксперимента», а если придерживаться логики самого этого «эксперимента», то нэп должен быть снят, что и было осуществлено в конечном счете. Нэповская альтернатива, менее социально защищенная, уступила, открыв дорогу для командной экономики.

Делая вывод о степени изученности исследуемой проблемы в исторической литературе, нужно отметить прежде всего то, что история становления и развития государственной и кооперативной торговли на Украине до настоящего времени не подвергалась специальному монографическому исследованию. Непосредственное отношение к данной теме имели статьи, выходявшие лишь в 20-х — начале 30-х гг. Небольшие по объему, написанные, как правило, на злобу дня, они поднимали ряд больших вопросов в организации товарооборота, в частности такие, как качество обслуживания, раскраты и кражи, организация труда, его оплата и т. д.

Сегодня изучение процессов, связанных с формированием различных форм торговли в республике, имеет научный и практический интерес. Наша республика делает первые шаги к рыночной экономике, которая предполагает самое широкое применение частной инициативы во всех сферах социально-экономической жизни,

в том числе и торговле. В этом плане обращение к опыту периода нэпа отвечает насущным задачам как самой исторической науки, так и всего нашего общества. Использование частной торговли в налаживании товарооборота, налоговая и кредитная политика государственных органов по развитию, затем ограничению и вытеснению частного капитала, функционирование кооперативной и государственной торговли — все это довольно отчетливо характеризует зигзагообразное развитие всей торговли в стране в 20-х гг., как и в целом всей экономики. Это было время нерешительных попыток создания регулируемой государством рыночной экономики. Анализируя различные группы источников, прежде всего архивные документы и статистические материалы, исследователи должны показать попытку товарообменных операций, предпринимавшихся в 1921 г., неудача которых способствовала возрождению торговли; осветить роль ярмарок и бирж в налаживании товарооборота в республике; проанализировать процесс становления и развития обществственной торговли на Украине с ее болезнями роста, роль частного капитала, выделяя как отрицательные, так и положительные стороны его деятельности, а также множество других вопросов, имеющих непосредственное отношение к поставленной проблеме.

Список литературы: 1. Шанин Л. Г. Основные вопросы торговой политики // Торговля Украины в 1923 г. К., 1924. С. 3—22; Свищев Ф. И. Положение госторговли на Украине к концу 1923 г. // Там же. С. 23—76; Беленкин И. И. Торговля в городах Украины // Там же. С. 77—108; Беркаш В. С. Хлебная торговля Украины 1923/24 года и ее организационные проблемы // Там же. С. 137—150. 2. Жиликин С. Торговля Украины // Хозяйство Харьковщины. 1923. № 4—5. С. 41—46. 3. Воблый К. Г. Украинские ярмарки. По биржевым данным за 1925—26 хозяйственный год. Х., 1927. С. 147—157; Матвеевко-Горнега Ф. Значение ярмарок в культурно-хозяйственной жизни Полтавщины // Хозяйство Полтавщины. 1923. № 13. С. 54—60; Орлик В. Полтавская Ильинская ярмарка (ее прошлое, условия развития и обороты). Полтава, 1925. 51 с. 4. Коломойцев П. И. На путях к обществственной торговле // Хозяйство Украины. 1927. № 10. С. 17—25; Червинский П. Г. Частный капитал в товарообороте Украины // Торговля Украины. По биржевым данным за 1925—26 хоз. год. Х., 1927. С. 157—184; Сигал Б. Частный торговый капитал на Украине // Сов. торговля. 1929. № 2. С. 6—8; Звоницкий А. Свертывание частной торговли // Господарство Украины. 1929. № 5. С. 32—44. 5. Целлариус В. Кооперативная торговля на Украине к концу 1923 г. // Торговля Украины в 1923 г. К., 1924. С. 109—127; Ямпольский М. Этапы и достижения потребкооперации на Украине за 10 лет // Кооперативне будівництво. 1927. № 21. С. 14—25; Гречка А. Торговельна сітка сільської споживчої кооперації на Україні // Кооперативне будівництво. 1929. № 11—12. С. 15—20. 6. Свищев Ф. Развитие торговли Украины в связи с качеством обслуживания ею населения // План. хозяйство. 1929. № 6. С. 241—252; Генкин А. Вопросы рационализации в системе потребительской кооперации // Кооперативне будівництво. 1927. № 18. С. 3—7; Строев М. На шляхах до культурної торгівлі (нове в раціоналізації торгової техніки робкопів) // Кооперативне будівництво. 1928. № 16. С. 27—30; Попов М. За качество работы, за культурное обслуживание потребителя // Кооперативне будівництво. 1928. № 10. С. 4—8. 7. Гензель П. П. Система налогов Советской России. М.; Л., 1924. 86 с.; Борисов И. Г. Цены и торговая политика. М., 1925. 233 с.; Канторович В., Марголин Н. Издержки обращения в народном хозяйстве СССР за 15 лет // Сов. торговля. 1933. № 2. С. 40—72; Струмилин С. Г. О судьбах частного капитала в СССР // План. хозяйство. 1926. № 9. С. 7—32. 8. Токаревский М. Подготовка работников кооперации (технікуми чи курси?) // Кооперативний бюлетень Вукопспіла

ки. 1924. № 20. С. 12—14; *Зимон Л.* О кооперативном просвещении и о просвещенных кооператорах // Кооперативный бюллетень Вукопспілки. 1924. № 39. С. 21—22; *Гангель В.* Сучасний стан Київського кооперативного технікуму та ближчі перспективи його розвитку // Кооперативний бюллетень Вукопспілки. 1926. № 10. С. 39—41. 9. *Нодель В.* О существе советской торговли // Сов. торговля. 1933. № 2. С. 1—22. 10. *Нейман Г.* Советская торговля на различных этапах развития народного хозяйства // План. хозяйство. 1932. № 6—7. С. 93—131; *Гатовский Л.* О развернутой советской торговле // За развернутой советскую торговлю: Сб. статей. М., 1932. С. 5—48; *Громыко Е. В., Рязунов Н. И.* Советская торговля за 15 лет: Статистико-экономический сборник. М., 1932. 110 с.; *Горелик С. М., Малкис А. И.* Советская торговля. Л., 1933. 175 с. 11. *Кистанов Я. А.* Торговля в восстановительный период // Советская торговля за 30 лет. М., 1947. С. 31—53; *Гоголь Б. М.* Советская торговля в годы сталинских пятилеток // Там же. С. 54—116; 12. *Левин А. Я.* Социально-экономические уклады в СССР в переходный период от капитализма к социализму. М., 1967; *Захарова М. В.* Использование переходных экономических форм в строительстве социализма. Л., 1971; *Сергеев И. И.* Ленинское учение о государственном капитализме и использование его основных приемов и форм в первые годы нэпа. Саратов, 1974; *Волбуев П. В., Дробижев В. З.* Из истории госкапитализма в начальный период социалистического строительства в СССР // Вопр. истории. 1957. № 9; и др. 13. *Ленинское учение о нэпе и его международное значение.* М., 1973; *Поляков Ю. А., Дмитренко В. П., Шербань Н. В.* Новая экономическая политика. Разработка и осуществление. М., 1982; и др. 14. *Дмитренко В. П.* Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. 1921—1924 гг. М., 1971. 15. *Архипов В. А., Морозов Л. Ф.* Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 20-е — начало 30-х гг. М., 1978; *Трифонов И. Я.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975; 16. *Малафеев А. Н.* История ценообразования в СССР (1917—1963 гг.). М., 1964; *Марьяхин Г. Л.* Очерки истории налогов с населения СССР. М., 1964; *Галь И. М.* Развитие кредитных отношений в переходный период от капитализма к социализму (1921—1929). К., 1968; *Кучер А. Е.* Ограничение и вытеснение непманской буржуазии из промышленности и торговли Украинской ССР // Вопр. истории СССР. 1987. № 32. 17. «Круглый стол». Советский Союз в 20-е годы // Вопр. истории. 1988. № 9. 18. *Дмитренко В. П.* Четыре измерения нэпа // Вопр. истории КПСС. 1991. № 3. С. 125—138.

Поступила в редколлегию 12.01.92

С. Е. ЄВСЄЄВ

ВИРОБНИЧА ДІЯЛЬНІСТЬ ПРАЦІВНИКІВ АВТОМОБІЛЬНОГО ТРАНСПОРТУ УКРАЇНИ В 1969—1988 рр.

Автомобільний транспорт займає значне місце серед галузей, які найбільше впливають на господарство України. Від його роботи залежать функціонування економіки в цілому, вирішення багатьох питань соціального плану.

На фактах з виробничої діяльності автомобілістів більш чітко, ніж на прикладах з багатьох інших галузей, просліджуються негативні наслідки адміністративно-командної системи господарювання. Без засвоєння її уроків у сфері організації праці годі сподіватись на виправлення сучасного становища на виробництві.

Найбільш доцільно з огляду на це розглянути автотранспорт загального користування, що підлягав республіканському Міністерству автомобільного транспорту, яке в 1969 р. було виділено як окреме з Міністерства автомобільного транспорту і шосейних доріг

і існувало до 1988 р., коли увійшло як складова частина в структуру Міністерства транспорту України. Решта автомобілів було розкидано по численних відомствах і підпорядковано різним організаціям.

Окремі аспекти виробничої діяльності працівників автомобільного транспорту частково відображено у фундаментальних працях істориків [8—10], але досліджень конкретно по даній темі і у визначений період не проводилося. Багатий фактичний матеріал містять в собі науково-популярні брошури і статті інженерів, керівників галузі [2—5; 12—13], але їх автори перш за все розглядають технічний стан транспорту, не приділяючи належної уваги умовам праці трударів. Взагалі, в цій літературі значною мірою перебільшуються досягнення, а висвітлення лише окремих негативних явищ у сфері виробничої діяльності автомобілістів неминуче приводить до помилкових і занадто оптимістичних висновків.

Автор даної статті, використовуючи переважно архівні матеріали, що вперше вводяться в науковий обіг, робить спробу розглянути виробничу діяльність працівників автомобільного транспорту України. При цьому буде звернено увагу до питання умов праці, що склалися в галузі в 1969—1988 рр.

Міністерство автомобільного транспорту України в розглядуваний період являло собою багатогалузеве господарство, до складу якого входили тисячі госпрозрахункових підприємств і організацій, учбових закладів [1, 1976, № 3, с. 3]. В 1969 р. тут працювало 421 218 чол., в тому числі водіїв — 224 644 чол., робітників — 62 184 чол. [20, ф. 4949, оп. 12, од. зб. 604, арк. 24]. Таким чином, ті, хто виконував безпосередньо виробничі завдання і заробляв кошти на утримання апарату управління, становили 68,1 % від усіх працівників галузі.

Автомобілісти в розглядаємий період в основному забезпечували потреби України у перевезеннях. Надзвичайно важливою була роль автотранспорту в постачанні сільськогосподарської продукції. Так, протягом 1976—1980 рр. було перевезено більше 177 млн т сільськогосподарських вантажів, в тому числі більше 27 млн т зерна [21, ф. 4949, оп. 12, од. зб. 1800, арк. 3].

За роки десятої п'ятирічки автобусами було перевезено 60,1 % пасажирів, тобто більше, ніж усіма видами транспорту разом узятими [3, с. 11]. Уявлення про обсяг роботи автомобільного транспорту загального користування України в цей час можемо мати з даних табл. 1 [8, с. 188; 14, с. 391] (Дані по вантажному транспорту всього господарства України).

Протягом усього розглядаемого періоду підприємства автотранспорту, згідно звітів, виконували і перевиконували планові п'ятирічні завдання [20, ф. 4949, оп. 12, од. зб. 678, арк. 2; од. зб. 1116 арк. 4; 21, ф. 4949, оп. 12, од. зб. 1800, арк. 3], не зважаючи на те, що їм доводилось працювати в складних умовах існуючої в той час чиновницько-бюрократичної системи, яка здійснювала керівництво головним чином шляхом наповнення потоку паперів все новими розпорядженнями, директивами та вказівками. Так,

наприклад, щороку міністерство виробляло лише з загальних питань від трьохсот до чотирьохсот наказів [підраховано за даними: 20, ф. 4949, оп. 12], тобто більше, ніж робочих днів у році. Крім того, вироблялись всякого роду керівні вказівки Колегії міністерства, інструкції та директиви партійних органів, місцевого радянського керівництва і т. ін. Основні положення документів в багатьох випадках за змістом дублювали одне одного. Їх велика кількість робила практично неможливим виконання всіх поставлених завдань.

Таблиця 1

Вид перевезень	1970	1975	1980	1985	1988
Вантажні, млрд. т-км	41,6	55,2	70,1	71,8	75,4
Пасажирські (автобуси), млрд пас.-км	46,6	69,1	81,7	86,7	90,4

Неухильне збільшення потреб господарства і населення України в перевезеннях вимагало постійного збільшення кількості рухомого складу на автомобільному транспорті загального користування. Зазначимо, що автомобільний парк галузі зростав. Про це свідчить табл. 2 [17, с. 85, 87].

Таблиця 2

Вид рухомого складу	1970	1980	1985	1988
Вантажні автомобілі, од.	98 917	105 441	106 449	106 695
Автобуси, од.	39 503	55 752	57 199	57 542

Але все більше ставало машин, які пройшли амортизаційний термін, вичерпали свій технічний ресурс і за нормами підлягали списанню. В 1969 р. таких автомобілів з вантажних було 50 %, з легкових — 19,2 % [20, ф. 4949, оп. 12, од. зб. 678, арк. 29], і з кожним роком становище погіршувалося. Слід також зауважити, що нові марки вантажних автомобілів, таких як КамАз, автобусів іноземного виробництва — Ікарус, з хорошими технічними можливостями, експлуатувались неефективно. Це було пов'язано з невідповідністю інженерів, водіїв і ремонтників до роботи з більш складними конструкціями агрегатів і систем нових автомобілів. До цього додавались перебої з паливом і запчастинами [19, ф. 2, оп. 1, од. зб. 667, арк. 72], і таких прикладів по Україні безліч.

Таким чином, автомобілістам доводилось виконувати плани, які не були забезпеченими матеріальними і технічними ресурсами. Аналізуючи стан організації праці на автопідприємствах, слід

підкреслити, що тут швидко зростала кількість наднормових і надурочних робіт.

Так, в Севастопольському АТП-1176, водій В. Г. Миронов працював на лінії в лютому 1980 р. 247 годин замість 192, а В. О. Корнишев 238 годин, причому 11 днів — без вихідних [18, ф. Р-4384, оп. 1, од. зб. 1107, арк. 8—9]. Особливо грубими були порушення щодо режиму праці неповнолітніх та жінок в Алуштинському АТП-11132. Тут підлітки працювали більше 7 годин, а жінки-водії — на автобусах, на яких згідно законодавства їм було працювати заборонено [18, ф. Р-3010, оп. 3, од. зб. 44, арк. 25]. За 1980 р. навіть після скорочення на 1,5 % в порівнянні з попереднім роком, рівень наднормових робіт в середньому на 1 водія на автопідприємствах Кримської області складав 283 години [18, ф. Р-3010, оп. 3, од. зб. 261, арк. 35].

З року в рік зростала кількість наднормових робіт на автопідприємствах Харківської області. За 9 місяців 1981 р. їх кількість становила 3 млн 58 тис. годин [19, ф. 2, оп. 1, од. зб. 391, арк. 7], в 1983 р. — 4 млн 217 тис. годин, в 1984 р. — 5 млн 12 тис. годин [19, ф. 2 оп. 1, од. зб. 510, арк. 8], в 1987 р. — 6 млн годин, що на одного водія в цілому по галузі становило 200 годин [19, ф. 2, оп. 1, од. зб. 667, арк. 17], в 1988 р. — 220 годин [19, ф. 2, оп. 1, од. зб. 667, арк. 18], а на деяких підприємствах області — до 640 при дозволеніх 120 годинах [19, ф. 2, оп. 1, од. зб. 679, арк. 44]. В той же час щорічно зростали невиробничі втрати, але плани збільшувались, і з початку 80-х років міністерством у завдання підприємствам було закладено понаднормову працю [19, ф. 2, оп. 1, од. зб. 579, арк. 45].

Ці факти дають змогу зробити висновок про те, що втрати виробництва, викликані незадовільним станом машин, свої помилки в організації праці керівництво намагалось надолужити надмірним застосуванням наднормових і надурочних робіт для трударів автотранспорту. Це було грубим порушенням існуючого законодавства.

Незадовільний технічний стан парку машин, понаднормові роботи, що вели до значного перевтомлення, були причинами частих випадків виробничого травматизму. Так, тільки за 1980 р. на автотранспорті загального користування загинуло 103 робітника і 362 були тяжко травмовані з переведенням на інвалідність. Втрати через травмування працівників за цей рік були рівноцінними невиходу щоденно на роботу 236 чол. [21, ф. 4949, оп. 12, од. зб. 1800, арк. 53]. В 1986 р. всього було травмовано 1949 чол., з них 76 — загинули [21, ф. 4949, оп. 12, од. зб. 2580, арк. 10].

Такі важкі умови праці треба було компенсувати хоча б задовільненням соціальних потреб трударів. Але й ці питання вирішувались незадовільно. Так, наприклад, в 1969—1971 рр. забезпеченість молодих спеціалістів, працюючих на підприємствах автотранспорту України, житлом, включаючи гуртожитки, становила жалюгідну цифру 12,5 % [20, ф. 4949, оп. 12, од. зб. 766, арк. 24]. З роками становище погіршувалось. Наприклад, в 1986 р. деякі

сім'ї автомобілістів Харківської області чекали на квартиру вже більше 20 років [19, ф. 2, оп. 1, од. зб. 579, арк. 50].

Автомобілісти за важку роботу одержували невелику зарплатню. Так, на початку 70 років тарифна ставка водія автомобіля вантажопідйомністю до 3 т становила 65 крб. на місяць [20, ф. 4949, оп. 12, од. зб. 766 арк. 26], в той час, коли середня заробітна плата робітників і службовців по Україні в 1970 р. становила 115, 2 крб. на місяць [14, с. 43].

Недостатню матеріальну зацікавленість керівництво, цілком у дусі того часу, намагалось компенсувати моральним стимулюванням. Масштаби морального заохочення були дуже широкими. Так, в 1975 р. працівникам підприємств міністерства було оголошено 443 608 заохочень, в тому числі 522 чол. було нагороджено орденами та медалями [20, ф. 4949, оп. 12, од. зб. 1116, арк. 62].

Найбільше моральних стимулів пов'язувалось з соціалістичним змаганням і групувалось навколо нього. Саме участь у змаганні і підведення його підсумків були безпосереднім приводом для роздачі різного роду відзнак, присвоєння почесних звань, нагородження грамотами, відзначення на Дошках пошани тощо.

Змагання було вкрай заорганізованим. Його ефективність набагато зменшувалась ще й тим, що підсумки підводились формально. Так, на багатьох автопідприємствах Харківської області майже постійно нагородження переможців змагання відбувалось з великим запізненням [19, ф. 2, оп. 1, од. зб. 194, арк. 30].

У Феодосійській автоколонії 2 204 Кримської області видавались відзнаки «Переможець соціалістичного змагання» і грошові премії водіям, які мали грубі порушення правил дорожнього руху, трудової дисципліни, виконали завдання державного плану за 1979 р. на 72,7—78,8 % [18, ф. Р-4284, оп. 1, од. зб. 1092, арк. 2—3]. Таких прикладів по міністерству безліч.

Важкі умови праці, соціальна незабезпеченість спонукали людей шукати іншу роботу. Показовими були причини кадрових втрат. Так, в 1971 р. з підприємств міністерства звільнилося 54 800 працівників. З них через незабезпеченість житлом — 36,2 %, через низьку зарплату — 26,7 %, через небажання працювати на неприємних для експлуатації машинах — 24,2 %, незадовільного режиму роботи — 12,3 %. Середньорічна плинність кадрів складала 18 % [20, ф. 4949, оп. 12, од. зб. 766, арк. 26]. В 1980 р. вона становила 20,5 % [21, ф. 4949, оп. 12, од. зб. 1800, арк. 12], а на деяких підприємствах, таких, як АТП-20122 Харкова — 70 % [19, ф. 2, оп. 1, од. зб. 194, арк. 143].

Підприємства міністерства постійно відчувало недостачу біля 10 тис. водіїв, що створювало значні труднощі у виконанні необхідного обсягу перевезень [20, ф. 4949, оп. 12, од. зб. 766, арк. 27].

Всі ці обставини врешті-решт неминуче вели до зниження дисципліни. Так, у Кримській області контролерами у травні 1985 р. було перевірено 1 616 автобусів і 31 таксомотор. У кожного четвертого водія встановлено фінансові порушення [11, 1985, 30 трав.]. У Харківському обласному управлінні пасажирського транспорту

тільки за 9 місяців 1986 р. було виявлено 870 випадків привласнення грошей водіями [19, ф. 2, оп. 1, од. зб. 579 арк. 35]. Подібні порушення допускали водії Миколаївського АТП-14 021 [15, 1973, 16 листоп.], Зіньківського АТП-16034 Полтавської області [7, 1976, 9 лип.], Ужгородського автобусного парку Закарпатської області [6, 1980, 30 серп.].

Керівництво багатьох автопідприємств не приймало належних заходів проти цих порушень. Так, на підприємствах Тернопільської області не було звільнено з роботи жодного водія, які мали від 3 до 8 фінансових порушень за 1975 р. [20, ф. 4949, оп. 12, од. зб. 1049, арк. 106]. У Нововодолазькій автобазі № 2004 і Куп'янській автобазі № 10 Харківської області відповідно з 17 і 11 актів, оформлених контролерами у грудні 1983 р., не було розглянуто жоден [16, 1983, 23 груд.].

Керівники автопідприємств часто самі порушали законодавство. Так, у Львівському [20, ф. 4949, оп. 12, од. зб. 1049, арк. 289], Харківському [19, ф. 2, оп. 1, од. зб. 391, арк. 23] обласних управліннях вони брали хабарі за надання так званих «вигідних» маршрутів, запчастин тощо.

Не кращим було становище дисципліни і на вантажному транспорті. Так, у Кіровоградському обласному управлінні тільки за 1974 р. і перший квартал 1975 р. було виявлено приписок 2,17 тис. т і 14,4 тис. т-км [20, ф. 4949, оп. 12, од. зб. 1134, арк. 21]. У Волинському управлінні за квітень 1974 р. виявлено приписку 43 т і 3335 т-км тільки при обслуговуванні Луцьких фабрики «Побутова хімія» і кондитерської фабрики [20, ф. 4949, оп. 12, од. зб. 1132, арк. 8].

В 1976 р. приписки було виявлено у Донецькому, Київському, Кримському, Одеському, Івано-Франківському, Закарпатському обласних управліннях. Всього по міністерству за цей рік за такі порушення 108 керівників було звільнено з роботи, 1 293 робітника притягнуто до дисциплінарної відповідальності і на 200 чол. зроблено нарахунок [20, ф. 4949, оп. 12, од. зб. 1278 арк. 5, 68]. Працівники вантажного транспорту і таксомоторних парків вимушені були робити приписки і для того, щоб перекрити нерентабельність міських автобусних перевезень. На це відраховувалась значна частина їх прибутків, чим розповсюджувалась зрівнялівка [19, ф. 2, оп. 1, од. зб. 667, арк. 73].

Наведені факти, їх широка географія дають змогу стверджувати, що привласнення водіями коштів, приписки були масовими у всіх автопідприємствах. Це сприяло зловживанням з боку керівників різного рангу.

Таким чином, в 1969—1988 рр. трудові колективи автомобільного транспорту України виконували значну роботу по забезпеченню потреб господарства у перевезеннях. Але трударям доводилось працювати в складних умовах. Вони за рахунок наднормових і надурочних робіт виконували плани, що не були забезпеченими необхідними ресурсами. Коли і це не вдавалося — невиконані обсяги робіт приписувались.

Існуючий у той час системі управління були притаманні байдужість до людини, умов її праці та побуту, до постійного вдосконалення матеріальних стимулів праці, розповсюдження та закріплення зрівнялівки, ідеалізація моральних стимулів.

Недостатня зарплата, відсутність порядку та дійового контролю неминуче вели до привласнення працівниками транспорту коштів, що їм належало здавати державі. Все це знижувало результати виробничої діяльності працівників галузі, які могли б бути значно вищими.

Список литературы: 1. *Автодорожник Украины*. 2. Волков П. П. *Автомобильный транспорт в завершающем году пятилетки* // *Автодорожник Украины*. 1985. № 1. 3. Головченко Ф. П. *Автомобильный конвейер республики*. К., 1981. 4. *Його ж.* *Автотранспортники Украины — 10-й пятилетке* // *Автомобильный транспорт*. 1976. № 10. 5. Гунак В. М. *Транспортний потік республіки*. К., 1986. 6. *Закарпатська правда*: Орган обкому КП України і обласної ради депутатів трудящих Закарпатської області. 7. *Зоря Полтавщини*: Орган обкому КП України і обласної ради депутатів трудящих Полтавської області. 8. *Історія народного господарства Української РСР*: У 3 т., 4 кн. Т. 3, кн. 2: Соціалістична економіка в 60—80-ті роки. К., 1987. 9. *История социалистической экономики СССР*. В 7 т. Т. 7: Экономика СССР на этапе развитого социализма (1960—1970-е годы). М., 1980. 10. *Історія Української РСР*: У 8 т., 10 кн. Т. 8, кн. 2: Українська РСР в період розвинутого соціалізму і будівництва комунізму (кінець 50-х—70-і роки). К., 1979. 11. *Крымская правда*: Орган обкому КП України і обласної ради депутатів трудящих Кримської області. 12. Мансуров А. М. *Автомобильный транспорт*. Введение в специальность. К., 1985. 13. Мотин И. А. *Автотранспорт Украины в 10-й пятилетке*. К., 1976. 14. *Народне господарство Української РСР у 1988 році*: Стат. збірник. К., 1989. 15. *Південна правда*: Орган Миколаївського обласного і міського комітетів КП України і обласної ради депутатів трудящих. 16. *Соціалістична Харківщина*: Орган Харківського обкому КП України і обласної ради депутатів трудящих. 17. *Транспорт и связь СССР*: Стат. сб. М., 1990. 18. *Державний архів Кримської області*. 19. *Об'єднаний архів Харківської обласної ради профспілок*. 20. *ЦДАЖР України*. 21. *ЦДА Міністерства транспорту України*.

Надійшла до редколегії 20.01.92

С. И. ПОСОХОВ

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НАУКИ (ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И ИСТОРИОГРАФИИ)

Возрастание роли науки в обществе обусловило устойчивый интерес к науковедческой тематике у специалистов различного профиля. К середине 80-х годов в СССР изучением науки и научной деятельности во всех ее аспектах занимались 3500—3700 исследователей [14, с. 147]. Среди тех дисциплин, в рамках которых ведутся такие изыскания,— социальная история науки. Это еще очень молодая наука, именно поэтому большое значение приобретают вопросы методологии исследования, которым и посвящена данная статья.

Нельзя согласиться с тем утверждением, что социальная история науки — это «земля неизведанная» отечественной историографии науки [1, с. 67]. Сделанное в этом плане позволяет более оп-

тимистично оценивать ситуацию. Сегодня в нашем распоряжении имеется значительное количество работ общетеоретического характера, отдельные историографические обобщения [2; 7; 16; 20—21; и др.]. Не стремясь к исчерпывающей характеристике методологических вопросов, поднимавшихся в современной историографии, остановимся лишь на некоторых, на наш взгляд, наиболее актуальных.

Тесная связь науки и общества очевидна. Вместе с тем путь, который вел к ее пониманию, не представляется простым. Проблема взаимодействия науки и общества как таковая, была поставлена еще во второй половине XIX — начале XX вв. в трудах К. Маркса, А. Декандоля, М. Вебера и других, когда стала более или менее видна общественная роль науки. В 20—30-е годы XX в. эта проблема охватила уже достаточно широкие круги историков науки как в СССР, так и за рубежом. Среди ее приверженцев выступают Б. М. Гессен, Т. И. Райнов, В. И. Вернадский, Д. Бернал и др. Но если для первого из указанных периодов скорее свойствен постановочный характер вопросов, то для второго — более активное осмысление роли социальных факторов развития науки. С этого же времени в мировой историко-научной мысли отчетливо вырисовываются два подхода к вопросу о движущих силах научного прогресса, а значит, и к проблеме взаимоотношения науки и общества. Это так называемые экстернализм (признание определяющими для науки внешних, социальных воздействий) и интернализм (позиция, согласно которой развитие науки обусловлено только действием внутренних, когнитивных закономерностей, а социальное является лишь фоном). Марксистская методология, став господствующей в стране к 30-м годам, предопределила значительное влияние экстерналистского подхода в отечественной историографии науки, который временами выступал даже в виде вульгарного социологизирования. Неудивительно, что в связи с этим интернализм носил открыто антимарксистский характер. Вместе с тем было бы ошибкой видеть в данном противостоянии лишь отрицательные моменты. Так, например, экстернализм, на наш взгляд, — закономерный этап в становлении социальной истории науки. Не случайно с середины 60-х годов нашего столетия начался «бум» экстерналистских публикаций на Западе [10, с. 19], приверженцы данного подхода есть там и сегодня [23]. Нельзя не согласиться с выводом, что марксизм выработал четкие методологические принципы анализа науки как социального феномена [8, с. 27]. Однако в период 30-х годов сложность системы «наука — общество» с неизбежностью определила метафизическое понимание механизма их взаимодействия, которое не могло не свестись либо к декларациям, либо к вульгарному социологизированию. Но и такое положение в значительной степени стимулировало поиск в данном направлении. Уже с середины XX в. история естествознания все более проникается «духом социального исследования», а во второй половине 80-х годов прямо указывается, что разработка социальной истории советской науки — задача номер один для нашего историко-научного сообщества [3; 6; и др.]. Такая же ситуация характерна и для мирового науковедения. Об

этом, в частности, свидетельствует изменение тематики докладов и сообщений на международных конгрессах по истории науки [4]. Последний XVIII конгресс фактически целиком был посвящен таким проблемам [17]. Впрочем, это не означает, что история идей как таковая более не разрабатывается, речь идет лишь о закономерной смене приоритетов. Сегодня (и это характерно и для отечественного, и для зарубежного науковедения), как правило, уже нет чистых экстерналистов и интерналистов. Споры идут не о наличии взаимосвязи между наукой и обществом, а о механизме передачи социального воздействия на науку, широко распространенным становится изучение процесса интериоризации экстерналичных факторов. В связи с этим все более явно вырисовывается тенденция превращения истории науки в социальную историю науки [22, с. 150].

Но если предмет данной дисциплины более или менее понятен — закономерности развития науки в связи с развитием общества, взаимодействие науки на разных этапах ее истории с экономикой, идеологией, политикой, культурой и т. п. [15, с. 17], то место социальной истории в рамках науковедения, взаимосвязь с другими науками, основное содержание используемых категорий требуют уточнения.

Ряд авторов отмечает (хотя эта точка зрения и не бесспорна), что науковедение не является особой наукой, а представляет собой комплекс наук [19, с. 44]. Вместе с тем в большинстве работ этих авторов мы не встретим упоминания «социальной истории науки» как специальной дисциплины, входящей в этот комплекс. Конечно, большая часть исследований науковедческого характера посвящена современному состоянию науки и процессу ее взаимодействия с обществом. Но, как известно, глубокое познание какого-либо явления невозможно без внимательного изучения того, как оно возникло, какие основные этапы прошло в своем развитии, прежде чем приобрело современное состояние, т. е. без изучения его истории. Другими словами, социальной истории науки предстоит стать одной из основных дисциплин науковедческого цикла. При этом, по всей видимости, ведущая роль в разработке таких проблем будет принадлежать историкам гражданского общества. Пока же в литературе отмечается, что гражданские историки не имеют авторитета среди науковедов, а их работы отличает «описательность», для них характерна определенная «боязнь» предмета [20, с. 14]. Гражданским историкам принадлежит лишь около 15 % диссертаций науковедческого профиля [14, с. 147]. В то же время, по справедливому замечанию английского историка естествознания Д. Найта, «прошли те времена, когда в истории науки господствовали престарелые ученые, которые следили за прогрессом теории или экспериментов, важных только для них, или философы, которые исследовали структуру аргументации, но мало интересовались историческими ситуациями» [Цит. по: 21, с. 104]. В современных условиях только специалист-историк может восстановить «историческую ситуацию», представляющую собой сложное переплетение внутренна-

учных и социально обусловленных моментов. У историков гражданского общества имеется солидный задел в виде источниковедческих и историографических разработок. Изучение прошлого — это изучение по оставленным «следам», сохранившим «остатки» прошлого, без возможности повторить события и прямого наблюдения. Таким образом, гражданская история анализирует события и вещи, свойства которых существуют совершенно иначе, чем свойства объектов естествознания. Большую помощь здесь может оказать и такая методологическая дисциплина, как историография. В истории науки пока нет ничего подобного, и не проделана в полном объеме даже предварительная работа [11, с. 166—167]. Вплоть до сегодняшнего дня историки науки довольствуются в основном самыми простыми формами работы с источниками [19, с. 42].

Однако сказанное не означает, что социальная история науки — это всего лишь часть гражданской истории, одна из ряда отраслевых исторических дисциплин (история религии, военная история, и т. п.). Она возникла на стыке таких областей знания, как история естествознания и техники, социология, гражданская история, экономика и др. Решение возникающих задач невозможно без привлечения методов этих наук. Сегодня ясно, что несмотря на то, что биографические, хронологические, источниковедческие констатации продолжают оставаться необходимой частью исследования, они далеко не исчерпывают задач социальной истории науки как науковедческой дисциплины.

Активно обсуждаемым в последнее время является содержание категорий, которыми оперируют в рамках рассматриваемой проблематики. И прежде всего это касается понятия «социальный институт науки» («наука как социальный институт»). Одной из первых работ, где употребляется данный термин, стала книга И. И. Леймана [12]. С тех пор появилось немало статей, где дискутируется проблема его содержания [13; 18—19; и др.]. Этот вопрос тем более важен, что указанные категории являются ключевыми, в значительной степени определяющими предмет и задачи социальной истории науки. Собственно само зарождение этой научной дисциплины было связано с пониманием науки как социального института. Нередко, вплоть до начала 60-х годов и даже позднее, можно было встретить неприятие любого иного подхода к истории науки, кроме отраслевого, распространенным было представление о науке как о системе знаний. Само развитие науки показало ограниченный характер такого представления: сегодня фундаментальными исследованиями занимаются специалисты в сфере более 2 тыс. различных научных дисциплин, в то время как в начале века насчитывалось около 300 отраслей знания [7, с. 21]. К настоящему времени подавляющее большинство авторов придерживаются взгляда на науку как на целостное специфическое социальное образование, как на систему. Однако трактовка указанных категорий неоднозначна. Можно выделить две основные позиции. Первая состоит в том, что понятие «социальный институт науки» употребляется как синоним социального явления [5; 8; 13; и др.]; вторая позиция,

которой придерживаются Е. В. Семенов и некоторые другие, заключается в том, что под социальным институтом науки понимается один из элементов системы научного производства, чаще — система организации и управления наукой, а наука как подсистема общества обозначается понятием «социальная система науки» [9; 18—19; и др.]. Думается, важное значение имеет расположение слов, которое разъясняет суть дела. На наш взгляд, понятие «наука как социальный институт» фиксирует науку как подсистему общества, а «социальный институт науки» указывает на то, что сама наука — сложное явление, содержащее в свою очередь ряд элементов, тесно взаимодействующих с общественными процессами (организация науки, научные кадры и др.). Практикуемое сведение двух определений к одному, несомненно, затрудняет понимание, порождая терминологическую путаницу. Так, не вполне понятна в этом случае, например, категория «социальная организация науки», которую вводит Е. В. Семенов. Понятия же «наука как социальный институт» и «социальная система науки», по нашему мнению, нужно употреблять как равнозначные.

Необходимо обратить внимание и на некоторые методологические особенности историко-научной литературы последнего времени. Господствовавший до недавнего времени в отечественной науке методологический монизм, как уже отмечалось, нередко сводился к различного рода декларациям. В частности, в историко-научных работах говорилось о приверженности марксизму и подвергались критике экстерналистские или, что чаще, интерналистские взгляды зарубежных ученых. Но необходимо признать, что существование двух противоположных подходов было объективным и не миновало отечественную историографию науки, хотя все время продолжало оставаться «незамеченным». Такое положение приводит к тому, что зачастую в дискуссиях по тем или иным вопросам социальной истории науки спорящие стороны говорят на разных языках. Это видно на примере советской историографии, посвященной развитию науки в 20—30-е годы и затрагивающей целый спектр вопросов, приобретших в наши дни особенную остроту и актуальность. Сюда относятся и проблема организационного переустройства советской науки, и изменения в кадровой составляющей научного потенциала, и ситуация, сложившаяся вокруг генетики, и др. Практически по каждому из указанных вопросов мы можем сегодня найти в литературе полярные точки зрения. Нередки в этих случаях не только проявления так называемого «декларативного экстернализма» и «стыдливого интернализма» [2, с. 64], но и рецидивы крайних подходов. Так, например, в статье Ю. А. Шрейдера мы читаем о том, что «любые попытки задать извне условия научной деятельности парализуют свободу науки и ведут к деградации» [24, с. 121]. Вообще для советской историографии науки второй половины 80 — начала 90-х годов все более характерным становится сосредоточение внимания на социальных факторах развития науки в ущерб логико-гносеологическим аспектам. Проис-

ходит как бы повторение уже пройденных этапов. Однако на этот раз в фокусе оказалась негативная сторона воздействия политических и идеологических факторов в советский период (в прежние годы такая позиция была свойственна авторам при характеристике дореволюционного времени, а при изучении советского этапа акцент делался на экономические и социальные аспекты). В ряде случаев как бы оказался забыт вывод, согласно которому развитию науки — это равнодействующая ее внутренней логики и детерминации извне, и задача состоит не только и не столько в том, чтобы дать положительную или отрицательную оценку тем или иным сторонам в развитии взаимодействия науки и общества (в том числе в 20—30-е годы), а в том, чтобы показать, каким образом внутренне назревшие структурные изменения в организации, управлении, кадрах науки, ее методологических основах проявились в конкретных условиях.

Подводя итог, отметим, что перед исследователями социальной истории науки стоит еще немало проблем, но все же можно сказать, что к настоящему времени заложены основы, лишь опираясь на которые можно сделать следующий шаг в их разрешении.

Список литературы: 1. Александров Д. А., Кременцов Н. Л. Опыт путеводителя по неизведанной земле. Предварительный очерк социальной истории науки (1917—1950-е годы) // ВИЕТ. 1989. № 4. 2. Визгин В. П. Наука — культура — общество // ВИЕТ. 1987. № 2. 3. Визгин В. П. Несколько замечаний к статье Д. А. Александрова и Н. Л. Кременцова «Опыт путеводителя по неизведанной земле» // ВИЕТ. 1989. № 4. 4. Володарский А. И. Международные конгрессы по истории науки // ВИЕТ. 1989. № 4. 5. Добров Г. М. Наука о науке. К., 1989. 6. Задачи журнала в условиях перестройки // ВИЕТ. 1987. № 1. 7. Зельманов А. Б. Модель науки как подсистемы общества // Социальные проблемы науки, образования, воспитания. Томск, 1977. 8. Келле В. Ж. Наука как компонент социальной системы. М., 1988. 9. Ковев В. А. О социальной структуре науки // Проблемы использования структуры научного познания. Новосибирск, 1970. 10. Косарева Л. М. Внутренние и внешние факторы развития науки (историографический аспект проблемы). М., 1983. 11. Кузнецова Н. И. История науки как гуманитарная дисциплина // Проблемы гуманитарного познания. Новосибирск, 1986. 12. Лейман И. И. Наука как социальный институт. Л., 1971. 13. Лисс Л. Ф. Научный потенциал: проблемы системного историко-социологического анализа: методология, историография, источниковедение. Новосибирск, 1985. 14. Макешин Н. И., Тепеницына А. Л. Опыт тематического анализа авторефератов диссертационных работ по проблемам науковедения (1964—1984 гг.) // ВИЕТ. 1985. № 2. 15. Микulinский С. Р. Очерки развития историко-научной мысли. М., 1988. 16. Мирская Е. З., Шульман М. М. О характере социальной детерминации научного знания // Социология науки в СССР: Вопросы теории и практики. М., 1982. 17. Печенкин А. А., Володарский А. И., Шамин А. Н. XVIII Международный конгресс по истории науки // ВИЕТ. 1990. № 4. 18. Семенов Е. В. О понятии «социальный институт науки» // Бахрушинские чтения за 1976. Новосибирск, 1976. 19. Семенов Е. В. Структура и социальная организация науки в Сибири: Исторический аспект. Новосибирск, 1988. 20. Соскин В. Л., Водичев Е. Г. Методологические аспекты изучения науки как предмета гражданской истории // Развитие науки в Сибири: методология, историография, источниковедение. Новосибирск, 1986. 21. Тимофеев И. С. Гуманизация историографии естествознания: аксиологический подход // Ценностные аспекты развития науки. М., 1990. 22. Титмонас А. А. Проблема взаимодействия истории науки и социологии науки // Социология науки в СССР: Вопросы теории и практики. М., 1982. 23. Форман П. К чему должна стремиться история науки // ВИЕТ. 1990. № 1. 24. Шрейдер Ю. А. Как устроено научное сообщество // Природа. 1990. № 1.

Поступила в редколлегию 15.01.92

Э. Дж. ДИЛЛОН: НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ

Э. Дж. Диллон, больше известный в России как Эмилий Михайлович Диллон (1854—1931), был талантливым англо-русским журналистом, ученым-ориенталистом (его преподавательская карьера началась и завершилась в Харьковском университете), переводчиком, литературным критиком, человеком, выполнявшим delicate дипломатические поручения. Изучение творчества Диллона позволяет убедиться в существовании одной из ярких страниц истории российско-британских связей конца XIX — начала XX вв.

К сожалению, жизнь и творчество этого человека еще не стали объектом специального научного исследования, хотя отдельные сведения о нем можно обнаружить в научных трудах, посвященных внешней политике России [1], литературным связям между Россией и Англией [2], истории Харьковского университета [3—7]. Однако никто из авторов не ставил перед собой цель обобщить все известное о Диллоне. Его деятельность рассматривается как отдельный эпизод или даже фон, на котором происходили более значительные, с точки зрения исследователей, события.

Источники русского и английского происхождения позволяют проследить все этапы жизни и творческой деятельности Э. Диллона. О нем писали выдающиеся деятели политики и культуры тогдашней России [2; 8—11]. Важнейший источник — труды самого Эмилия Михайловича, среди которых научные исследования, публицистические статьи, переводы, письма [12, с. 605; 13—17; 21—26]. Жаль, что авторы специальных работ, посвященных истории британской журналистики, не обратили внимание на существование большого количества англоязычных произведений Диллона, как и на их автора [14—15].

В рамках данной статьи попытаемся обобщить известное об основных вехах биографии и творческой деятельности Э. Дж. Диллона.

Эмилий Михайлович родился в Дублине в 1854 г. Образование получил в германских университетах, став доктором философии Лёвенского университета. В 1880 г. выдержал экзамен на магистра восточных языков Петербургского университета. Первые научные публикации Диллона посвящены иранским языкам и культурам. У молодого ученого уже сформировалась определенная позиция относительно места, которое занимают армянский язык и литература в истории мировой культуры [7, с. 224; 12, с. 605].

За время пребывания в Петербурге Э. Диллон опубликовал несколько статей в газетах [16], познакомился с творчеством видных деятелей российской культуры (Ф. М. Достоевского, П. И. Чайковского, А. Г. Рубинштейна, И. Е. Репина, Вл. Соловьева) [2, с. 85]. Стремление получить информацию из первых рук, самому побывать на месте событий свидетельствовали о том, что Диллон формировался не только как ученый, но и как журналист-новатор.

представитель нового поколения людей пера. Позднее он лишь подтвердил то, что его можно поставить в один ряд с лучшими британскими журналистами, работавшими в России в последней трети XIX в. — Уильямом Маккензи-Уоллесом, Чарльзом Марвином, Уильямом Стидом.

В 1883 г. Э. Диллон приезжает в Харьков. С августа того же года он после успешной защиты диссертации на тему «Дуализм в Авесте» «без особых сложностей» становится штатным доцентом Харьковского университета [3, с. 109; 7, с. 225]. Через год, в августе 1884 г., защитив докторскую диссертацию «Армянские этюды», Эмилий Михайлович приступил к исполнению обязанностей профессора кафедры сравнительного языкознания и санскрита, где работал до января 1887 г. до увольнения и прекращения научно-педагогической деятельности [7, с. 226].

Очень интересный материал о Диллоне содержится в автобиографии академика Д. И. Багаля. К «упрямому ирландцу» он относился несколько нейтрально. С одной стороны, Д. И. Багаль полагал, что у Диллона слишком маленький стаж педагогической деятельности в Харьковском университете, чтобы стать профессором. С другой стороны, Дмитрий Иванович понимал, что Диллон имел для этого «все научные данные» [5, с. 54].

Судьба «энергичного и упрямого ирландца» в Харьковском университете явно не сложилась. Бросается в глаза характеристика, которую дал Диллону попечитель учебного округа: «Две диссертации, широкие знания; хотя и ирландец, но бегло читает лекции по конспекту; трудно о нем, как и о Багале, дать определенный отзыв, но можно выразить надежду, что из него несомненно выйдет хороший профессор» [5, с. 51]. Такая характеристика явно не позволяла надеяться на то, что министерство утвердит кандидатуру Диллона в качестве профессора Харьковского университета.

Однако были и более серьезные основания предвидеть решение министерства. Опираясь на донос профессора П. Бессонова, его приятель, ответственный чиновник министерства, мотивировал принятое решение тем, что ни Шерцль, ни Диллон «не приобрели известности своими учеными трудами и даром преподавания, как этого требует закон о переводе доцентов в экстраординарные профессора. Сверх того, труд Диллена, — утверждал тот же чиновник, — свидетельствует о полнейшем незнании им русского языка и, пожалуй, даже об отсутствии всякого чувства приличия при рассмотрении и изложении вопросов, относящихся к области религии» [5, с. 51]. Понятно, какое решение могло быть принято, но его мотивация поразила даже тогдашнего министра народного просвещения графа И. Д. Делянова.

История такого отношения к Диллону началась во время обсуждения его докторской диссертации. Профессор П. Бессонов публично обвинил Эмилия Михайловича в том, что он не знает русского языка. Диссертант довольно решительно поинтересовался, насколько уверенно профессор Бессонов владеет армянским языком. Тот ответил, что изучал его по работе Диллона [5, с. 51]. Следует за-

метить, что обсуждавшаяся диссертация «Армянские этюды» не содержит пространных текстов на армянском языке, но конфликт, возникший во время защиты диссертации, восстановил против Диллона человека, которого, по мнению его коллег, характеризовала «научная невменяемость». О приглашении П. Бессонова в университет многие жалели [7, с. 128, 130]. В конечном счете именно этот конфликт решающим образом повлиял на судьбу талантливого человека.

Обратимся, однако, к самой диссертации. Фактически это две работы под общим названием «Армянские этюды». Первая часть посвящена лингвистическому анализу звуковой системы армянского языка. В конце исследования автор приходит к выводу, что этот язык — арийский, а его звуковая система позволяет говорить о принадлежности к индоевропейской языковой семье [13, с. 119].

Исследование содержит 72 оригинальных примера, интересную, на наш взгляд, аналитическую справку. Признавая достоинства работы, П. Г. Риттер упрекнул Э. Диллона в том, что автор уходит от сравнения грамматического строя и синтаксиса языков, а в своей аргументации не всегда оригинален [7, с. 226].

Мы упрем Диллона в другом. В начале исследования автор утверждает, что нет и не может быть научной транскрипции и он применяет ту, которая представляется ему «в данный момент наиболее практичной». [13, с. 34]. Тем не менее все выводы строятся на сравнительном анализе звуковых систем различных языков. Таким образом, Диллон применяет транскрипцию, не имеющую научного содержания, для выводов и обобщений принципиального характера.

Несмотря на некоторые противоречия и недоразумения, труд Э. Диллона вызывает законный интерес. Несомненно то, что это исследование приобрело не только историко-лингвистическое, но и политическое значение. В 80—90-е годы XIX в. сложилась благоприятная конъюнктура для появления различных трактатов псевдонаучного уровня, авторы которых объясняли чаще всего надуманные черты негативного свойства, присущие, по их мнению, целым народам, спецификой этногенеза и лингвистическими особенностями.

Так, кое-кто в британской публицистике объяснял негативные черты, присущие только русским, влиянием татарской крови, попутно доказывая, что российские евреи — это татары, принявшие иудаизм [17, с. 155]. В свою очередь и в русской публицистике можно было обнаружить утверждение, сделанное, разумеется, на основе лингвистических данных, о том, что хитрость и коварство британцев объясняются их происхождением от монголо-татар [18]. В такой ситуации появление честной, объективной хотя и не без недостатков, исследовательской работы имеет не только научное значение.

Вторая часть труда «Армянские этюды» представляет собой комментированный перевод на русский язык сочинения армянского автора Эгише «Война армян против персов». Э. Диллон, по его

словам, стремился к верности оригиналу, ради точности «жертвуя утонченностью стиля Эгише» [13, с. VIII].

Диллон провел очень важную, кропотливую и нужную работу. Мало кто критиковал ее по сути, однако, последствия обсуждения диссертации были не очень приятными для автора.

Узнав, что Министерство народного просвещения не утвердило его в ранге экстраординарного профессора, Э. Диллон сам поехал в столицу, не без труда добрался до министра. Успокаивая «упрямого ирландца», готового покончить с собой, И. Д. Делянов посоветовал ему ждать соответствующий приказ. Радоваться Диллону не пришлось: приказ означал увольнение [5, с. 55]. Так что не болезнь и не собственное желание [3, с. 227; 7, с. 226] стали причиной того, что в январе 1887 г. Э. Диллон переехал из Харькова в Одессу.

Конечно, в характере Эмилия Михайловича можно обнаружить немало негативных черт. Но в то время почему-то ушел из университета талантливый профессор А. И. Кирпичников, и преемник Диллона А. И. Александров довольно быстро перешел на кафедру славянской филологии Казанского университета, хотя в Харькове преподавал санскрит. Н. Ф. Сумцов часто жаловался на интриги «пакостников», а Д. И. Багалея обвиняли в «хохломанстве» [4, с. 277; 5, с. 49, 50; 6, с. 37]. Дело, как видим, не только в характере «упрямого ирландца».

Э. Диллона хорошо знали в Харькове и за пределами университета. Осенью 1884 г. вместо профессора А. И. Кирпичникова его пригласили на работу в училище при харьковском отделении Императорского музыкального общества, где Эмилий Михайлович стал инспектором научных классов и преподавателем итальянского языка. Позднее, в 1896 г., когда Диллона уже не было в Харькове, дирекция училища назвала его в числе тех, кому она обязана «особенным чувством признательности» [19, с. 15, 29].

Переезд в Одессу, а затем и в Петербург означал для Э. Диллона окончательный выбор в пользу журналистики. В те времена все знали, что британские журналисты прекрасно берут интервью и пишут политические некрологи. К примеру, написанный Чарльзом Марвиным некролог на смерть М. Д. Скобелева распространялся в частях российской армии в виде официально-пропагандистского материала военного ведомства России [20, с. 11]. Высокой оценки заслуживает и некролог Э. Диллона на смерть М. Н. Каткова, напечатанный в журнале «Контемпорари ревью» под псевдонимом «Английский житель России» [21].

То, что писал Диллон о Каткове (они, кстати, были знакомы лично), вряд ли бы понравилось покойному. Автор отдал должное таланту Каткова, его влиянию на политические события в России, твердости характера видного российского супер-журналиста. Он отнюдь не осуждает взгляды «рупора самодержавия», однако привлекает внимание британского читателя, для которого редактор «Московских ведомостей» — реформатор прогрессивного толка,

к тому, что фанатизм этого человека мог корректироваться «по обстоятельствам» [21, с. 511].

В нескончаемой полемике с либералами газета М. Каткова была, по мнению Э. Диллона, крайне лицемерна, замалчивала и подтачивала факты, пользовалась неосведомленностью читателей, «доводя возмущение честных, но импульсивных лиц до кипения» [21, с. 514]. Э. Диллон утверждает, что «Московские ведомости» — издание, сотворившее «непоправимое зло» для грядущих поколений [21, с. 517]. Интересно, что несмотря на рафинированный патриотизм «образцового редактора», в его доме, по свидетельству британского журналиста, господствовали английские обычаи и говорили только по-английски [21 с. 506]. Катковские передовицы говорили о другом.

О взаимоотношениях Э. Диллона и Л. Н. Толстого, в том числе и о печальной «диллоновской истории», литературоведами написано много, причем наиболее обстоятельно — Э. П. Зиннером [2]. Нам представляется важным отметить главное. Не Диллон, в те годы корреспондент «Дэйли Телеграф», был виновником неприятностей великого писателя. Виновником, так думал и сам Лев Николаевич, следует искать в России среди тех, кто организовывал его общероссийскую травлю. Более того, британский журналист много сделал для пропаганды творчества Л. Н. Толстого в Англии [2, с. 91—92].

В начале 90-х годов, несмотря на то, что В. М. Ламздорф записал в своем дневнике «какой-то Диллон» [8, с. 313], популярность талантливого журналиста растет. Особенно после серии публикаций в «Фортнайтли ревью».

В 1892 г. все они были собраны и вышли отдельным изданием [22]. Э. Диллон, издавший сборник под псевдонимом Е. Б. Ланин, не просто обличает. Досталось и царской бюрократии и народу, склонному к деморализации, разложению, двойной жизни и прочим негативным явлениям. Правда, негативные качества народа автор объясняет многовековым воздействием правящих кругов. «Злоупотребления российского губернатора, — пишет Диллон, — в Англии привели бы его в сумасшедший дом или на виселицу» [22, с. 30].

У сборника определенный адресат — английская читающая публика, плохо, по мнению автора, знавшая Россию [22, с. 29, 372]. Из предосторожности все обличения Диллона подкреплены ссылками на российский консервативные издания. Однако критические высказывания британского журналиста отнюдь не перечеркивают его симпатий к России, которые он не скрывает [22, с. VI].

Статьи Э. Диллона в «Контемпорари ревью» главным образом посвящены внутренней и внешней политике России 90-х годов. На фоне других британских журналистов он довольно резко осуждает окружение Александра III, произвол царской бюрократии, возмущается карательными мерами против евреев, сектантов, революционеров [23; 24].

Диллон выступал за сближение между Англией и Россией. Препятствовать этому, по его мнению, может тот, кто желает дей-

ствовать в интересах Германии [25, с. 461]. С другой стороны, Россия также мешает сближению двух стран и поэтому не может занять достойное место в иерархии европейских держав [26, с. 622].

Публикации Э. Диллона обозначили определенную тенденцию в британской публицистике. Оказалось, что в оценках России ошибались и те, кто подобно Армениусу Вамбери видел в ней только зло, и те, кто, беря пример с Пробина-Невинса, мягко говоря, не очень критически относился к Российской империи [27].

Известность Э. Диллона в Европе и Америке, его репутация знатока России помогли британскому журналисту установить хорошие деловые и приятельские отношения с С. Ю. Витте. Граф доверил ему и французскому журналисту Гедеману «дирижировать» всеми сообщениями для печати, отражавшими позицию российской делегации на переговорах в Портсмуте [9, т. 2, с. 416].

Исследователь А. В. Игнатьев указывает на то, что к неофициальным услугам Э. Диллона прибегали или стремились прибегнуть правительства как России, так и Британии [1, с. 217]. Нам все же кажется, что Диллон не мог стать устойчивым каналом для неофициальных межправительственных контактов. Не был склонен к этому официальный Лондон, а доверительные отношения с С. Ю. Витте никак не свидетельствовали о позиции российских правящих кругов.

Сказанное в полной мере подтверждают факты, содержащиеся в монографии самого А. В. Игнатьева. В трудное для царизма время, в 1905 г., С. Ю. Витте решил пригласить в Россию английского короля Эдуарда VII с целью подписания на высоком уровне общеполитического соглашения, которое могло бы помочь стабилизации политического режима в Российской империи.

Английские монархи не приезжали в Россию и в более спокойные времена, но граф надеялся на успех. Он просил Э. Диллона срочно поехать в Лондон и передать это предложение непосредственно главе внешнеполитического ведомства Британии Э. Грею. Но «весьма порядочный и верный человек» [9, т. 2, с. 413] торопиться не собирался. 19 декабря 1905 г., когда царизму было куда торопиться, Диллон посоветовался в британском посольстве со Спринг-Райсом и согласился с его рекомендацией подождать возвращения посла Ч. Гардинга [1, с. 267].

Нам неизвестно, о чем беседовали Диллон и британский поверенный в делах, но С. Спринг-Райс понял журналиста так, что Витте зондирует вопрос о новом займе, о чем и сообщил в Форейн оффис. Через неделю вернулся и сам посол Ч. Гардинг. Он правильно понял «укротителя революции», но его идею деликатно отверг, ссылаясь на то, что английский народ не позволит своему королю приехать в Россию [1, с. 267]. Все это, на наш взгляд, мало напоминает «неофициальный канал» взаимоотношений России и Англии.

Однако граф С. Ю. Витте отступать не собирался. Узнав, что Эдуард VII приезжает в Копенгаген, он опять обратился к Диллону с просьбой доставить соответствующее послание туда. На сей

раз акция графа была подкреплена действиями российского посла в Лондоне А. К. Бенкендорфа [1, с. 268]. Вместе с тем результат оказался таким же, как и в предыдущем эпизоде.

Принимая во внимание приятельские отношения Витте и Диллона, все же нельзя не удивиться тому, до какой степени граф доверял британскому журналисту. Традиционные связи между монархиями России и Дании вполне позволяли создать неофициальную ситуацию для передачи послания и обойтись без услуг Эмилия Михайловича.

Совсем не обязательно корреспонденту ведущих британских газет знать частное мнение Витте о П. А. Столыпине. «Я глубоко убежден в том,— до крайности откровенно и неосмотрительно заявил граф в беседе с Э. Диллоном,— что со Столыпиным произойдет какая-нибудь катастрофа, которая несколько изменит положение вещей» [9, т. 3, с. 555].

Все же С. Ю. Витте больше надеялся на Э. Диллона как на журналиста, полагая, что его публикации могли бы помочь формированию основ для благоприятных отношений между Англией и Россией. Тесные деловые и личные контакты английского корреспондента с видным государственным деятелем царской России вызвали в то время лишь подозрения Лондона, что объясняет как некоторые поступки Э. Диллона, так и причины осуществления англичанами ряда специфических мер в отношении С. Ю. Витте. Уже в 1900 г., а может быть и ранее, главный помощник графа, как называет этого человека тогдашний посол в России Чарльз Скотт, был информатором британского посольства [28].

После революции в России 1905—1907 гг. Э. Диллон крайне редко пишет на темы, порожденные российской действительностью. Его прежде всего интересуют международные конфликты наибольшей остроты. П. Н. Милюков встречал британского журналиста, в те годы работавшего для «Таймс», в Болгарии в 1912 г. Лидер российских кадетов даже несколько обиделся, поскольку Э. Диллон утаивал от него информацию о событиях [10, с. 352]. Трудно, правда, понять, почему корреспондент английской газеты должен был быть откровенен с П. Милюковым?

Э. Дж. Диллон (Эмилий Михайлович Диллен) прожил долгую и содержательную жизнь, наиболее плодотворный период которой завершается событиями первой мировой войны. Трудно переоценить его личный вклад в развитие российско-британских связей и сближение народов обеих стран.

Свои возможности ученого, преподавателя университета, журналиста, переводчика он удачно использовал для того, чтобы глубоко изучить Россию и сформировать у британского читателя правильное, на его взгляд, представление о том, что происходит в этой стране.

Привлекает внимание тональность произведений Э. Диллона, в особенности англоязычных. Если события того заслуживали, он писал о них с горечью и болью. Ему была чужда легкая ирония постороннего наблюдателя, скользившего по поверхности сюжета,

что несколько противоречило традициям британской журналистики тех лет.

Даже критические публикации Диллона, отнюдь не всегда приятные на слух, но написанные искренне, честно, доказательно, также способствовали сближению народов двух стран, формируя правдивый образ России в сознании британцев.

Список литературы: 1. *Игнатъев А. В. С. Ю. Витте* — дипломат. М., 1989. 3. *Зиннер Э. П.* Творчество Л. Н. Толстого и английская реалистическая литература конца XIX и начала XX столетия. Иркутск. 1961. 3. *Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905)*. Х., 1908. 4. *Багалей Д. И., Сумцов Н. Ф., Бузескул В. П.* Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования. Х., 1906. 5. *Ювілейний збірник на пошану ак. Дмитра Івановича Багалія*. К., 1927. 6. *Бузескул В.* История Харьковского университета при действии Устава 1884 года. Х., 1905. 7. *Биографический словарь профессоров и преподавателей Харьковского университета*. Б. м., Б. г. 8. *Ламздорф В. Н.* Дневник. 1891—1892. М.; Л., 1934. 9. *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2, 3. М., 1960. 10. *Милуков П. Н.* Воспоминания. М., 1991. 11. *Николай Николаевич Ге.* Письма, статьи, критика, воспоминания современников. М., 1978. 12. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. Т. X. Спб., 1893. 13. *Диллен Эмилий.* Армянские этюды. Х., 1884. 14. *Brown L.* Victorian News and Newspapers. Oxf., 1985. 15. *Koss St.* The Rise and Fall of the Political Press in Britain. Vol. I. L., 1981. 16. *Санкт-Петербургские ведомости*. 1881. 17. *Graham S.* Russia and the world. L., 1917. 18. *Лукашевич П.* Причины ненависти англичан к славянским народам. К., 1877. 19. Обзор краткой деятельности Харьковского отделения Императорского Русского музыкального общества и состоявшего при нем музыкального училища за 25 лет (1871—1896). Х., 1896. 20. *Marvin's letters to 'The Morning Post'* Allahabad, 1891. 21. *An English Resident in Russia.* Michael Katkoff // The Contemporary Review. 1887. Vol. 52. 22. *Lanin E. B.* Russian Characteristics. L., 1892. 23. *Lanin E. B.* The Tsar-Persecutor // The Contemporary Review. 1892. Vol. 61. 24. *Lanin E. B.* The Tsar Alexander III // The Contemporary Review. 1893. Vol. 63. 25. *Dillon E. J.* The Quadruple Alliance // The Contemporary Review. 1896. Vol. 69. 26. *Dillon E. J.* Russia and Europe // The Contemporary Review. 1896. Vol. 70. 27. *Probyn-Nevins W.* Apologia for Russia. L., 1895. 28. *British Library.* Dept. of West. MSS. Sir Charles Scott Papers. Add. 52303, Scott—Sanderson. 30.06.00; Scott—Sanderson 23.08.00.

Поступила в редколлегию 27.01.92

В. В. КУРЯКИН, канд. ист. наук

К ИСТОРИИ АМЕРИКАНО-АНГЛИЙСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЕВРОПЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

При наличии значительной литературы об экономическом развитии США и Великобритании на рубеже веков, экономические отношения этих государств в европейском регионе освещены недостаточно, хотя отдельные аспекты рассматривались в отечественной и зарубежной историографии.

США и Европу связывали давние коммерческие отношения. Европейские страны являлись основным рынком сбыта американской продукции и экспортерами промышленных изделий в США. Так, в 1860 г. до 3/4 американского экспорта направлялось в Европу и свыше 3/5 импорта ввозилось с европейского континента [6, с. 95—96]. Однако основную долю американского вывоза в этот

период составляли сельскохозяйственные продукты и лишь незначительную часть — промышленные товары. К концу XIX в. положение существенно изменилось, чему в немалой степени способствовали такие факторы, как образование гигантских трестов, монополизовавших промышленное производство в стране, введение высоких протекционистских тарифов, победоносное окончание испано-американской войны и, наконец, наступивший экономический подъем, продолжавшийся до середины 1903 г. В результате США превратились в крупнейшую мировую индустриальную державу, в короткий период создали огромный промышленный потенциал, позволивший коренным образом изменить содержание американского экспорта в европейские страны, непрерывно увеличивая долю фабрично-заводских изделий и успешно конкурируя с европейскими странами [3, с. 457]. Так, в 1896 г. экспорт промышленных товаров составлял 136 541 978 долл., в 1896 г. — уже 228 571 178 долл., а в 1899 г. увеличился до 338 667 794 долл. [4, с. 227—228].

Используя этот фактор, США стали теснить английского торгового конкурента, смело вторгаясь в сферу его экономических интересов на европейском континенте. Осенью 1896 г. американская фирма из штата Теннесси специальным циркуляром оповестила европейские страны о направлении своего агента с грузом алабамского чугуна для продажи в Барселоне, Генуе, Антверпене, Лондоне и других крупных центрах на более выгодных условиях, чем продавали чугун английские фирмы. В следующем году, по сведениям английского журнала «Торговое обозрение», в Европу было доставлено из США 4 626 т железных и стальных рельсов, а в 1898 г. поставки этих изделий увеличились до 31 916 т [5, с. 394]. В 1900 г. крупная горнозаводская фирма «Карнеги» отправила в Европу первый транспорт стали. Вслед за ним компания готовила к отправке еще один пароход. Одновременно ею было зафрахтовано еще 15 пароходов для прямых сообщений с европейскими странами [2, 1900, 15 (28) нояб.]. Всего в 1900 г. в Европу доставлено 287 тыс. т чугуна и стали [9, с. 113]. Увеличение американского сбыта произошло в основном за счет падения экспорта аналогичных изделий английского производства, которое составило более 100 тыс. т [9, с. 112].

Следует заметить, что США производили чугуна, стали, железа значительно больше и дешевле, чем европейские страны, тем не менее им не так-то просто было соперничать с такими сильными конкурентами, как Германия, Англия, Бельгия. Порой, чтобы удержаться на европейском рынке, Соединенным Штатам приходилось идти на весьма невыгодные сделки. Но это не останавливало американских капиталистов в их попытках утвердиться на рынках европейских стран. Об этом довольно откровенно писал Фредерик Эмори в предисловии к статистическому отчету о внешней торговле за 1897/98 финансовый год: «Интернациональная обособленность США в области торговли и промышленности сделалась предметом истории... Мы больше уже не можем не замечать интернациональ-

ной конкуренции, ибо мы теперь уже сами сделались конкурентом во всемирной борьбе за рынки» [5].

Американские промышленные изделия продолжали проникать на европейский рынок. Так, американский трест по производству стальных и железных труб успешно сбывал свою продукцию на европейских рынках. Она находила применение в нефтепромысловых районах России, Болгарии. Наряду с этими странами американские изделия находили сбыт в Голландии, Германии, странах Скандинавского полуострова и др. Американский трест по производству серы, сбывая ее в Европу по дешевым экспортным ценам, нанес существенный ущерб итальянским изготовителям этой продукции, несмотря на то, что их поддерживал английский капитал. С развитием новых отраслей промышленности, таких, как электротехническая, химическая, значительно возросла потребность в меди. Основными ее потребителями в Европе были Франция, Англия и особенно Германия. Так, потребности Франции за 1897—1898 гг. составили 82 тыс. т меди, Англии — 140 тыс. т, Германия за указанный период переработала 9/10 общего количества меди, приходившегося на долю Франции и Англии вместе взятых. Мировым производителем и поставщиком меди на европейский рынок являлся американский трест, который сосредоточил в своих руках более половины медного производства в США. Ему принадлежала 1/4 часть мировой добычи, вместе с тем трест был собственником крупнейшего в Европе промышленного предприятия по изготовлению меди «Рио Тинто», расположенного в Испании.

С утратой Англией к началу XX в. первенства в мировом промышленном производстве значительно сократился экспорт английских фабрично-заводских изделий в страны Европы и США. Так, по данным британского министра колоний Дж. Чемберлена, экспорт в Европу и США в 1870 г. составлял 116 млн ф. ст., к 1900-м гг. он уменьшился до 73 млн ф. ст. [16, ф. 418, оп. 1, д. 3250, л. 41]. Среди многих причин, отмеченных выше, в значительной мере падению английского экспорта способствовала конкуренция со стороны американских товаров, интенсивно проникавших на европейские рынки.

Лучшим доказательством этому служили официальные и, очевидно, достаточно беспристрастные отчеты английских консулов, аккредитованных в ряде европейских государств. По их свидетельствам, английские промышленные изделия, вытесняемые аналогичной продукцией других стран, быстро утрачивали твердое положение на европейских рынках. Наиболее опасными конкурентами Англии являлись Германия и США, причем, по мнению английских консулов, Соединенные Штаты Америки вытесняли изделия совершенством, быстротой и своевременностью исполнения заказов [5, с. 391]. Вот что по этому поводу доносил своему правительству британский консул, аккредитованный во французском городе Ла-Рошель: «В прежние времена... английские производители земледельческих орудий, безусловно, господствовали на ларошельском рынке, не встречая решительно никакой конкуренции. Ныне же почти

вся торговля перешла в американские руки единственно потому, что, внимательно прислушиваясь к потребностям рынка, американцы стали изготавливать орудия, которые будучи значительно более легкими, нежели английские, в то же время нисколько не уступают последним в отношении прочности. Такие машины можно видеть теперь на всех сельскохозяйственных выставках Франции... Таким образом, ловко пользуясь всеми выгодами важного французского рынка, неутомимые американцы угрожают совершенным вытеснением с него английского производства [5, с. 391—392].

В 1900 г. США экспортировали сельскохозяйственных орудий на 16 млн долл., половина этой суммы приходилась на европейские страны. Крупными импортерами американских сельскохозяйственных машин наряду с Францией были Германия, Россия, Швеция и другие страны Европы. Кроме указанных изделий, США широко вывозили горнозаводское оборудование, типографские машины, пишущие машинки, а велосипеды и швейные машины окончательно вытеснили аналогичную продукцию английского производства с германского, французского и итальянского рынков [7, с. 67].

На рубеже XIX—XX вв. в связи с интенсивным развитием отраслей тяжелой промышленности необычайно возросла потребность в угле.

С 90-х годов прошлого века в английской каменноугольной промышленности, издавна занимавшей ведущее положение в экспорте страны и служившей основой железоделательной, сталелитейной, судостроительной и машиностроительной промышленности, произошли существенные изменения. Прежде всего, по сравнению с США производительность труда практически не возросла. Среднегодовая выработка английского шахтера в 1894—1899 гг. равнялась 287 т, американского — 447 т; в 1899—1903 гг. выработка английского углекопа была 289 т, американского — 542 т [1, с. 19]. Это явилось одной из причин, повлекших за собой утрату Великобританией мирового первенства в добыче угля.

Однако, несмотря на утрату Англией мирового первенства в добыче угля, ей удалось сохранить преимущество в мировой угольной торговле. В 1900 г. Великобритании принадлежало 85 % мировой торговли углем [8, с. 96], из них почти 3/4 приходилось на страны Европы.

В начале XX в. США предприняли первые попытки утвердиться на европейском угольном рынке. В 1900 г. на страницах немецкой «Экономической газеты» появились сообщения о доставке в европейские порты американского каменного угля, причем во все возрастающих количествах [3, с. 501]. Проникновению американского угля в Европу в течение 1900—1901 гг. благоприятствовал ряд обстоятельств. Во-первых, вследствие продолжавшейся англо-бурской войны экспортная цена английского угля возрастала значительно быстрее, нежели американского. Во-вторых, экономический кризис 1900 г. привел к сокращению добычи каменного угля в Германии и особенно во Франции. В третьих, положение каменноугольной промышленности еще более осложнило развернувшееся в на-

званных странах мощное забастовочное движение, которое охватило основные угледобывающие и промышленные районы.

Американские углепромышленники не замедлили воспользоваться благоприятно сложившейся для них ситуацией, причем существенную помощь в этом им оказали консулы США, аккредитованные в ряде европейских государств. Они заблаговременно известили о конъюнктуре европейского угольного рынка [10, с. 164]. Многие страны Европы в связи с удорожанием английского каменного угля были заинтересованы в приобретении относительно дешевого американского. В 1900 г. итальянские железные дороги приобрели в США 50 тыс. т угля [3, с. 502]. Примечательно, что когда в октябре того же года один из крупных английских угольных экспортеров Батсон попытался заключить контракт с итальянским правительством на поставку угля для военных кораблей, то получил отказ, так как правительство уже приобрело американский каменный уголь [12, с. 471]. В том же году по заказу французской железной дороги «Париж — Лион — Средиземное море» было доставлено из Филадельфии 75 тыс. т угля [3, с. 502]. Всего в течение года было доставлено из США во французский порт Марсель свыше 200 тыс. т американского угля [11, с. 202]. В Германии, в частности в Саксонии, где была развита фабрично-заводская промышленность, приветствовали появление на европейском рынке дешевого американского угля. А такой солидный торговый дом, как «Август Шмидт» в Лейпциге, даже открыл особое отделение для приема заказов на сбыт американского угля в Германии [3, с. 504].

В конце апреля 1900 г. из Филадельфии в Кронштадт было доставлено 3,500 т антрацита. Это была первая партия угля, предназначенного для балтийских портов России. Английский консул, аккредитованный в австро-венгерском городе Триесте, в своем донесении правительству обратил внимание на доставку туда еще в 1899 г. 10 тыс. т американского угля. Наряду с этим, с 1 мая 1900 г. совместная австро-американская судоходная компания открыла регулярные рейсы между Триестом и американскими портами. Таким образом была налажена доставка из США угля, который потреблялся пароходами упомянутой компании, а также судами «Австрийского Ллойда» и предприятиями города.

Американский каменный уголь успешно проникал не только на французский, итальянский, русский, германский, австрийский, но даже и на британский угольный рынок. Так, еще в 1898 г. в самый разгар стачки углекопов Уэльса фирма доставила из США 2,4 тыс. т угля для одной из крупнейших лондонских пароходных компаний, осуществлявшей рейсы в Южную Африку. Этот уголь обошелся с доставкой к борту судна со всеми накладными расходами значительно дешевле кардиффского угля на месте погрузки и несколько не уступал ему в качественном отношении.

По сообщению американского консула, аккредитованного в английском городе Бирменгеме, в ходе испытаний, проведенных лондонской газовой компанией с целью выяснения газоносных качеств английского и американского угля, выяснилось, что тонна амери-

канского кокса при сжигании давала 15 тыс. куб. фунтов газа, а британского — всего лишь 10 тыс. куб. фунтов. Результаты экспериментов были в пользу применения более калорийного американского угля.

Вследствие этого, начиная с 24 августа 1900 г. по заказу лондонской газовой компании из США прибыло несколько транспортных пенсильванского угля. Кроме того, многие пароходы все чаще стали пополнять необходимые запасы угля для обратных рейсов в Европу в американских портах, что в свою очередь существенно увеличивало объемы американского экспорта.

Всего за 1900 г. в Европу было доставлено 635 237 т американского угля [13, с. 1310]. Соединенные Штаты продолжали поставки угля и в 1901 г. В первой половине года во французский порт Марсель было доставлено 94 622 т угля. В том же году Германия получила свыше 20 тыс. т американского каменного угля. Однако в целом в 1901 г. экспорт американского угля в европейские страны сократился в сравнении с 1900 г на 45 661 т [14, с. 1287], чему в значительной степени способствовали стачечные волнения на антрацитовых шахтах в Пенсильвании.

Анализ экспорта американского каменного угля в Европу за 1900 г. показывает, что он не идет ни в какое сравнение с громадными поставками английского угля. Только за 11 месяцев 1900 г. Великобритания вывезла во Францию 6 969 313 т угля, в Германию — 4 973 634 т, в другие страны Европы 19 млн т [15, с. 654]. Отсюда видно, что Англия продолжала оставаться полной хозяйкой европейского угольного рынка. Тем не менее дебют американского угля в Европе вызвал целую серию дискуссий в английском парламенте о возможной опасности дальнейшего усиления американского угольного экспорта [12, с. 822].

Основной причиной, которая не позволяла США значительно форсировать экспорт каменного угля, являлась малочисленность американского торгового флота. Другой причиной, затруднявшей сбыт угля, были высокие фрахтовые ставки, державшиеся в течение англо-бурской войны.

Таким образом, США формировали торгово-экономические отношения со странами Европы, опираясь прежде всего на свой возрастающий промышленный потенциал, который позволил им постепенно упрочить свои позиции в европейской экономике.

В результате в предвоенные годы сложился своеобразный экономический задел, который был значительно расширен и умножен в период первой мировой войны, вследствие чего США превратились из должника Европы в ее кредитора.

Список литературы: 1. Айзенштадт А. Проблема национальной угольной промышленности в Англии // Мировое хоз-во и мировая политика. 1926. № 7—8. 2. Биржевые ведомости. 3. Сборник консульских донесений. Спб., 1900. Вып. VI. 4. Сборник консульских донесений. Спб., 1898. Вып. III. 5. Сборник консульских донесений. Спб., 1899. Вып. V. 6. Bagwell P. and Mingay O. Britain and American 1850—1939. A study of economic change. London, 1970. 7. Berard V. Britain imperialism and commercial Supremacy. New York, London, 1906. 8. Baszano W. British economic history 1870—1914. Cambridge, 1965. 9. Clark V.

History of manufactures in the United States. Vol. III. 1893—1928. New York, 1929. 10. *Hays S.* The response to industrialism 1895—1914. Chicago, 1957. 11. *House documents.* Commercial Relations of the United States with Foreign countries during the year 1901. Vol. XCII. Washington, 1902. 12. *The parliamentary debates.* Vol. XCIII. London, 1901. 13. *The parliamentary debates.* Vol. XCII. London, 1900. 14. *The parliamentary debates.* Vol. CIII. London, 1902. 15. *The parliamentary debates.* Vol. LXXVI. London, 1900. 16. Центральный государственный архив Военно-Морского флота.

Поступила в редколлегию 24.01.92

А. А. ЧУВПИЛО, канд. ист. наук

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ БОРЬБА В ИНДИЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ КОНГРЕССЕ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1936—1939)

Изучение истории национально-освободительного движения народов Индостана трудно представить без анализа внутрипартийной борьбы в Индийском национальном конгрессе (ИНК) в предвоенные годы, когда ведущая оппозиционная политическая организация крупнейшей британской колонии, которую поддерживало большинство населения страны, вносила коррективы в свою программу и тактику, пытаясь выйти из глубокого кризиса [о Конгрессе подробно см.: 3; 8; 17]. В результате возникли довольно острые противоречия в рядах конгрессистов по вопросу выработки нового политического курса партии, а также определения форм и методов достижения независимости.

Позиции умеренных и правых деятелей, преобладавших в руководящих органах ИНК и определявших его политику в первой половине 30-х годов, после неудачно проведенных кампаний гражданского неповиновения в 1930—1934 гг. оказались во многом подорванными; они теперь всячески стремились избегать активной борьбы с колонизаторами, акцентируя внимание в основном на безопасной деятельности внутри реформированных законодательных органов. Наоборот, левое крыло, хотя и представленное разнородными группами, в идейном и организационном отношении слабо связанными друг с другом (Конгресс-социалистическая партия — КСП, Лига радикальных конгрессистов, коммунисты, окружение Дж. Неру и С. Ч. Боса и др.), со второй половины 30-х годов стало оказывать весьма заметное воздействие на формирование конгрессистской политики. В начале 1936 г. один из его популярнейших лидеров Дж. Неру был избран президентом партии [см. подробно: 6, с. 326—327].

Выступив с большой речью на сессии в Лакхнау (12—14 апреля 1936 г.), он пришел к выводу, что в результате кризисных явлений, возникших в Конгрессе, партия оторвалась от народа, почти утратила все связи с ним. Оратор признал необходимым произвести социальную переориентацию ИНК в сторону выражения им интересов простых людей. Он заявил, что достижение независимости должно создать лишь необходимые предпосылки для проведения глубоких социально-экономических преобразований. Дж. Неру так-

же предложил произвести радикальную перестройку конгресси-ской организации, выступил инициатором коллективного присоединения массовых организаций трудящихся к Конгрессу, высказался против вхождения конгресси-стов в легислатуры и за превращение ИНК в орган единого антиимпериалистического национального фронта [см. подробно: 13].

Однако среди делегатов сессии, в значительной степени отобран-ных прежним правым руководством, преобладали конгресси-сты с консервативным образом мышления, боявшиеся таких резких перемен и не желавшие серьезных преобразований в умеренном политическом курсе и программных установках партии. Они откло-нили большинство резолюций, предложенных президентом и его сторонниками, но проголосовали за резолюцию представителей правого крыла, санкционировавшую участие конгресси-стов в про-водимых властями выборах в провинциальные законодательные органы [9, с. 54—55; 12, с. 305; 17, т. 2, с. 10].

Добившись успеха в Лакхнау, правые затем повели борьбу за возвращение былого влияния и постов в ИНК, надеясь помешать Дж. Неру провести в жизнь намеченные им преобразования. Острые противоречия возникли уже при назначении членов Рабочего комитета нового состава. Следуя установленному в 1934 г. порядку, президент мог назначить его по своему усмотрению, не советуясь ни с кем [11, с. 167]. Но консерваторов в рядах ИНК совсем не устраивала перспектива иметь наряду с левым президентом еще и высший исполнительный орган, состоящий из левых, ибо это означало фактическое отстранение их от власти. Поэтому заручившись поддержкой М. К. Ганди, вышедшего к тому времени из Конгресса, но сохранившего огромное влияние на его членов, они после долгих споров навязали Дж. Неру компромиссное решение: он мог кроме себя включить в состав Рабочего комитета еще четверых левых, а десять назначали правые [см. подробно: 10, с. 556].

Такой пестрый состав Рабочего комитета с самого начала его деятельности предопределил неизбежность острой политической борьбы. Обсуждение большинства вопросов порождало сильные разногласия. Каждая из сторон отличалась неуступчивостью и стремлением настоять на своем. Наибольшее раздражение у правых вызывало стремление президента и его сторонников решительно сместить акценты в деятельности Конгресса, обратив особое внимание на социально-экономические вопросы, а также добиться вхождения в ИНК массовых организаций рабочих и крестьян [16, с. 429]. Левые же возражали против настойчивых попыток правых сосредоточить все силы партии на предвыборной борьбе. Из-за разногласий нельзя было решить ни одну проблему. Все попытки Дж. Неру добиться нормального функционирования исполкома заканчивались неудачей, и он стал серьезно подумывать об уходе с поста главы Национального конгресса [см.: 1, с. 627—628].

В июне 1936 г. противоречия достигли своей кульминации, и сразу шесть представителей правого крыла отказались участвовать

в работе Рабочего комитета. Свой демарш они мотивировали отсутствием единства среди его членов [16, с. 429]. Но подлинная причина происшедшего определялась стремлением запугать президента расколом партии, сделав его более сговорчивым. Действительно, Дж. Неру вместе с подключившимся М. К. Ганди уговорили пятерых правых остаться, пообещав решать все вопросы большинством голосов. Достигнутый компромисс вполне удовлетворил правых, но вызвал разногласия в стане левого крыла. О своем выходе из Рабочего комитета объявил один из самых активных его деятелей Дж. Нарайян. Дж. Неру стали обвинять в капитуляции и нежелании бороться за провозглашенные им идеалы. Оправдания еще более усиливали критику в его адрес [16, с. 428—429; 17, т. 2, с. 25]. Поэтому в письме к М. К. Ганди Дж. Неру известил о своем решении уйти в отставку с высшего партийного поста, лишив себя даже той призрачной власти, которой все еще располагал [1, с. 628].

Правые прекрасно представляли, к каким непредсказуемым последствиям для них может привести скандал, связанный с уходом Дж. Неру, чья кандидатура пользовалась безоговорочной поддержкой фактически всего Конгресса. Поэтому они дали обязательство не препятствовать президенту в его деятельности и обещание всячески избегать разногласий и ссор внутри Рабочего комитета. Поначалу Дж. Неру не поддавался уговорам, однако, получив заверение от М. К. Ганди и своих коллег по Рабочему комитету, что последнее слово всегда будет оставаться за ним, заколебался. Последним аргументом в пользу того, чтобы глава ИНК остался на своем посту, стал мятеж Ф. Франко в Испании 18 июля 1936 г. По словам Дж. Неру, он не мог решиться ослабить партию и своим уходом создать внутренний кризис в такой час, когда конгрессисты должны сплотить свои ряды [см.: 1, с. 628].

Получив относительную свободу действий, Дж. Неру с головой окунулся в политическую борьбу. Преодолевая продолжавшееся сопротивление правых, теперь большей частью скрытое, он использовал практически все возможности для возвращения Конгрессу былого влияния в народе и утверждения его в качестве ведущей политической силы страны. В частности, под руководством Дж. Неру и при его непосредственном участии был разработан и принят Всеиндийским комитетом Конгресса (ВИКК) на заседании 22—23 августа 1936 г. предвыборный манифест ИНК, в котором нашли отражение ряд глубоко прогрессивных общедемократических положений, призванных способствовать развитию прогрессивных тенденций в освободительном движении [16, с. 433—434; 17, т. 2, с. 24]. Осенью 1936 г. президент и его единомышленники развернули агитационно-пропагандистскую кампанию, добиваясь единства всех антиколониальных течений, сплочения их вокруг ИНК, установления сотрудничества с организациями трудящихся, изоляции проанглийских партий [1, с. 629—630].

На сессии ИНК в Файзпуре (декабрь 1936 г.) Дж. Неру по рекомендации М. К. Ганди опять стал президентом, получив поддержку подавляющего большинства членов партии. Правые в про-

тивовес ему попытались выдвинуть кандидатуру В. Пателя, но тот, видя, что победить Дж. Неру у него практически нет шансов, отказался участвовать в выборах, призвав конгрессистов голосовать за своего противника [17, т. 2, с. 32]. Обращаясь к делегатам, президент указал на рост опасности фашизма в Европе и высказался за создание в Индии демократического государства, где власть будет принадлежать народу [подробно см.: 5, с. 386—389]. Сессия по его настоянию приняла ряд прогрессивных документов, в том числе впервые в истории ИНК аграрную программу, в которой нашли отражение требования крестьян о защите их от произвола помещиков и ростовщиков и установлении справедливых арендных отношений [4, с. 28—29].

В феврале 1937 г. состоялись выборы в местные легислатуры, на которых Конгресс одержал убедительную победу в семи провинциях из одиннадцати [подробно см.: 11, с. 162; 12, с. 305—306; 15, с. 327—328]. Успех конгрессистов вызвал обострение внутрипартийных противоречий, поскольку правые и левые по-разному понимали функции депутатов ИНК в законодательных органах. Считая необходимым перенести в них центр деятельности партии, правые выступили яркими сторонниками принятия депутатами-конгрессистами министерских постов и создания ими в семи провинциях своих правительств. Левые выступили категорически против вхождения в местные правительства, доказывая, что это приведет к сотрудничеству ИНК с властями и невыполнению им предвыборного обязательства — войти в законодательные органы для борьбы за созыв Учредительного собрания, целью которого будет принятие конституции независимого индийского государства. Наибольшую активность проявляли Дж. Неру и руководители КСП, доказывавшие, что местные правительства никак не смогут решить кардинальных проблем Индии и даже провинций, так как встретят противодействие губернаторов, обладавших правом вето на решения легислатур и постановления министров [7, с. 281].

На заседании ВИККа в Дели 17—18 марта 1937 г. между сторонниками и противниками принятия министерских постов развернулись острые дебаты. Обе стороны обвиняли друг друга в отступлении от принятых ранее Конгрессом решений [подробно см.: 18, 1937, 18—20 марта; 20, 1937, 18—20 марта]. В этой обстановке М. К. Ганди предложил компромиссную резолюцию о возможности принятия постов конгрессистами при условии, что губернаторы дадут обязательство не вмешиваться в деятельность провинциальных правительств [см.: 5, с. 392—393]. Важнейшие ее положения подверглись резкой критике со стороны левого крыла, требовавшего принятия четкой формулировки о безусловном отказе членов ИНК занимать какие-либо министерские должности. При голосовании резолюция М. К. Ганди была принята 127 голосами против 70. В знак протеста лидеры КСП Н. Дев, Дж. Нарайян и А. Патвардхан вышли из состава Рабочего комитета, а их сторонники оставили ВИКК [9, с. 55—58]. Что касается Дж. Неру, то он, проголосовав против резолюции М. К. Ганди, не стал предпринимать

никаких дальнейших шагов, чтобы не усиливать внутривнутрипартийный кризис. Однако он тогда принял твердое решение не выставлять свою кандидатуру на третий срок для баллотирования на должность президента Национального конгресса [1, с. 633].

Несмотря на то, что власти не дали положительного ответа на решение ВИККА, Рабочий комитет 7 июля 1937 г. принял резолюцию о формировании конгрессистами в семи провинциях своих правительств [см.: 4, с. 573—574]. ИНК с этого времени оказался настолько поглощенным парламентской деятельностью, что даже не смог в 1937 г. провести свою ежегодную сессию [10, с. 577]. Дж. Неру и его сторонники стали опасаться, что чрезмерное увлечение этой деятельностью приведет к превращению партии в организацию для проведения избирательных кампаний [1, с. 631]. К тому же провинциальные кабинеты, куда входили в основном правые деятели, став на путь сотрудничества с колонизаторами, вызвали огромное недовольство конгрессистов и народа, что привело к резкому падению популярности правых лидеров и росту влияния левого крыла. Свидетельством этого явилось почти единогласное избрание в январе 1938 г. президентом ИНК С. Ч. Боса, самого решительно настроенного представителя левых, выступавшего за развертывание массового антиколонизального движения [6, с. 331; 7, с. 166]. Уже на сессии в Харипуре 19 февраля 1938 г. он призвал ИНК отказаться от реформизма и конституционализма, а использовать любую возможность для подготовки к кампании гражданского неповиновения, целью которой должно стать завоевание Индией полной независимости [14, с. 303—326; 18, 1938, 20—22 янв.]

Растущее влияние левого крыла, призывы С. Ч. Боса к решительным действиям в борьбе за независимость послужили новым толчком к обострению противоречий в ИНК весной и летом 1938 г. Они стали достоянием широкой общественности 8 июля 1938 г. когда президент обратился к народу с обращением, в котором резко протестовал против готовившейся правыми закулисной сделки с английскими правящими кругами и угрожал немедленно оставить свой пост, чтобы посвятить себя целиком борьбе против нее [см.: 14, с. 222; 19, 1938, 9, 10 июля]. Сторонники заключения очередного компромисса с колонизаторами вынуждены были отказаться от своих замыслов, но стали оказывать активнейшее противодействие политике С. Ч. Боса на заседаниях руководящих конгрессистских органов. Так, весьма чувствительное поражение он потерпел на заседании Рабочего комитета в Дели 24—26 сентября 1938 г., не добившись принятия им решения о развертывании Конгрессом массового движения в случае вовлечения Индии в войну [см.: 7, с. 268; 20, 1938, 25—28 сент.].

В конце 1938 г. правое крыло выступило против содержавшегося в так называемом «Плане действий» предложения С. Ч. Боса предъявить английскому правительству ультиматум о предоставлении индийскому народу независимости и развернуть кампанию гражданского неповиновения в случае отказа удовлетворить его [2,

с. 363]. Боясь принятия Конгрессом «Плана действий», правые резко возражали против выдвижения кандидатуры С. Ч. Боса еще на один президентский срок. В противовес ему они сначала выдвинули кандидатуру А. К. Азада, а затем Б. П. Ситарамая [7, с. 268; 11, с. 295]. Дискуссия о личности президента, развернувшаяся среди конгрессистов в конце 1938 — начале 1939 г., приобрела для ИНК принципиальное значение и проходила в обстановке острейших разногласий. Все попытки правого крыла привлечь большинство конгрессистов на свою сторону не увенчались успехом. Но во время выборов 29 января 1939 г. победил С. Ч. Бос, набрав 1 580 голосов, а его противник Б. П. Ситарамая — 1 375 [см. подробно: 14, с. 80—85; 20, 1939, 30, 31 янв.]. Все же в состав Рабочего комитета кроме С. Ч. Боса, его брата Сарата и Дж. Неру вошли 12 правых, которые 22 февраля 1939 г. подали в отставку, требуя создать однородный по составу исполком. Положение усугубилось болезнью президента и наличием существенных расхождений в стане левого крыла [11, с. 298].

На сессии в Трипуре (10—12 марта 1939 г.) правые, воспользовавшись отсутствием С. Ч. Боса и разногласиями среди левых, перешли в решительное наступление. Сначала они выступили против предъявления ультиматума колонизаторам, на чем настаивал С. Ч. Бос в своей речи, прочитанной его братом Саратом, и добились поддержки большинства. Затем представитель правого крыла Г. В. Пант внес резолюцию, прямо направленную на ограничение политической деятельности левых сил. Смысл предлагаемого Г. В. Пантом сводился к тому, чтобы президент ИНК назначил новых членов Рабочего комитета, руководствуясь пожеланиями М. К. Ганди. Здесь в самый критический момент левое крыло оказалось расколотым. Так, его самая многочисленная группировка в лице КСП отказалась от поддержки С. Ч. Боса, объявив о своем нейтралитете. При голосовании правые одержали победу [см.: 7, с. 273; 9, с. 60; 14, с. 228—229].

Принятие резолюции Г. В. Панта привело к явному смещению в общей расстановке сил в партии, поскольку правые могли беспрепятственно удалять из ее руководящих органов всех неугодных деятелей, прикрываясь именем М. К. Ганди. Левые лишились возможности сохранить свои позиции не только в Рабочем комитете, но и в партийном аппарате ИНК, где они приобрели к тому времени уже немалое влияние. Постепенно правое крыло обрело достаточную силу, чтобы вернуть все утраченные позиции в Конгрессе и его многочисленных организациях. Уже на заседании ВИККа в Калькутте 29—30 апреля 1939 г., где С. Ч. Бос заявил об уходе с поста президента, большинство членов ВИККа выразили полное доверие одному из лидеров правого крыла Р. Прасаду, избрав его очередным главой ИНК на годичный срок. 1 мая президент назначил Рабочий комитет, включив туда правых деятелей [6, с. 333; 10, с. 584—585].

Уйдя в отставку с поста президента, С. Ч. Бос объявил 3 мая 1939 г. об образовании внутри Конгресса новой левой организации,

названной им «Форвард блок» [см.: 19, 1939, 4, 5 мая; 20, 1939, 4, 5 мая]. В нее могли войти только конгрессисты левой ориентации на основе индивидуального членства. Их главными задачами провозглашались борьба с консервативными силами в ИНК, завоевание в нем решающего влияния и превращение партии в орган единого антиколониального фронта с целью последующего развертывания массовой борьбы за независимость. «Форвард блок» в своей деятельности должен был руководствоваться программой ИНК, противодействуя политике правых лидеров. С. Ч. Бос не смог сформулировать идейно-политическую платформу, которая могла бы стать основой для объединения левых групп. Поэтому они расценили образование новой организации как очередной виток борьбы за власть и поначалу отказались присоединиться к ней [см.: 14, с. 103, 234; 16, с. 462, 465—467].

Однако после длительных переговоров между руководителями левых групп на конференции в Бомбее 22—23 июня 1939 г. было принято решение о создании Левого консолидационного комитета (ЛКК). В него вошли представители «Форвард блока», КСП, КПИ, Лиги радикальных конгрессистов, левого крыла профсоюзов и Всеиндийского крестьянского союза. Целью левой консолидации провозглашалось завоевание независимости и создание суверенного индийского государства. В резолюции, принятой конференцией, указывалось на необходимость подготовки населения страны к выступлению против колонизаторов, чтобы извлечь выгоду из ухудшавшейся международной обстановки и предстоящих военных затруднений метрополии. С образованием ЛКК левые группы сохраняли свою самостоятельность и полную свободу действий, выступая каждая со своей платформой. Решения комитета являлись обязательными к выполнению только в случае единогласного принятия представителями всех групп [6, с. 404; 14, с. 104; 16, с. 468—469]. Тем самым ЛКК по существу превращался в совещательный орган с явно ограниченными возможностями.

Сразу же после образования ЛКК Рабочий комитет созвал в Бомбее заседание ВИКККа, на котором были приняты предложенные исполкомом две резолюции об изменениях в конституции ИНК, прямо направленные на значительное ограничение деятельности левых конгрессистов. Первая резолюция запрещала членам Конгресса принимать участие во всех видах сатяграх без предварительной санкции провинциального комитета партии. Поскольку подавляющее большинство сатяграх проводилось в сельской местности, то левые расценили ее как серьезную попытку помешать им участвовать в крестьянском движении. Вторая резолюция предоставляла неограниченные полномочия местным правительствам, где доминировали правые, для решения всех вопросов жизни провинций, в том числе и вопросов подавления рабочего и крестьянского движения. Внесение таких изменений в партийную конституцию аргументировалось увеличением значения парламентской деятельности [10, с. 586—587; 17, т. 2, с. 114—115].

В ответ ЛКК 9 июля 1939 г. провел всеиндийский День протеста

против Бомбейских решений ВИККа и организовал массовые митинги и демонстрации с требованием об их отмене [16, с. 470]. Поскольку Р. Прасад категорически запретил конгрессистам принимать в них участие, то Рабочий комитет, заседавший в Вардхе 11 августа 1939 г., снял С. Ч. Боса с поста президента Бенгальского провинциального комитета ИНК и лишил его права занимать любую выборную руководящую должность в высших партийных органах в течение трех лет, начиная с августа 1939 г. Различные дисциплинарные взыскания были наложены и на других левых конгрессистов [6, с. 404—406; 10, с. 590—591; 14, с. 104—105, 236—237]. Затем правое крыло начало широкомасштабное наступление в центре и во всех провинциальных организациях, пытаясь сместить радикальных деятелей со всех наиболее важных партийных постов [6, с. 406]. С началом второй мировой войны, в которую Индия была втянута 3 сентября 1939 г. без согласия ее народа простым объявлением вице-короля лорда Линлитгоу, политическая борьба в ИНК еще более обострилась [см.: 6, с. 405—407; 10, с. 596—600; 16, с. 485—511]. Однако эта проблема не рассматривается в данной статье.

Таким образом, к началу второй мировой войны в Индийском национальном конгрессе после длительной борьбы в очередной раз возобладали умеренные и правые деятели, отдававшие предпочтение конституционным формам достижения независимости. Левое крыло, пытавшееся реанимировать массовое движение, хотя и пользовалось значительной поддержкой конгрессистов в 1936—1938 гг., потерпело поражение и было отстранено от власти. Несмотря на то, что политический курс ИНК накануне второй мировой войны отличался крайней противоречивостью, затрудняющей дать всесторонний анализ причин неудачи левых сил, все же можно выделить важнейшие из них. Это неоднородность левых, мешавшая достижению подлинного единства в их рядах; отсутствие такой идейно-политической платформы, которая могла бы объединить разрозненные радикальные группировки; наличие глубоких разногласий между их руководителями, преследовавших зачастую свои узкокорыстные цели и интересы; усталость и апатия, охватившие конгрессистов после кампаний гражданского неповиновения, которые породили у многих из них нежелание больше участвовать в каких-либо массовых акциях, грозящих репрессиями со стороны властей, и стремление к безопасной деятельности внутри легислатур; низкий общеобразовательный и идейно-теоретический уровень подавляющего большинства членов ИНК, дававший возможность правым искусно манипулировать общественным мнением, опираясь на колоссальный авторитет М. К. Ганди; единство и сплоченность правого крыла; огромный политический опыт и мастерство В. Пателя, Р. Прасада и других ветеранов освободительного движения, сохранивших традиционное влияние в руководящих конгрессистских структурах и поддержку значительной части партийных масс.

Список литературы: 1. *Неру Дж.* Автобиография. М., 1955. 2. *Новейшая история Индии.* М., 1959. 3. *Constitution of the Indian National Congress.* Alla-

habad, 1925. 4. *India's struggle for freedom: Select Documents and Sources*. Delhi, 1962. Vol. 1. 5. *Speeches and documents on the Indian constitution 1921—1947*. Bombay, 1957. Vol. 1. 6. *Bose S. C. The Indian struggle, 1920—1942*. Calcutta, 1964. 7. *Gordon L. A. Bengal: The nationalist movement 1876—1940*. New York, 1974. 8. *Kaushik P. D. The Congress ideology and programme 1920—1947*. Bombay, 1964. 9. *Lakhanpal P. L. History of the Congress Socialist Party*. Lahore, 1946. 10. *Majumdar R. C. History of the freedom movement in India*. Calcutta, 1963. Vol. 3. 11. *Majumdar S. K. Jinnah and Gandhi*. Calcutta, 1966. 12. *Moore R. C. The crisis of Indian unity 1917—1940*. Delhi, 1974. 13. *Nehru J. Presidential Address, Forty-ninth Congress*. Lucknow, April, 1936. Lucknow, 1936. 14. *Netaji. His life and work*. Agra, 1948. 15. *Rai G. Congress struggle*. Lahore, 1946. 16. *Sinha L. P. The left wing in India (1919—1947)*. Muzaffarpur, 1965. 17. *Sitaramayya B. P. The History of the Indian National Congress*. Bombay, 1947. Vol. 1—2. 18. *The Bombay Chronicle*. 19. *The Manchester Guardian*. 20. *The Times*.

Поступила в редколлегию 20.01.92

Ю. И. ЖУРАВСКИЙ, канд. ист. наук,

Б. П. ЗАЙЦЕВ, канд. ист. наук,

С. М. КУДЕЛКО, канд. ист. наук,

С. И. ПОСОХОВ

МАТЕРИАЛЫ К БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКОМУ СЛОВАРИЮ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ХАРЬКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (1933—1992) *

Ковтун Федор Федорович (1901—1940), кандидат исторических наук, доцент. В 1917—1921 гг. обучался в учительской семинарии в г. Лубны. В 1921—1923 гг. — инструктор внешкольного образования Лубенского округа. В 1923—1924 гг. — преподаватель истории в сельской школе (с. Яблуневое). С 1924 по 1928 гг. обучался в ХИНО, а с 1929 по 1932 гг. — в Научно-исследовательском институте истории Украинской культуры. В 1932—1933 гг. работал в ХАДИ. В 1932—1935 гг. — аспирант, доцент института журналистики. С 1934 г. — доцент пединститута, работает в университете. С 1935 г. — преподаватель истории СССР на экономическом факультете ХГУ. Кандидатская диссертация — «Крестьянское движение в Харьковской губернии в 1861—1863 гг.» (1940), в том же году утвержден ВАК в ученое звание доцента. В различных вузах Харькова преподавал историю СССР, историю классовой борьбы и др. В 1929—1932 гг., работая в институте журналистики, разрабатывал проблему «Крестьянство и крестьянская борьба в украинской историографии XIX—XX вв.»

Козлитин Владимир Дмитриевич (1951 г. рожд.), кандидат исторических наук, преподаватель. В 1973 г. окончил исторический факультет ХГУ. В 1973—1979 гг. работал в средних школах Харькова и Курской области (учитель истории и обществоведения, директор). В 1979—1982 гг. работал преподавателем истории СССР на подготовительном факультете Харьковского пединститута. В 1982—1986 гг. — аспирант кафедры новой и новейшей истории ХГУ. В 1986 г. защитил кандидатскую диссертацию «Югославо-советские культурные связи. 1917—1941 гг.». С 1986 г. преподаватель кафедры новой и новейшей истории ХГУ. Читает курсы «Новая и новейшая история стран Азии и Африки», «История стран Европы и Америки в 1918—1945 гг.». Параллельно преподавал курс новейшей истории стран Европы и Америки, а также курс истории художественной самодеятельности в Харьковском институте культуры. Автор более 10 научных, научно-популярных и методических публикаций.

* Окончание. Начало см.: Вестник Харьковского университета. 1992. Вып. 26. Материалы отражают состояние преподавательского корпуса на начало 1992 г.

Колесник Николай Кириллович (1915—1970), кандидат исторических наук, доцент. Окончил исторический факультет ХГУ в 1941 г. Участник Великой Отечественной войны. С 1948 по 1970 год работал на историческом факультете ХГУ. В 1950 г. закончил аспирантуру и в 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию «Борьба за восстановление Радянской власти на Україні (листопад 1919 — травень 1920 рр.)». Автор более 60 научных и научно-популярных работ. Среди них монография «Відновлення і зміцнення Радянської влади на Україні у 1919—1920 рр.» (Х., 1958). Читал общие и специальные курсы по истории СССР и истории Украины. Имел правительственные награды.

Коломийцева Евгения Николаевна (1943 г. рожд.), преподаватель. Окончила исторический факультет Харьковского университета в 1968 г. С 1967 по 1986 г. работала методистом, зав. отделом краеведения Харьковского областного Дворца пионеров им. П. П. Постышева. С 1988 по 1991 г. — учитель истории средней школы № 147. Параллельно с 1974 по 1987 г. читала курсы по истории СССР на подготовительном отделении ХГУ. С 1991 г. — преподаватель кафедры историографии, источниковедения и археологии ХГУ. Преподает курс отечественной истории на подготовительном отделении. Организатор и первый директор этнографического музея Дворца пионеров. Награждена Почетным знаком ЦК ВЛКСМ «За отличную работу в школе». Имеет публикации по методике краеведческой работы.

Короливский Степан Мефодиевич (1904—1977), доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии УССР. Участник Великой Отечественной войны. В 1918—1922 гг. учился в Павлоградской учительской семинарии, затем в Павлоградской педагогической школе им. Т. Г. Шевченко. С 1923 по 1927 г. был студентом социально-исторического отделения факультета профессионального образования Харьковского института народного образования. В 1922—1923 гг. — учитель в 7-летней школе с. Петропавловка Днепропетровской области. В 1927—1928 гг. — слушатель семинара повышного типа по истории Украины при ХИНО. Затем преподавал обществоведение в школе ФЗО завода «Серп и Молот» в Харькове (1927—1929). В 1928—1929 гг. — аспирант сектора истории Украины Научно-исследовательского института истории украинской культуры (Харьков). Был ученым секретарем этого института. В 1928—1933 гг. — преподаватель, доцент, профессор кафедры истории СССР и Украины в ХИНО, в институте профессионального образования, в Харьковском университете. В 1931—1933 гг. — научный сотрудник, ст. научный сотрудник, зав. сектором истории пролетарской революции на Украине, зам. директора по научной работе в Научно-исследовательском институте истории украинской культуры. В 1934—1939 гг. занимался упорядочением архивных фондов государственных учреждений в Харькове, был инструктором-методистом по истории в методическом кабинете Харьковского отдела народного образования, учителем средних школ № 21, 23 и 125 Харькова. В 1938—1941 гг. — и. о. доцента кафедры истории СССР и УССР ХГУ. В 1941—1942 гг. — и. о. доцента кафедры истории СССР и УССР Объединенного украинского государственного университета в Кызыл-Орде (Казахстан). В 1942—1943 гг. в рядах Советской Армии. В 1944 г. защитил кандидатскую диссертацию «Харківський державний університет за роки Радянської влади (1917—1940)». В 1944—1945 гг. — и. о. доцента, доцент кафедры истории СССР и УССР в ХГУ. С 1945 по 1957 г. — зав. кафедрой истории СССР и истории УССР ХГУ, а с 1957 г. — зав. кафедрой истории СССР там же (по 1977 г.). В 1946—1968 гг. — ст. научный сотрудник, редактор-консультант ЦГАОР УССР. В 1970 г. утвержден в степени доктора исторических наук по совокупности трудов по теме «Вопросы истории и археологии Великой Октябрьской социалистической революции на Украине». С. М. Короливский — автор более 200 научных, научно-популярных и методических работ. (См.: «Степан Мефодійович Королівський. Бібліографічний покажчик». Х., 1972). Среди них монографии, разделы в коллективных трудах, статьи в энциклопедических изданиях и др. Например: «Перший з'їзд Рад України», «Перша Всеукраїнська селянська конференція», «Перемога Великої Жовтневої соціалістичної революції на Україні» в 2-х томах (в соавторстве). За эту работу ему в 1969 г. была присуждена

Государственная премия УССР. С. М. Короливский был членом редколлегий «Ученых записок Харьковского государственного университета. Трудов исторического факультета», членом редколлегий «Українського історичного журналу», редколлегий журнала «Научные доклады высшей школы» (серия «исторические науки»), редколлегий «Вестника Харьковского университета» (серия «история»), ответственным редактором республиканского межведомственного научного сборника «Питання історії народів СРСР». Входил в состав главной редколлегии издания «История городов и сел Украинской ССР» в 26-ти томах и в редколлегии издания «Радянська енциклопедія історії України» в 4-х томах. Под редакцией С. М. Короливского вышло большое число монографий и археографических сборников. Под его научным руководством защищено около 15 кандидатских диссертаций. Он был членом специализированного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций. Удостоен правительственных наград. За большие заслуги в подготовке специалистов и в развитии науки награжден орденом Ленина.

Костенко Иван Михайлович (1904 — погиб в годы Великой Отечественной войны). Окончил в 1927 г. социально-экономический факультет Полтавского института народного образования. В 1934 г. окончил исторический факультет ХГУ. Преподавал историю в школе. С 1938 г. обучался в аспирантуре. С 1939 г. — ассистент кафедры истории СССР и Украины литературного факультета ХГУ. Преподавал историю СССР. В 1939 г. — политрук окружного военного госпиталя.

Кравченко Владимир Васильевич (1957 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1980 г. окончил исторический факультет Харьковского государственного университета. В 1980—1981 г. работал учителем истории Дергачевской средней школы № 1 Харьковской области. В 1981—1984 гг. учился в аспирантуре при кафедре истории Украинской ССР ХГУ. С 1984 г. — преподаватель, доцент этой кафедры. Читает общий курс по истории Украины, спецкурс «История родного края», ведет спецсеминар по истории украинской культуры XIX в. В 1986 г. защитил кандидатскую диссертацию «Д. И. Багалей и его вклад в изучение отечественной истории». В настоящее время работает в области историографии истории Украины первой половины XIX в. Опубликовал около 20 работ, в том числе монографию «Д. И. Багалей: научная и общественно-политическая деятельность» (1990).

Кубланов Борис Григорьевич (1905 — год смерти не установлен), доцент. В 1919—1927 гг. — рабочий. В 1929 г. — курсант РККА. В 1930 г. — токарь ХПЗ, в 1932 г. — рабочий завода «Серп и Молот». С 1931 по 1933 г. учился в Харьковском механико-математическом институте (образование не завершил), с 1933 по 1936 г. обучался в ХГУ. Получил специальность преподавателя социально-экономических дисциплин. В 1936—1937 гг. — помощник декана историко-литературного факультета. В 1936 г. — аспирант, а с 1937 г. — преподаватель ХГУ, доцент кафедры диалектического материализма (преподавал философию на историческом факультете), одновременно исполнял обязанности редактора многотиражной газеты ХГУ «За більшовицькі кадри». В 1939 г. направлен на работу преподавателем во Львовский университет.

Куделко Сергей Михайлович (1951 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1974 г. окончил исторический факультет ХГУ. С 1974 г. — преподаватель, доцент кафедры историографии, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Читал общие курсы по историографии, источниковедению, методам исторического исследования, музееведению, исторической географии, на подготовительном отделении ХГУ — по истории СССР, спецкурсы «Вспомогательные исторические дисциплины», «Методы источниковедческого анализа», «Методика краеведческой и музейной работы в школе» и другие, параллельно — курсы новейшей истории стран Европы и Америки, истории СССР, краеведения, специальных исторических дисциплин в Харьковском педагогическом

институте им. Г. С. Сковороды и Харьковском институте культуры. Автор более 100 научных, научно-популярных и методических работ (псевдонимы — С. Метельский и др.). В 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию «Построение материально-технической базы социализма в СССР (промышленное производство): Современная советская историография». Лауреат Всесоюзного конкурса молодых ученых и специалистов по общественным наукам (1985). Член специализированного совета. С 1991 г. — зам. декана по научной работе.

Курякин Виктор Васильевич (1941 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1965 г. окончил историко-филологический факультет Мурманского педагогического института. В 1965—1968 гг. — учитель истории вечерней средней школы, инструктор Мурманского горкома комсомола. С 1968 по 1985 г. — преподаватель кафедры истории Мурманского пединститута, аспирант Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. В 1985—1988 гг. — доцент кафедры истории КПСС Харьковского института радиоэлектроники им. академика М. К. Янгеля. С 1988 г. — доцент кафедры новой и новейшей истории Харьковского университета. Преподает историю нового времени, новейшую историю стран Азии и Африки, спецкурс «Американо-английские отношения в Европе в конце XIX — начале XX веков». В 1978 г. защитил кандидатскую диссертацию «Американо-английские отношения в европейском регионе в 1898—1904 гг.». Опубликовал свыше 10 научных и методических работ.

Кучер Александр Емельянович (1923 г. рожд.), доктор исторических наук, профессор. Участник Великой Отечественной войны. Окончил ХГУ в 1953 г. В 1953—1956 гг. обучался в аспирантуре при кафедре истории СССР. С 1956 г. — преподаватель, старший преподаватель, доцент, профессор, а с 1977 г. — заведующий кафедрой истории СССР (с 1991 г. — кафедра истории народов России и Советского государства). Читает общий курс истории СССР, спецкурсы, руководит научным семинаром. В 1958 г. защитил кандидатскую диссертацию «Борьба рабочего класса за восстановление тяжелой промышленности Украины (1923—1925 гг.)», а в 1973 г. защитил докторскую диссертацию «Разгром вооруженной внутренней контрреволюции на Украине в 1921—1923 годах». Опубликовал монографии «Борьба рабочих Украины за восстановление тяжелой промышленности после гражданской войны» (1959), «Разгром вооруженной контрреволюции на Украине» (1971), а также был соавтором ряда коллективных исследований. Опубликовал более 100 научных, научно-популярных и методических работ. Под научным руководством А. Е. Кучера подготовлено 10 кандидатских диссертаций. Редактор республиканского сборника «Вопросы истории СССР», член редколлегии «Вестника Харьковского университета» (серия «история») и редколлегии «Українського історичного журналу». Член специализированного совета. Имеет правительственные награды.

Лантух Валерий Васильевич (1950 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. Окончил исторический факультет Харьковского университета в 1972 г. В 1972—1974 гг. обучался в аспирантуре при кафедре истории СССР ХГУ. С 1974 г. — преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедры истории СССР (с 1991 г. — кафедра истории народов России и Советского государства). Читает общие и специальные курсы, ведет научные семинары по истории СССР (советский период). Параллельно преподавал курс истории СССР в Харьковском институте культуры. В 1976 г. защитил кандидатскую диссертацию «Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (июнь 1917 года)». В настоящее время работает над проблемой «Становление и развитие советской торговли на Украине в 1921—1932 гг.». Опубликовал свыше 20 работ. Принимал участие в написании книги «Харьковский государственный университет. 1805—1980. Исторический очерк» (1980 г.). Был членом специализированного совета.

Латышева (Устинова) Валерия Александровна (1934 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. Окончила исторический факультет Харьковского университета в 1957 г. В 1957—1958 гг. работала учителем истории

средней школы рабочей молодежи № 3 Харькова. С 1958 по 1961 г. — лаборант кафедры истории КПСС Харьковского политехнического института. С 1961 г. по настоящее время работает в Харьковском университете: лаборантом, преподавателем, доцентом кафедры истории древнего мира и средних веков. Читает общий курс истории Древней Греции и Рима и спецкурсы «История античного искусства», «Античное источниковедение». Руководила археологическими экспедициями в Крыму. В 1970 г. защитила кандидатскую диссертацию «Особенности исторического развития Боспора на рубеже нашей эры». В настоящее время работает над проблемой «Северное Причерноморье в античную эпоху». Автор около 50 научных, научно-популярных и методических публикаций.

Литвиненко Мария Антоновна (1921 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. Окончила исторический факультет Ленинградского университета в 1946 г. С 1945 г. — ассистент и заведующая кабинетом истории СССР и УССР Харьковского университета. В 1946—1948 гг. училась в аспирантуре при этой же кафедре. С 1947 по 1956 г. — преподаватель истории Харьковского педагогического института. С 1956 г. до ухода на пенсию в 1987 г. работала на кафедре истории Украинской ССР ХГУ старшим преподавателем, доцентом. В дальнейшем работала на кафедре на условиях почасовой оплаты. Читала лекционные курсы по истории Украинской ССР, источниковедению истории Украины, спецкурсы «Формирование рабочего класса и его революционная борьба на Украине во второй половине XIX в.», «История культуры Украины периода феодализма». В 1953 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Рабочие Донбасса в борьбе за восстановление каменноугольной промышленности в период перехода к изпу (1921—1922 гг.)». Опубликовала около 40 работ. Среди них: монография «Джерелознавство історії Української РСР» (1986) (в соавторстве), монография «Джерела історії України XVIII ст.» (1970), историко-биографический очерк «Ганна Хоперська» (1964).

Литвиненко Юрий Григорьевич (1929—1990), кандидат исторических наук, доцент. В 1953 г. окончил исторический факультет Харьковского педагогического института. В 1953—1961 гг. — преподаватель кафедры всеобщей истории Харьковского пединститута, секретарь комитета комсомола ХПИ, аспирант кафедры новой и новейшей истории Харьковского университета. С 1961 г. — преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедры новой и новейшей истории ХГУ. В 1966—1973 гг. занимал должность заместителя декана исторического факультета университета. Читал курс лекций по истории стран Азии и Африки, спецкурсы по источниковедению новой и новейшей истории, в том числе «Международное коммунистическое, рабочее и национально-освободительное движение на современном этапе». Занимался проблемами национально-освободительного и рабочего движения в Индии в 1917—1947 гг. В 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию «Розвиток робітничого руху в Індії наприкінці часткової тимчасової стабілізації капіталізму (1927—1929 рр.)». Опубликовал свыше 40 научных, научно-популярных работ и учебно-методических пособий.

Литвинова Валентина Павловна (1932 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1956 г. окончила исторический факультет Харьковского университета. В 1956—1961 гг. работала инструктором отдела пропаганды Харьковского обкома комсомола, в Доме пионеров Клинцах Брянской области, учителем истории в одной из школ Львовской области. В 1961—1965 гг. проживала за рубежом с мужем-военнослужащим. В 1965—1968 гг. — ассистент кафедры истории КПСС Харьковского фармацевтического института. С 1968 г. работает на кафедре истории народов России и Советского государства ХГУ старшим преподавателем, доцентом. Читает общие и специальные курсы по истории России (конец XVIII—XIX вв.). В 1972 г. защитила кандидатскую диссертацию «Привлечение буржуазной интеллигенции к социалистическому строительству на Украине (1917—1925 гг.)». В настоящее время работает над проблемой «Изучение отечественной истории в Харьковском университете в дореволюционный период (1805—1917 гг.)». Опубликовала более 20 научных, научно-популярных и методических работ.

Лысенко Валентина Георгиевна (1905 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1939 г. окончила исторический факультет Харьковского университета. После окончания учебы и до ухода на пенсию в 1971 г. работала на кафедре истории СССР ХГУ преподавателем, старшим преподавателем, доцентом. Читала общий лекционный курс истории СССР (период феодализма и советский период) и спецкурсы «Развитие народного хозяйства Украины в первой пятилетке», «История Грузии» и др. В 1951 г. защитила диссертацию «Рабочие Харькова в борьбе за социалистическую индустриализацию страны в период первой пятилетки. 1928—1932 гг.». Опубликовала более 10 работ.

Мартемьянов Алексей Павлович (1956 г. рожд.), кандидат исторических наук. Окончил исторический факультет Харьковского университета в 1978 г. С 1978 по 1981 гг. работал учителем истории и обществоведения в средней школе № 73, затем руководителем историко-археологических кружков Дома пионеров Московского района Харькова. В 1982—1986 гг.—старший лаборант кафедры научного коммунизма Харьковского авиационного института. С 1987 г.—преподаватель кафедры истории народов России и СССР ХГУ. Читает курс истории СССР (период феодализма). В 1986—1990 гг. учился в заочной аспирантуре по специальности «всеобщая история». В 1990 г. защитил кандидатскую диссертацию «Сельское хозяйство и аграрные отношения в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э.». В настоящее время работает над проблемой «Социальная структура римского провинциального общества». Опубликовал свыше 10 работ. Читал курс истории древнего мира в институте культуры.

Мещеряков Валерий Федорович (1947 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1970 г. окончил исторический факультет Харьковского университета, затем обучался в аспирантуре при кафедре древней истории и археологии ХГУ. С 1971 г.—старший преподаватель, доцент кафедры древней истории и археологии, истории древнего мира и средних веков. Читал общие лекционные курсы по истории Древнего Востока, истории Древней Греции и Рима, спецкурсы «Историография античной истории», «Генезис христианства». Руководил археологическими раскопками в Крыму. В 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию «Религия и культы Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э.». В настоящее время исследует проблему «Идеология и культура античного Причерноморья». Опубликовал более 20 работ. Был членом специализированного совета.

Мигаль Борис Кириллович (1927 г. рожд.), доктор исторических наук, профессор. В 1956 г. окончил исторический факультет Харьковского университета. В 1956—1959 гг. работал старшим лаборантом методического кабинета исторического факультета. В 1959—1964 гг.—аспирант, старший преподаватель кафедры истории КПСС ХГУ. С 1964 г.—доцент, профессор, заведующий кафедрой истории Украины (с 1989 г.). Читает общий курс истории Украины и спецкурсы «Историография истории Украины», «Украина в Великой Отечественной войне Советского Союза», «Коллективизация в УССР». В 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию «Партийная организация Полтавщины в борьбе за восстановление сельского хозяйства (1921—1925 гг.)»; а в 1975 г.—докторскую диссертацию «Осуществление аграрной политики на Украине в 1921—1925 гг.». В настоящее время работает над изучением истории доколхозного крестьянства Украины. Опубликовал около 100 работ (См.: Мигаль Борис Кириллович. Библиографический указатель. Х., 1987), в том числе монографию «Здійснення аграрної політики на Україні у відбудовний період (1921—1925 рр.)» (1974). Один из авторов коллективных трудов «Комсомол Харківщини: нариси з історії Харківської організації ЛКСМУ» (1958), «Харьковский государственный университет. 1805—1980. Исторический очерк» (1980), «Бесценные сокровища народа» (1984), «Харьковский университет в годы Великой Отечественной войны» (1989). Член редакционной коллегии республиканского межведомственного научного сборника «Вопросы истории СССР» и «Вестника Харьковского университета» (серия «история»), член специализированного совета, ряд лет был ученым секретарем специализированного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций.

Мигаль Кирилл Григорьевич (1904—1979), кандидат исторических наук, доцент. В 1923 г. окончил Полтавский институт народного образования. Затем работал учителем истории в пос. Кобеляки Полтавской области и в Полтаве. В 1919—1933 гг. — преподаватель истории СССР Красноградского педагогического техникума, а в 1934—1935 гг. — преподаватель истории СССР в Нежинском педагогическом институте. С 1936 по 1941 г. (с перерывами), а затем с конца 1943 до конца 1944 г. работал преподавателем кафедры истории СССР и УССР на историческом факультете Харьковского университета. В 1943—1944 гг. был деканом факультета. В дальнейшем работал в Черновицком и Одесском университетах. Занимался исследованием вопросов аграрной истории Украины в дооктябрьский период. Опубликовал около 20 работ.

Мирошников Иван Яковлевич (1915—1985), кандидат исторических наук, доцент. Участник Великой Отечественной войны. В 1936 г. окончил исторический факультет Воронежского педагогического института. В 1936—1937 гг. работал преподавателем истории в пенской средней школе, бутурлинском мукомольном техникуме (Воронежская область). В 1937—1939 гг. служил в рядах Советской Армии. После демобилизации преподавал историю СССР в Воронежском пединституте, был помощником декана исторического факультета. С 1940 по 1941 г. — аспирант кафедры истории СССР ХГУ. В 1946—1948 гг. учился в аспирантуре при кафедре истории СССР Киевского университета. В 1948 г. защитил кандидатскую диссертацию «Восстание военных поселян Слободской Украины (1817—1829)». С 1949 по 1955 г. работал старшим преподавателем, доцентом кафедры истории СССР Харьковского университета. Читал общий курс истории СССР XIX в. и спецкурс «Рабочее движение 60—70-х годов XIX в.». С 1955 по 1970 год — доцент кафедры марксизма-ленинизма Харьковского сельскохозяйственного института. С 1970 г. до конца жизни — доцент кафедры истории КПСС Харьковского института культуры. Опубликовал более 80 работ, в том числе монографические исследования о В. П. Обнорском, Ю. Д. Мельникове, И. И. Бакулине, принимал участие в коллективных работах «История городов и сел Украинской ССР. Харьковская область», «Балаклея» (исторический очерк), «Верю беспредельно», «Нескорені харків'яни», «Далеко от линии фронта», «Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет». Имел правительственные награды.

Митряев Анатолий Ильич (1922 г. рожд.). В 1949 г. окончил исторический факультет Харьковского университета. В 1949—1952 гг. учился в аспирантуре при кафедре истории средних веков ХГУ. С 1952 г. — старший преподаватель, доцент, заведующий кафедрой (1971—1975) истории средних веков; затем доцент кафедры историографии, источниковедения и археологии и кафедры истории древнего мира и средних веков. Читал общие лекционные курсы «История южных и западных славян», «История средних веков», спецкурсы «Гуситское движение», «Советская историография истории Киевской Руси», «Историография истории средних веков» и др. В 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию «Советская историография гуситского движения». В настоящее время исследует проблему «История медиевистики на Украине». Опубликовал свыше 30 работ (См.: История славяноведения в Харьковском университете. Ч. II. 1917—1989. Библиографический указатель). Награжден чехословацкой медалью Яна Гуса (1965 г.).

Михальчук Юрий Антонович (1946 г. рожд.), преподаватель. В 1975 г. окончил исторический факультет Харьковского университета. С 1975 по 1979 г. работал учителем истории и обществоведения в средней школе № 108 Харькова, а с 1979 г. — завучем по внеклассной и внешкольной работе. С марта 1983 г. по сентябрь 1984 г. работал преподавателем кафедры истории УССР ХГУ. В дальнейшем — преподаватель средних школ Харькова.

Михеев Владимир Кузьмич (1937 г. рожд.), доктор исторических наук, профессор. Окончил исторический факультет ХГУ в 1960 г. С 1959 г. работает на историческом факультете ХГУ в должности лаборанта, старшего лаборанта.

ранта археологического музея, преподавателя, старшего преподавателя, доцента, профессора кафедры истории древнего мира и археологии, историографии, источниковедения и археологии). С 1991 г. — заведующий кафедрой. Читал лекционные курсы «Археология СССР», «История первобытного общества», «Основы этнографии», спецкурсы по археологии. Под руководством В. К. Михеева проведены широкие археологические раскопки. В 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию «Основные ремесленные производства болгаро-аланского населения салтовской культуры». В 1986 г. защитил докторскую диссертацию «Экономика и социальные отношения у населения салтовской культуры Подонья — Приазовья (сер. VIII — сер. X вв.)». Опубликовал более 50 работ (См.: Библиография трудов ученых кафедры историографии, источниковедения и археологии ХГУ. К 25-летию кафедры. Х., 1989), в том числе монографию «Подонье в составе Хазарского каганата» (1985). Ряд лет исполнял обязанности зам. декана по науке. Под научным руководством В. К. Михеева защищена 1 кандидатская диссертация. Член правления межреспубликанской научной ассоциации болгаристов.

Мышкис Екатерина Дмитриевна (1924 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1946 г. окончила исторический факультет Московского областного педагогического института, а в 1950 г. — аспирантуру по кафедре истории средних веков того же института. В 1953—1956 гг. работала старшим преподавателем кафедры всеобщей истории Минского педагогического института. С 1957 по 1959 г. работала преподавателем, доцентом кафедры новой истории и кафедры древней истории и археологии Харьковского университета. В 1951 г. защитила кандидатскую диссертацию «Рижские пехи в XVI в. и календарные беспорядки в Риге». Опубликовала несколько работ.

Наумов Сергей Александрович (1958 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1982 г. окончил исторический факультет Харьковского университета. С 1982 г. стажер-преподаватель, аспирант, преподаватель, доцент кафедры истории Украины ХГУ. Читает общий курс и спецкурсы по истории Украины. В 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию «Советское строительство на Левобережной Украине в период гражданской войны (1919 год)». В настоящее время исследует проблему «Красная Армия Украины в годы гражданской войны». Опубликовал около 15 работ.

Пакуль Николай Макарович (1880—1953). В 1910 г. окончил историко-филологический факультет Харьковского университета. В 1910—1933 гг. преподавал историю в средних учебных заведениях Харькова, работал преподавателем всеобщей истории, затем профессором, заведующим кафедрой истории Запада Харьковского института народного образования. С 1933 по 1953 г. работал на историческом факультете Харьковского университета профессором, заведующим кафедрой истории средних веков. В 1933—1937 гг. (с перерывами) и в 1944—1947 гг. был деканом факультета. В период Великой Отечественной войны (октябрь 1941 г. — апрель 1944 г.) преподавал в Казахском университете (Алма-Ата). Читал курс истории средних веков, спецкурсы. В 1934 г. был утвержден в ученом звании профессора, а в 1936 г. ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук. Опубликовал более 40 научных, научно-популярных работ и учебно-методических пособий, в том числе «Книга: исторический очерк» (1923), «Нидерландская революция» (1929), «Лекции по истории средних веков» (1939). Был членом редколлегии «Трудов исторического факультета», членом специализированного совета. Под научным руководством Н. М. Пакуля выполнен ряд кандидатских диссертаций. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Пахомов Виталий Федорович (1938 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. Окончил исторический факультет Харьковского университета в 1965 г. С 1965 по 1967 г. работал учителем истории и обществоведения средней школы Первомайска Харьковской области. С 1967 по 1971 г. учился в аспирантуре при кафедре новой и новейшей истории ХГУ. Проходил стажировку в аспирантуре при кафедре новой и новейшей истории ХГУ.

ровку в университете Сантьяго (Чили). С 1971 г. — преподаватель, старший преподаватель, доцент этой же кафедры. Преподает новую и новейшую историю стран Европы и Америки, спецкурс по истории Латинской Америки. В 1980 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Социально-экономическая и политическая деятельность Народного фронта в Чили (1938—1941 гг.)». В настоящее время исследует проблему «Народный фронт в Америке: история и современность». Опубликовал более 20 научных, научно-популярных и методических работ.

Пикалов Валерий Григорьевич (1939 г. рожд.), старший преподаватель. Окончил исторический факультет Харьковского университета в 1966 г. С 1966 г. работает в университете, а с 1974 г. — на историческом факультете в должности старшего лаборанта, преподавателя кафедры историографии, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, затем преподавателем кафедры истории СССР и вновь преподавателем, старшим преподавателем кафедры историографии, источниковедения и археологии. Читал курсы: методика преподавания истории, методика ТСО, история СССР на подготовительном отделении, спецкурсы по историографии истории СССР и методике преподавания истории. Работает над темой «Историография государственного строительства на Украине (1917—1920 гг.)». Имеет около 15 опубликованных работ (См.: Библиография трудов ученых кафедры историографии, источниковедения и археологии ХГУ. X., 1989).

Пильверман Борис Григорьевич (1918—1970), кандидат исторических наук, доцент. В 1940 г. окончил исторический факультет Одесского университета, затем до июля 1941 г. — аспирант кафедры истории колониальных и зависимых стран ОГУ. С сентября 1941 г. по октябрь 1943 г. находился в эвакуации в Бухарской области Узбекской ССР, где работал заведующим библиотеки парткабинета райкома Компартии Узбекистана, учителем средней школы. С 1943 по 1956 гг. — преподаватель, н. о. заведующего кафедрой всеобщей истории, доцент кафедры истории Сумского педагогического института. С 1956 по 1970 гг. — доцент кафедры новой и новейшей истории Харьковского университета. В ХГУ читал общий курс новейшей истории, спецкурс «Международные отношения в период второй мировой войны». В 1948 г. защитил кандидатскую диссертацию «Поражение немецкой дипломатии во время второго марокканского кризиса». Опубликовал свыше 10 работ.

Пирог Александра Андреевна (1948 г. рожд.), преподаватель. В 1970 г. окончила исторический факультет Харьковского университета. С 1970 по 1974 гг. работала преподавателем кафедры историографии, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Преподавала историю СССР на подготовительном отделении ХГУ. В дальнейшем переехала на работу в Киев.

Побеленский Яков Авраамович (1922 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1949 г. окончил Хабаровский пединститут. Учился в аспирантуре ХГУ. С 1956 г. работал преподавателем, доцентом кафедры новой и новейшей истории ХГУ. Читал общие и специальные курсы по новой и новейшей истории. В 1959 г. защитил кандидатскую диссертацию «Борьба японского народа за мир и независимость (1949—1955 гг.)». Опубликовал более 20 научных, научно-популярных и методических работ. Был деканом подготовительного факультета для иностранных граждан. Переехал на работу в Полтаву.

Подлесный Николай Павлович (1925 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. Закончил в 1954 г. исторический факультет Харьковского педагогического института, а в 1957 г. — аспирантуру при Харьковском университете. В 1956—1979 гг. работал в ХГУ преподавателем, доцентом кафедры новой и новейшей истории. В 1976—1977 гг. — заведующий этой кафедры. Читал курсы и спецкурсы «Новейшая история стран Европы и Америки», «Внешняя политика Советского Союза», «Международное коммунистическое, рабочее и национально-освободительное движение» и др. В 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию «Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и общественное мнение России».

С 1979 г. — заведующий кафедрой в Харьковском государственном институте физической культуры. Лектор всесоюзной категории. Автор более 20 научных, научно-популярных и методических работ (См.: Библиографический указатель «История славяноведения в Харьковском университете. Ч. 2. 1917—1989.». Имеет правительственные награды.)

Попов Георгий Николаевич (1925—1988), доктор исторических наук, профессор. Участник Великой Отечественной войны. В 1951 г. окончил исторический факультет Харьковского университета. В 1951—1954 гг. учился в аспирантуре при кафедре марксизма-ленинизма ХГУ, а с 1954 по 1979 гг. — доцент, профессор кафедры истории КПСС ХГУ. С 1979 по 1988 гг. — заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета этого же университета. В последнее десятилетие жизни читал общий курс по новейшей истории стран Европы и Америки, спецкурс по истории Болгарии. В 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию «Борьба Болгарской коммунистической партии за подъем культурного уровня трудящихся масс (1949—1952 гг.)», а в 1967 г. — докторскую диссертацию «Болгарские коммунисты в борьбе за осуществление культурной революции (1944—1958 гг.)». Опубликовал свыше 130 научных и научно-популярных работ, учебно-методических пособий (См.: История славяноведения в Харьковском университете. Ч. 2. 1917—1989: Библиографический указатель. Х., 1990). Среди них три монографии: «Болгарские коммунисты в борьбе за осуществление культурной революции (1944—1948 гг.)» (1966). «Сквозь огненные годы» (1967) (в соавторстве), «Интернациональнa сила ленинских идей» (1970) (в соавторстве). Был членом редакционных коллегий журналов «Вопросы новой и новейшей истории», «Вестник Харьковского университета» (серия «история»), членом специализированных советов. Под научным руководством Г. Н. Попова защищено более 30 кандидатских диссертаций. Был редактором университетской многотиражной газеты «Харківський університет». Удостоен правительственных наград СССР и Болгарии.

Посохов Сергей Иванович (1964 г. рожд.), преподаватель. Окончил исторический факультет Харьковского университета в 1986 г. С 1986 по 1990 гг. работал учителем, старшим учителем истории и обществоведения в средней школе № 53 Харькова. С 1990 г. — преподаватель кафедры историографии, источниковедения и археологии. С 1989 г. обучается в аспирантуре при этой кафедре. Тема кандидатской диссертации — «Развитие науки в СССР (1928—1941 гг.): Проблемы современной историографии». Читает курс по историографии, спецкурс «Источниковедческий и историографический материал в школьном курсе отечественной истории». Опубликовал около 20 работ.

Прокопчук Александр Титович (1909—1985), кандидат исторических наук, доцент. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Харьковский государственный педагогический институт в 1938 г. С 1956 г. работал доцентом кафедры новой и новейшей истории Харьковского государственного университета. Преподавал общие и специальные курсы. Исследовал историю Австрии и США в новейшее время. Опубликовал более 20 научных, научно-популярных и методических работ. Удостоен правительственных наград.

Пугач Евгений Петрович (1935 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы УССР. Окончил исторический факультет Харьковского университета в 1959 г. С 1963 по 1965 гг. — учился в аспирантуре при кафедре новой и новейшей истории, затем был преподавателем, доцентом этой кафедры, а с 1988 г. — ее заведующим. С 1968 по 1973 гг. — декан подготовительного факультета для иностранных граждан ХГУ. С 1985 г. — проректор Харьковского университета. Читает общий лекционный курс «История южных и западных славян нового и новейшего времени», спецкурсы «Движение Сопротивления в странах Восточной и Юго-Восточной Европы», «Источниковедение новой и новейшей истории». В 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию «Политическая борьба в Словакии в 1945—1948 гг.». В настоящее время работает над проблемами «Чехословакия в период национально-демократической революции 1944—1948 гг.», «Развитие славистских исследований в Харьковском

университете». Опубликовал около 40 научных работ (См.: История славяноведения в Харьковском университете. Ч. 2. 1917—1989: Библиографический указатель. Х., 1990.). Был членом специализированного совета. Имеет правительственные награды.

Репринцев Анатолий Федотович (1945—1988), преподаватель. В 1971 г. окончил исторический факультет Харьковского университета. В 1971—1974 гг. обучался в аспирантуре при кафедре историографии, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ХГУ. С 1974 по 1981 гг. работал преподавателем кафедры историографии, источниковедения и археологии. Читал курс по истории СССР на подготовительном отделении, спецкурс по историографии истории СССР. Исследовал проблемы советской историографии привлечения старых специалистов к социалистическому строительству. Опубликовал свыше 10 работ (См.: Библиография трудов ученых кафедр историографии, источниковедения и археологии ХГУ. Х., 1989). Награжден несколькими медалями. С 1981 по 1988 гг. работал в Харьковском филиале Киевского института физической культуры и в техникуме советской торговли.

Руденко Александра Фадеевна (1920 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1945 г. окончила исторический факультет Харьковского университета. В 1945—1954 гг. работала ассистентом кафедры истории СССР ХГУ, преподавателем истории СССР Харьковского педагогического института, Харьковского артиллерийского подготовительного училища. В 1954—1957 гг. — аспирантка кафедры истории КПСС Харьковского университета. После окончания аспирантуры работала ассистентом, старшим преподавателем Харьковского политехнического института. С 1963 по 1974 гг. — доцент кафедры истории СССР ХГУ. Читала основной курс по истории СССР (период феодализма), спецкурсы. В 1960 г. защитила кандидатскую диссертацию «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор трудовой активности шахтеров Донбасса в годы первой пятилетки». В дальнейшем работала над темой «Образование Российского централизованного государства в отечественной историографии». Опубликовала более 20 научных, научно-популярных и методических работ.

Рыбалка Иван Климентьевич (1919 г. рожд.), доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины. Участник Великой Отечественной войны. В 1945 г. окончил исторический факультет Харьковского университета. После окончания учебы работал помощником декана исторического факультета ХГУ и ассистентом кафедры истории СССР и УССР. С декабря 1945 г. по декабрь 1948 г. — аспирант этой же кафедры, с декабря 1948 г. по сентябрь 1957 г. — старший преподаватель, доцент кафедры истории СССР, а с сентября 1957 г. — доцент, заведующий, профессор кафедры истории Украины. В 1951—1955 гг. — редактор газеты «Соціалістична Харківщина», а в 1972—1974 гг. — проректор ХГУ по учебной работе (по совместительству). Читает общий и специальные курсы по истории Украины («Историография истории Украины», «Изменение социальной структуры общества и соотношение классовых сил на Украине в период гражданской войны» и др.). В 1950 г. защитил кандидатскую диссертацию «Розгром буржуазно-націоналістичної Директорії і відновлення Радянської влади на Україні (листопад 1918 р. — березень 1919 р.)», а в 1963 г. — докторскую диссертацию «Відновлення Радянської влади і соціалістичне будівництво на Україні (листопад 1918 — серпень 1919 рр.)». Опубликовал свыше 200 научных, научно-популярных работ, учебников и учебно-методических пособий (См.: Иван Климентійович Рыбалка — професор Харківського університету: Бібліографічний покажчик. Х., 1989.), в том числе монографии «Відновлення Радянської влади на Україні (1918—1919)» (1957), «Розгром буржуазно-націоналістичної Директорії на Україні» (1962), «Аграрні перетворення на Україні в період громадянської війни» (1919 р.), «В. І. Ленін і Україна» (1969), «Харьковский государственный университет. 1805—1980: Исторический очерк» (1980) (в соавторстве). В 1985 г. И. К. Рыбалке и В. Н. Довгополу (посмертно) за учебник для высших учебных заведений «Історія Української РСР» в двух частях, опубликованных в 1978 и 1982 гг., была присуждена Государственная премия

Украинской ССР. В 1991 г. учебник переиздан. И. К. Рыбалка — член редколлегии республиканского межведомственного научного сборника «Вопросы истории СССР» и «Вестника Харьковского университета» (серия «история»), председатель специализированного совета исторического факультета. Под научным руководством И. К. Рыбалки защищено 11 кандидатских диссертаций. Награжден орденом Славы III степени, орденом Отечественной войны II степени, медалями.

Сапожникова Гита Абрамовна (1903 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1929 г. окончила историческое отделение Харьковского института народного образования. В 1929 — октябре 1941 гг. работала преподавателем новой истории рабочего факультета при Харьковском машиностроительном институте, ассистентом социально-экономического факультета Харьковского института педагогического профессионального образования, заведующей кафедрой Донецкой высшей коммунистической сельскохозяйственной школы (Мариуполь), доцентом кафедры новой истории Харьковского университета. С декабря 1941 г. по май 1944 г. — старший преподаватель новой истории Объединенного Украинского государственного университета (Кзыл-Орда). С 1944 по 1961 гг. — старший преподаватель, доцент кафедры новой истории ХГУ. Читала общий курс по новой истории, спецкурсы. В 1946 г. защитила кандидатскую диссертацию «Борьба польского народа против прусского владычества в революции 1848 г.». В дальнейшем продолжала исследовать историю польско-немецких отношений. Опубликовала свыше 10 научных, научно-популярных и методических работ (См.: История славяноведения в Харьковском университете. Ч. 2. 1917—1989: Библиографический указатель. Х., 1990).

Семенов-Зусер Семен Анатольевич (1887—1951), доктор исторических наук, профессор. В 1914 г. окончил Петербургский археологический институт, а в 1920 г. — историко-филологический факультет Петроградского университета. Свою педагогическую деятельность начал в 1915 г. на общеобразовательных курсах, а с 1917 г. преподавал в Народном доме в Петрограде. В 1920—1937 гг. работал заведующим губернским архивом (Николаев), ассистентом археологического института (Одесса), научным сотрудником института марксизма-ленинизма и Коммунистической академии (Ленинград), доцентом Ленинградского университета, доцентом Ленинградского института истории, философии и лингвистики, профессором Новгородского педагогического института, профессором Ленинградской высшей школы профдвижения и др. С 1937 г. начал свою педагогическую и научную деятельность в Харьковском университете в качестве профессора и заведующего кафедрой древней истории и археологии. В период Великой Отечественной войны (декабрь 1941 г. — апрель 1944 г.) работал заведующим кафедрой древней истории Объединенного Украинского государственного университета (Кзыл-Орда), затем продолжал работу в ХГУ в должности заведующего кафедрой древней истории и археологии. Читал общие курсы по археологии, первобытному обществу, древней истории, спецкурсы, вел широкие археологические раскопки. В 1939 г. ему присуждена ученая степень кандидата исторических наук. В 1948 г. он защитил докторскую диссертацию «Скифская проблема в отечественной науке». Автор свыше 200 научных, научно-популярных и методических работ по вопросам древней истории и археологии. Среди них монографии и учебники «Князь Святослав» (1946), «Опыт историографии скифов» (1947), «Скифская проблема в отечественной науке (1692—1947 гг.)» (1947), «Древняя история» (1949). Был членом редколлегии «Трудов исторического факультета».

Сергеев Иван Павлович (1950 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. Окончил исторический факультет Харьковского университета в 1973 г. С 1973 по 1976 гг. работал учителем истории в Мартовской средней школе Чугуевского района Харьковской области. С 1976 по 1978 гг. — лаборант Харьковского авиационного института. С 1979 г. — преподаватель, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ХГУ. Читает общие и специальные курсы по истории Древнего Востока и Древнего Рима, параллельно — курс лек-

ний по древней истории в Харьковском педагогическом институте им. Г. С. Сковороды. В 1983 г. защитил кандидатскую диссертацию «Гражданская война 193—197 гг. в Риме». В настоящее время работает над проблемой «Кризис III в. н. э. в Римской империи». Опубликовал около 20 научных, научно-популярных и методических работ.

Сидельников Степан Иванович (1916—1977), доктор исторических наук, профессор. Участник Великой Отечественной войны. В 1939 г. окончил исторический факультет Ленинградского университета. С августа 1939 г. по июнь 1942 г. работал старшим преподавателем кафедры новой истории, а с февраля 1940 г. исполнял обязанности заведующим кафедрой новой истории Сталинградского педагогического института. Июнь 1942 г.—май 1945 г.—в рядах Советской Армии, на излечении в госпитале. С 1945 по 1956 гг. работал в Харьковском педагогическом институте им. Г. С. Сковороды доцентом, деканом историко-филологического факультета, заведующим кафедрой всеобщей истории. В 1948—1949 гг. работал по совместительству на кафедре истории нового времени Харьковского университета. С 1956 г. и до конца своей жизни — доцент, заведующий кафедрой новой и новейшей истории, в 1964—1976 гг. — декан исторического факультета ХГУ. Читал лекционные курсы «Новая и новейшая история Европы и Америки», «История южных и западных славян», спецкурсы. Исследовал национально-освободительное движение болгарского народа против турецкого господства во второй половине XIX в. В 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию «Воссоединение княжества Болгарии и Восточной Румелии (1878—1886)», а в 1963 г. — докторскую диссертацию «Создание и деятельность первого революционного Центрального комитета (1868—1873 гг.)». Опубликовал свыше 120 научных, научно-популярных и методических работ (См.: История славяноведения в Харьковском университете. Ч. 2. 1917—1989: Библиографический указатель. Х., 1990.). Среди них три монографии «Болгарский революционер Георгий Раковский» (1959), «Борьба течений в первом Болгарском революционном Центральном комитете» (1962), «Болгарский революционный Центральный комитет (1869—1972)» (1970) и два учебника «История южных и западных славян: Учебник для студентов исторических факультетов университетов» (1969) (в соавторстве). Десять лет был ответственным редактором «Вестника Харьковского университета» (серия «история»), республиканского сборника «Вопросы новой и новейшей истории» и др., был председателем специализированного совета факультета. Под научным руководством С. И. Сидельникова защищено 10 кандидатских диссертаций. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями.

Симоновская Лариса Васильевна (? г. рожд.), кандидат исторических наук. Окончила Харьковский институт народного образования, затем аспирантуру при Институте востоковедения АН СССР в Ленинграде. Здесь защитила кандидатскую диссертацию о крестьянском восстании в Китае под руководством Ли-Цзы-Чена в XVIII в. в 1939—1940 гг. работала на историческом факультете Харьковского университета. Читала общий курс по новой истории колониальных и зависимых стран, историю Древнего Китая как часть общего курса древней истории, а также спецкурсы — по истории Китая и на тему «Пробуждение Азии». Работала над монографией о Синхайской революции 1911—1912 гг. в Китае. В начале 1941 г. по рекомендации ученого совета ХГУ была принята в докторантуру в Институте истории АН СССР и переехала в Москву.

Скаба Андрей Данилович (1905 г. рожд.), академик АН Украины. Участник Великой Отечественной войны. В 1934 г. окончил экономический факультет Харьковского университета. В 1935—1942 гг. работал преподавателем новой истории Харьковского педагогического института и Харьковского университета, заведующим кафедрой Львовского университета, преподавателем Удмуртского пединститута. В 1942—1946 гг. проходил службу в Красной Армии. В 1946—1949 гг. — директор Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства в УССР (Харьков), ответственный

редактор газеты «Соціалістична Харківщина» (1949—1951), одновременно — старший преподаватель, заведующий кафедрой новой истории ХГУ. В 1951—1959 гг. — секретарь Харьковского обкома Компартии Украины, в 1959 г. — министр высшего и среднего специального образования УССР. В 1959—1968 гг. — секретарь ЦК Компартии Украины. С 1968 г. — директор, а с 1973 г. — старший научный сотрудник Института истории АН УССР. Был ответственным редактором «Радянської енциклопедії історії України». В 1948 г. защитил кандидатскую диссертацию «Парижская мирная конференция и интервенция в Советскую Россию в 1919 г.». Опубликовал большое число научных трудов по истории советского общества и Коммунистической партии, новой и новейшей истории. Среди них монографии «Парижская мирная конференция и иностранная интервенция в стране Советов (январь — июнь 1919 г.)» (1971), «Радянська Україна в братній сім'ї народів СРСР» (1972) (в соавторстве), «Трудящиеся Страны Советов в борьбе за мир. 1917—1920» (1987) и др. Под его руководством и редакцией подготовлено и издано несколько сборников документов и материалов по истории СССР. Подготовлены и изданы «Нариси історії Комуністичної партії України» и др. Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями.

Скоробогатов Анатолий Васильевич (1949 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. Окончил исторический факультет Харьковского университета в 1977 г. С 1977 г. — преподаватель, доцент кафедры истории народов России и Советского государства ХГУ. Читает общие и специальные курсы по истории СССР. В 1985 г. защитил кандидатскую диссертацию «Деятельность профсоюзов по улучшению труда и быта рабочего класса Украины (1966—1975 гг.)». Опубликовал свыше 15 научных, научно-популярных и методических работ. Принимал участие в написании учебного пособия «Политическая история XX века» (1991).

Слюсарский Антон Григорьевич (1901—1980), доктор исторических наук, профессор. В 1929 г. окончил историческое отделение Киевского института народного образования. С 1929 г. по октябрь 1941 г. — аспирант Всеукраинского музея (Киев), ассистент кафедры истории народов СССР КИНО, научный сотрудник Испарта ЦК КП(б)У (Харьков), инструктор Оржицкого райкома КП(б)У (Полтавщина), старший преподаватель кафедры истории СССР и УССР Харьковского университета. С октября 1941 г. по октябрь 1942 г. — старший преподаватель кафедры истории СССР Объединенного Украинского государственного университета (Кызыл-Орда), затем служил в рядах Советской Армии. С 1946 г. и до конца своей жизни работал на кафедре истории СССР ХГУ преподавателем, доцентом, профессором. С 1947 по 1962 гг. был деканом исторического факультета. Преподавал историю России (период феодализма), читал спецкурс «Разложение крепостничества и развитие капиталистических отношений в России 2-й половины XVIII в.». Изучал вопросы аграрной истории Украины и России. В 1945 г. защитил кандидатскую диссертацию «Комитеты независимых селян Украины в период 1920—1921 гг. (до н.э.)», в 1964 г. — докторскую диссертацию «Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII—XVIII вв.». Опубликовал около 60 научных работ, в том числе монографии «Василий Назарович Каразин (Ученый и общественный деятель. 1773—1842)» (1952), «Слобідська Україна: історичний нарис XVII—XVIII ст.» (1954), «В. Н. Каразин, его научная и общественная деятельность» (1955), «Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII—XVIII вв.» (1964). Один из авторов коллективных трудов «Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет» (1955), «Харьковский государственный университет. 1805—1980. Исторический очерк» (1980). Был ответственным редактором «Трудов исторического факультета», председателем специализированного совета факультета. Подготовил около 10 кандидатов наук. Награжден орденом «Знак Почета», медалями.

Сорочан Сергей Борисович (1953 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1976 г. окончил исторический факультет Харьковского университета. С 1976 по 1979 гг. работал учителем истории и обществоведения

в средней школе в Липцах Харьковской области. С 1978 г.—преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков. Читает курс по истории средних веков, спецкурсы «Источниковедение истории средних веков» и «Книжное дело в средние века». В 1982 г. защитил кандидатскую диссертацию «Торговля Херсонеса Таврического в I в. до н. э.— V в. н. э.». В настоящее время работает над проблемами истории экономики и торговли ранней Византии. Опубликовал около 30 работ, в том числе монографию «Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э.— V в. н. э.» (1989) (в соавторстве).

Степаненко Тамара Леонидовна (1935 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. Окончила исторический факультет Харьковского университета в 1960 г. С 1960 по 1967 гг. работала преподавателем истории в Харьковском машиностроительном техникуме. В 1968—1970 гг. училась в аспирантуре при кафедре истории СССР ХГУ. С 1971 г.—старший преподаватель, доцент этой кафедры. Читает общие и специальные курсы по истории СССР (период феодализма). В 1971 г. защитила кандидатскую диссертацию «Рабочие машиностроительной промышленности Украины в годы второй пятилетки (1933—1937 гг.)». В настоящее время разрабатывает проблему «Земства Украины (1864—1917 гг.)». Опубликовала более 20 научных, научно-популярных и методических работ.

Страшнюк Сергей Юрьевич (1957 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. Окончил исторический факультет Харьковского университета в 1980 г. С 1980 по 1983 гг. учился в аспирантуре при кафедре новой и новейшей истории ХГУ. С 1984 по 1986 гг. работал заведующим учебно-методическим кабинетом университета. С февраля 1986 г.—преподаватель, доцент кафедры новой и новейшей истории ХГУ. Читает общие курсы по новейшей истории стран Европы и Америки (с 1945 г. по настоящее время), истории южных и западных славян (XIX—XX вв.), спецкурс «Культурная политика в странах Восточной Европы». В 1985 г. защитил кандидатскую диссертацию «Советско-болгарское сотрудничество в области художественной культуры (1971—1981 гг.)». В настоящее время разрабатывает темы «Творческая интеллигенция в культурной и общественно-политической жизни Болгарии», «История славяноведения и балканистики на Украине», «Советско-болгарские и украинско-болгарские культурные связи». Опубликовал около 40 научных, научно-популярных и методических работ (См.: История славяноведения в Харьковском университете. Ч. 2. 1917—1989. Х., 1990). Член правления Межреспубликанской научной ассоциации болгаристов.

Сухарев Владимир Васильевич (1926 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1947—окончил исторический факультет Харьковского педагогического института. В 1947—1964 гг.—учитель истории Безлюдовской средней школы № 1 Харьковской области, аспирант кафедры всеобщей истории Харьковского пединститута, старший преподаватель, доцент кафедры истории Луцкого педагогического института. С февраля 1964 по 1969 гг.—доцент кафедры новой и новейшей истории Харьковского университета. В ХГУ читал общий лекционный курс по новой истории стран Западной Европы и Америки и спецкурс по историографии новой и новейшей истории. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию «Борьба рабочего класса Чехословакии за выполнение пятилетнего плана в 1949—1950 гг.». С октября 1969 г. работал научным сотрудником института истории партии при ЦК Компартии Украины. К концу 60-х годов им опубликовано свыше 20 научных, научно-популярных и методических работ. (См.: История славяноведения в Харьковском университете. Ч. 2. 1917—1989: Библиографический указатель. Х., 1990).

Тимофеев Виталий Васильевич (1952 г. рожд.). Окончил исторический факультет Харьковского университета в 1975 г. С 1976 г.—преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедры истории СССР ХГУ (с 1991 г.—кафедра истории народов России и Советского государства). Преполагает историю России XIX—начала XX вв. (общие и специальные курсы). В 1983 г. защитил кандидатскую диссертацию «Деятельность рабочего класса Украинской ССР по

ускорению научно-технического прогресса в годы восьмой пятилетки». В 1987—1988 гг. проходил стажировку в Лондонском университете (Великобритания). В настоящее время работает над проблемой русско-английских отношений конца XIX в. Опубликовал свыше 20 научных, научно-популярных и методических работ. Член специализированного совета.

Тумаков Александр Иванович (1956 г. рожд.), кандидат исторических наук, старший преподаватель. В 1978 г. окончил исторический факультет Харьковского университета. С 1978 по 1981 гг. работал преподавателем кафедры новой и новейшей истории ХГУ. В 1981—1983 гг. служил в Советской Армии. С 1986 по 1989 гг.—аспирант кафедры новой и новейшей истории ХГУ. С 1983 по 1986 гг.—преподаватель этой же кафедры. В 1989 г. защитил кандидатскую диссертацию «Болгаро-советское сотрудничество на интеграционных объектах в СССР (1967—1985 гг.)». Читает общие курсы по новой истории стран Азии и Африки, новейшей истории стран Европы и Америки, спецкурсы. Опубликовал свыше 10 научных, научно-популярных и методических работ (См.: История славяноведения в Харьковском университете. Ч. 2. 1917—1989: Библиографический указатель. Х., 1990). Член правления Межреспубликанской научной ассоциации болгаристов. С 1991 г.—заместитель декана исторического факультета.

Тычина Владислав Евгеньевич (1918 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. Участник Великой Отечественной войны. В 1942 г. окончил Объединенный Украинский государственный университет (Кызыл-Орда). В 1942—1946 гг. служил в Советской Армии. В 1946—1949 гг. работал старшим преподавателем кафедры истории СССР Дрогобыцкого учительского института, деканом факультета. В 1949—1956 гг.—старший преподаватель, доцент кафедры истории Сумского педагогического института, в 1953—1956 гг.—декан историко-филологического факультета этого института. С 1956 по 1977 гг. работал доцентом кафедры истории СССР Харьковского университета. Читал общий курс по истории СССР (советский период), спецкурс по истории гражданской войны. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию «Борьба против немецких оккупантов на Черниговщине в 1918 г.». Опубликовал около 30 научных, научно-популярных и методических работ, в том числе монографии «Борьба проти німецьких окупантів Чернігівщини у 1918 р.» (1959), «Борьба проти німецьких окупантів і внутрішньої контрреволюції на Україні у 1918 р.» (1969). Награжден орденами и медалями СССР.

Фризман Генрих Венецианович (1907 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1931 г. окончил социально-экономический факультет Харьковского института народного образования. После окончания ХИНО преподавал социально-экономические дисциплины на рабфаках и в институтах Харькова. В 1939 г. окончил аспирантуру по истории средних веков в Харьковском педагогическом институте. В 1937—1941 гг. работал преподавателем в Харьковском пединституте и Харьковском университете. В 1943—1944 гг.—преподаватель Уральского педагогического института (Уральск), в 1944—1956 гг.—преподаватель Харьковского пединститута. С 1956 по 1979 гг. работал доцентом кафедры истории средних веков, истории древнего мира и средних веков Харьковского университета. Читал общий лекционный курс по истории средних веков, спецкурсы «История Византии» и др. В 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию «Итальянская политика Оттона I». Опубликовал около 30 научных, научно-популярных и методических работ.

Черноскутов Александр Иванович (1941—1983), кандидат исторических наук, доцент. Окончил исторический факультет Харьковского университета в 1969 г. Обучался в аспирантуре при кафедре новой и новейшей истории ХГУ. В 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию «Национальное движение меньшинства в Англии (1924—1926 гг.)». Работал преподавателем, старшим преподавателем кафедры новой и новейшей истории. Читал общие курсы по новой истории стран Европы и Америки, стран Азии и Африки, спецкурсы. С 1980 г. работал на кафедре общественных наук в Харьковском филиале Высшей школы

профсоюзного движения. Опубликовал около 20 научных, научно-популярных и методических работ.

Чижов Александр Петрович (1944 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1970 г. окончил исторический факультет Харьковского университета. С 1970 по 1980 гг. работал ассистентом, старшим преподавателем кафедры истории КПСС Харьковского юридического института. С 1980 г.— старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории ХГУ. Читает курс по новейшей истории стран Европы и Америки, спецкурс «Историография новой и новейшей истории». В 1989 г. защитил кандидатскую диссертацию «Российская революционная эмиграция в Болгарии (1878—1917 гг.)». В настоящее время продолжает исследование российско-болгарских революционных связей в последней четверти XIX в. Опубликовал более 10 научных, научно-популярных и методических работ (См.: История славяноведения в Харьковском университете. Ч. 2. 1917—1989: Биобиблиографический указатель. Х., 1990).

Чувпило Александр Александрович (1949 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1971 г. окончил исторический факультет Одесского университета. После окончания учебы работал учителем истории и обществоведения в средней школе с. Жовтень Ширяевского района Одесской области. С 1971 по 1976 гг. обучался в аспирантуре (с перерывами) при кафедре новой и новейшей истории Харьковского университета. В 1972—1973 гг. служил в рядах Советской Армии. С 1974 г.— преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедры новой и новейшей истории ХГУ. Читает общие и специальные курсы по средней, новой и новейшей истории стран Азии и Африки. В 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию «Внутренняя борьба в Индийском национальном конгрессе по вопросам тактики и программы национально-освободительного движения (1922—1929 гг.)». В настоящее время разрабатывает проблему, посвященную идейно-политической борьбе в Индийском национальном конгрессе в 20—30-е годы XX в. Опубликовал около 40 работ, в том числе монографию «Идейно-политическая борьба в Индийском национальном конгрессе в 20-е годы XX в.» (депонирована в ИНИОН в 1988 г.).

Шаповалова Нина Сергеевна (1950 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1974 г. окончила исторический факультет Харьковского университета. С 1974 по 1980 гг.— старший лаборант кафедры всеобщей истории Харьковского института культуры, аспирантка кафедры истории СССР ХГУ. С 1980 по 1986 гг.— преподаватель истории СССР ХГУ. Читала общий лекционный курс по истории СССР (период феодализма), спецкурс «Интернациональные связи трудящихся СССР и зарубежных стран 1917—1939 гг.». В 1982 г. защитила кандидатскую диссертацию «Участие рабочих Украины в интернациональных связях Советского Союза с трудящимися зарубежных стран (1926—1932)». Опубликовала около 30 научных, научно-популярных и методических работ. С 1986 по 1991 гг. работала в должности доцента в Харьковском фармацевтическом институте.

Шевченко Раиса Ивановна (1940 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1966 г. окончила исторический факультет Харьковского университета. В 1966—1979 гг. работала инструктором Белгородского горкома ВЛКСМ, заместителем директора средней школы № 3 Белгорода, обучалась в аспирантуре при кафедре истории КПСС Харьковского университета, работала старшим преподавателем кафедры истории КПСС Белгородского технологического института строительных материалов. С 1979 по 1986 гг.— доцент кафедры истории СССР Харьковского университета. Читала общий и специальный курсы по истории СССР (досоветский период). В 1976 г. защитила кандидатскую диссертацию «Деятельность КПСС по патриотическому и интернациональному воспитанию учащихся общеобразовательной школы. (На материалах смежных областей РСФСР и УССР 1961—1966 гг.)». К середине 80-х годов опубликовала около 30 научных, научно-популярных и методических работ. В дальнейшем переехала на работу в Белгород, затем — в Славянск.

Шиловцева Валентина Семеновна (1929 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1953 г. окончила исторический факультет Харьковского университета. В 1953—1975 гг.—старший лаборант, аспирантка, преподаватель, старший преподаватель кафедры древней истории и археологии. Читала историю древнего мира, спецкурсы «Историография античной истории». В 1970 г. защитила кандидатскую диссертацию «Проблема кризиса и падения Римской республики в русской историографии эпохи разложения феодально-крепостнических отношений и развития капитализма (вторая половина XVIII—XIX век)». В 1975 г. перешла на работу в Киевский университет. К середине 70-х годов опубликовала более 10 научных, научно-популярных и методических работ.

Шерман Исая Львович (1912—1989), доктор исторических наук, профессор. В 1929 г. стал студентом исторического факультета сначала Луганского, а затем Харьковского педагогического института. После его окончания в 1933 г. работал научным сотрудником, директором Центрального исторического архива древних актов УССР. Свою работу в архиве совмещал с обучением в аспирантуре при Центральном архивном управлении УССР. В 1936—1941 гг. по совместительству преподавал историю СССР в Харьковском педагогическом институте. В 1939—1942 гг.—начальник кафедры социально-экономических наук в школе НКВД СССР в Харькове (с 1941 г.—в Москве). С 1942 по 1945 гг. работал археографом Главного архивного управления НКВД. В 1943 г. защитил кандидатскую диссертацию «Разгром григорьевщины». С 1945 по 1956 гг.—преподаватель, доцент Харьковского педагогического института им. Г. С. Сковороды. В 1947—1956 гг.—декан исторического факультета этого института. В 1945—1956 гг. читал лекции на историческом факультете Харьковского университета по совместительству. С 1956 г. работал доцентом кафедры истории СССР ХГУ. С 1964 г.—доцент, профессор, заведующий кафедрой (1972—1984) историографии, источниковедения и археологии ХГУ. В 1965 г. защитил докторскую диссертацию «Советская историография гражданской войны в СССР». На протяжении многих лет читал в университете общие лекционные курсы по истории СССР, источниковедению, историографии, архивоведению и другие, спецкурсы «Историография гражданской войны в СССР», «Русская историография эпохи феодализма», «Историческая библиография», «Начальный период Великой Отечественной войны в советской историографии», «Введение в специальность» и др. И. Л. Шерман опубликовал более 100 научных и научно-популярных работ, учебников и учебных пособий, среди них монографии «Советская историография гражданской войны в СССР», «В. И. Ленин — историк советского общества» (в соавторстве), учебные пособия «Русские исторические источники X—XVIII вв.», «Советская историография истории СССР» (в соавторстве), «Сражения первого периода Великой Отечественной войны в советской историографии» (в соавторстве) и др. (См.: Исая Львович Шерман — профессор Харьковского университета: Библиографический указатель. Х., 1991). Под научным руководством И. Л. Шермана защищено 12 кандидатских диссертаций. Имел правительственные награды. Принимал активное участие в общественной жизни.

Шиян Кир Карлович (1902—1974), (настоящее имя — Кирилл Карпович), доктор исторических наук, профессор. В 1930 г. окончил Нежинский институт народного образования, затем аспирантуру (1932) при Харьковском научно-исследовательском институте истории украинской культуры. В период учебы в аспирантуре работал по совместительству в Харьковском педагогическом институте профессионального образования (деканом историко-архивоведческого факультета и преподавателем истории СССР), а затем директором Харьковского областного исторического архива. В 1932—1941 гг. работал научным сотрудником Харьковского научно-исследовательского института истории украинской культуры, в секторе науки Наркомпроса УССР, преподавателем истории средних школ Харькова, преподавателем кафедры истории СССР Харьковского педагогического института. В 1941—1943 гг.—преподаватель истории в средних учебных заведениях УССР. С ноября 1943 г. по сентябрь 1956 г.—старший преподаватель, заведующий кафедрой истории СССР, декан исторического факультета, заместитель директора Харьковского педагогического института. В 1956—1974 гг.—доцент, профессор кафедры истории СССР Харьковского университета. Читал

общие лекционные курсы по истории СССР (период феодализма), введение в историческую науку, спецкурсы. К. К. Шиян в 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию «Столыпинская аграрная реформа в Харьковской губернии», в 1962 г. — докторскую диссертацию «Борьба рабочего класса Украинской ССР за восстановление промышленности в 1921—1925 гг.». Он автор около 100 научных, научно-популярных и методических работ, среди них монографии «Селянство — основа і вирішальна сила визвольної війни українського народу 1648—1654 рр.» (1954), «Боротьба робітничого класу України за відбудову промисловості (1921—1925 рр.)» (1959), «Минуле і сучасне села» (1963) (в соавторстве). К. К. Шиян — редактор 12 монографий, один из составителей ряда сборников документов по истории заводов, промышленности и рабочего класса. Под научным руководством К. К. Шияна защищен ряд кандидатских диссертаций. Был членом специализированного совета исторического факультета.

Шпагин Сергей Алексеевич (1950 г. рожд.), преподаватель. В 1973 г. окончил исторический факультет Ростовского университета. После окончания учебы проходил службу в рядах Советской Армии. С 1975 по 1978 гг. обучался в аспирантуре при кафедре новой и новейшей истории Ростовского университета. С 1978 по 1981 гг. работал преподавателем этой же кафедры, старшим лаборантом научно-исследовательской части РГУ. С 1981 по 1985 гг. — преподаватель кафедры новой и новейшей истории Харьковского университета. Читал курс по новейшей истории. Работал над темой кандидатской диссертации «Проблема европеизации внешнеполитического курса лейбористского кабинета Вильсона (1964—1970 гг.)». Опубликовал несколько статей. С 1985 г. работает в Ростовском университете.

Шрамко Борис Андреевич (1921 г. рожд.), доктор исторических наук, профессор. Участник Великой Отечественной войны. В 1939 г. поступил на исторический факультет Харьковского государственного университета, война прервала обучение, окончил университет в 1949 г. В 1948—1950 гг. работал лаборантом кафедры древней истории, занимался восстановлением археологического музея, 1949—1952 гг. — аспирант кафедры древней истории и археологии, 1951—1955 гг. — преподаватель, старший преподаватель кафедры древней истории и археологии, а в 1955—1956 гг. работал в должности доцента кафедры древней и средней истории ХГУ. В 1966—1977 гг. — заведующий кафедрой истории древнего мира и археологии, с 1967 г. — профессор кафедры древней истории и археологии, а с 1977 г. — профессор кафедры историографии, источниковедения и археологии. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию «Памятники скифского времени в бассейне Северского Донца», а в 1966 г. защитил докторскую диссертацию «Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху». Опубликовал более 200 научных, научно-популярных и методических работ (См.: Борис Андреевич Шрамко — профессор Харьковского университета: Библиографический указатель. Х., 1991), среди них монографии и учебные пособия «Древности Северского Донца» (1962), «История первобытного общества» (1972), «Справочник по археологии Украины: Харьковская область» (1977) (в соавторстве), «Археология раннего железного века Восточной Европы» (1983), «Бесценные сокровища народа» (1984) (в соавторстве), «Бельское городище скифской эпохи: (город Гелонн)» и др. Под руководством Б. А. Шрамко были проведены широкие археологические раскопки в Харьковской, Полтавской и других областях. Выступал с научными докладами на международных конференциях во Франции, Германии, Чехословакии. Член Международного комитета ЮНЕСКО по изучению истории металлургии железа. Под научным руководством Б. А. Шрамко защищено 7 кандидатских диссертаций. Член специализированных советов. Член редколлегии республиканского сборника «Археология». Преподавал общие курсы по истории первобытного общества, археологии, этнографии, спецкурсы «Археология железного века Европы», «Историография археологии» и др. Награжден орденами и медалями СССР.

СПИСОК ДЕКАНОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА (1933—1992)

Н. М. Пакуль (1933—1937, с перерывом), К. М. Вич (1937—1941), Н. С. Шлепаков (1941—1943), К. Г. Мигаль (1943—1944), Н. М. Пакуль (1944—1946), А. Г. Слюсарский (1943—1962), В. Н. Довгопол (1963—1964), С. И. Сидельников (1964—1976), Ю. И. Журавский (1976—1977), В. И. Кадеев (1978—1982), В. И. Булах (1982—1987), Ю. И. Журавский (1987—1991), Ю. В. Буйнов (1991 — по настоящее время).

Антон научно-исследовательской части РГУ. С 1981 по 1983 гг. — преподаватель кафедры новой и новейшей истории Харьковского университета. Читал курс по новейшей истории. Работал над темой кандидатской диссертации «Проблема европеизации внешнеполитического курса лейбористского кабинета Вильсона (1964—1970 гг.)». Опубликовал несколько статей. С 1983 г. работает в Ростовском университете.

Шрамко Борис Андреевич (1921 г. рож.), доктор исторических наук, профессор. Участник Великой Отечественной войны. В 1939 г. поступил на исторический факультет Харьковского государственного университета, война прервала обучение, окончил университет в 1949 г. В 1948—1950 гг. работал лаборантом кафедры древней истории, занимается восстановлением археологического музея, 1949—1952 гг. — аспирант кафедры древней истории и археологии, 1951—1955 гг. — преподаватель, старший преподаватель кафедры древней истории и археологии, а в 1955—1956 гг. работал в должности доцента кафедры древней и средневековой истории ХГУ. В 1956—1977 гг. — заведующий кафедрой истории древнего мира и археологии, с 1967 г. — профессор кафедры древней истории и археологии, с 1977 г. — профессор кафедры историографии, источниковедения и архивоведения. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию «Памятники скифского времени в бассейне Северского Донца», а в 1966 г. защитил докторскую диссертацию «Комплексы неосетских племен Восточной Европы в скифскую эпоху». Опубликовал более 200 научных, научно-популярных и методических работ. Чл. Б. А. Шрамко Андреевич Шрамко — профессор Харьковского университета. Библиографический указатель Х. 1991), среди них монография и учебный пособий «Древности Северского Донца» (1962), «История первобытного общества» (1972), «Справочник по археологии Украины: Харьковская область» (1977) (в соавторстве), «Археология древнего населения реки Восточной Европы» (1983), «Безвечные сокровища природы» (1984) (в соавторстве), «Славянские городища скифской эпохи (город Гелки)» и др. Под руководством Б. А. Шрамко были проведены широкие археологические раскопки в Харьковской, Полтавской и других областях. Выступил с научными докладами на международных конференциях во Франции, Германии, Чехословакии. Член Центрального комитета ЮНЕСКО по изучению истории и металлургии железа. Под научным руководством Б. А. Шрамко написано 7 кандидатских диссертаций. Член специализированных советов. Член редколлегии республиканского сборника «Археология». Преподавал общие курсы по истории первобытного общества, археологии, этнографии, спецкурсы «Археология неолитного века Европы», «Историография археологии» и др. Награжден орденами и медалями СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

№ 374
ИСТОРИЯ

Выпуск 27

Шрамко Б. А. К вопросу о древнейших орудиях для вспашки почвы на территории Украины	3
Дмитриев В. А. Новые позднеэнеолитические памятники в бассейне р. Ворсклы	9
Кадеев В. И. Римское влияние на материальную культуру Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э.	16
Мартемьянов А. П. Скотоводство в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э.	24
Любичев М. В. Раннеславянское селище на Северском Донце	30
Крыганов А. В., Чернигова Н. В. Новое исследование Нетайловского могильника салтовской культуры	35
Бриман С. Я. Деятельность депутатов от Харьковской губернии в I Государственной думе	42
Коломієць Т. В. Харківське товариство грамотності і недільні школи	50
Савченко А. А. Некоторые проблемы педагогического наследия Н. Ф. Сумцова	57
Лантух В. В. Торговля на Украине в 1921—1932 гг. (Историография проблемы)	64
Євсєєв С. Є. Виробнича діяльність працівників автомобільного транспорту України в 1969—1988 рр.	71
Посохов С. И. Социальная история науки (Проблемы методологии и историографии)	77
Тимофеев В. В. Э. Дж. Диллон: Несколько штрихов к портрету	83
Курякин В. В. К истории американско-английских экономических отношений в Европе в конце XIX — начале XX вв.	90
Чувпило А. А. Внутрипартийная борьба в Индийском национальном конгрессе накануне второй мировой войны (1936—1939)	96
<u>Журавский Ю. И.</u> , Зайцев Б. П., Куделко С. М., Посохов С. И. Материалы к библиографическому словарю преподавателей исторического факультета Харьковского государственного университета (1933—1992)	104

ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 374

ИСТОРИЯ

Выпуск 27

Редактор *Л. А. Копецкая*
Художественный редактор *Т. П. Короленко*
Технический редактор *И. А. Омельченко*
Корректор *В. М. Бурейко*

Сдано в набор 19.05.92. Подписано в печать 25.12.92. Формат 60×90/16.
Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.
печ. л. 8. Усл. кр.-отт. 8,25. Уч.-изд. л. 9,9. Изд. № 2260. Зак. 2-233.
Заказное.

10.000=

Издательство «Основа» при Харьковском государственном универси-
тете. 310005 Харьков, пл. Восстания, 17.

Отпечатано с матриц книжной фабрики им. М. В. Фрунзе, 310057
Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8 в Харьковской городской
типографии № 16. 310003 Харьков, ул. Университетская, 16, Зак. 858.

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 374
ИСТОРИЯ

Выпуск 27

Редактор Л. А. Колесник
Художественный редактор Т. И. Короленько
Технический редактор М. А. Омельченко
Корректор В. М. Рубинчик

100000
Главное и редакционное издательство в г. Харькове, ул. Богдана Хмельницкого, 17. Тираж 3000 экз. Цена 1 руб. 50 коп. Заказ № 2260. Зак. 2-233. Бум. тип. № 2. Литература, литература, литература. Ул. Богдана Хмельницкого, 17. Тираж 3000 экз. Цена 1 руб. 50 коп. Заказ № 2260. Зак. 2-233.

Надательство «Основа» при Харьковском государственном университете, 310005 Харьков, ул. Богдана Хмельницкого, 17.

Отпечатано с матрицы книжной фабрики им. М. В. Фрунзе, 310057 Харьков, ул. Дзержинского, 6/8 в Харьковской городской типографии № 16. 310003 Харьков, ул. Университетская, 16. Зак. 2260.

